ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 46-й

№ 46 (4488)

13 ноября 1974 г. СРЕДА

ПИСАТЕЛЬ О СВОЕМ ГЕРОЕ

Виктор ТЕАЬПУГОВ

ВАСИЛИЙ СЛАЖНЕВ И ЕГО ДРУЗЬЯ...

Василий Слажнев — москвич-метростроевец, Герой Социалистического Труда... Человек в жизни скромный, почти застенчивый, но твердый и непреклонный, если дело касается работы. Имя его стало известным, когда он поставил мировой рекорд проходки — неслыханное количество метров дала его бригада! — причем проходки тяжелой, в сыпучем грунте, в который врубаться надо было осторожнее осторожного. Американцы приезжали — дивились слажневцам, французы дивились, итальянцы дивились...

Ныне слажневская бригада трудится в самом центре Москвы. В земной глуби она тянет метро дорогу от Пушкинской площади к Кузнецкому мосту.

Тут, под землей, — целый город, не тот, который мы привыкли видеть, состоящий из гранитных да мраморных залов-дворцов, а рабочий, с отвалами породы, с гудением рудовозов, шелестом транспортерных лент, с хриплыми звонками клети-подъемника, с плеском воды, которую откачивают трудяги-насосы... И свет. Свет, свет, свет — подземное строительство освещено ярче, чем сама улица Горького. Каждая машина, каждый механизм подчиняется одному легкому движению руки — вот раздалось новое гудение, вот заработал еще один мотор.

В воздухе — сладковатый запах: только что «вырубили» взрывчаткой очередной кусок тоннеля. Слажнев поднимает осколок белого камня, слоистого и мягкого на ощупь, наверное, этим камнем можно писать на школьной доске...

— Не такой уж он мягкий, как кажется на первый взгляд. Известняк. Седьмая категория твердости. На этом камушке Москва стоит. В прямом смысле слова...

Веками лежал белый камень нетронутым. А теперь вот до него дошли руки рабочего человека, руки рабочей Москвы, которая строится, день ото дня хорошеет, растет ввысь, вширь, вглубь, становится подлинно коммунистическим городом. Становится и станет благодаря таким людям, как Василий Слажнев и его друзья-метростроевцы.

Фото Вадима КРОХИНА

КОНГРЕСС МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ КРИТИКОВ

11 ноября в Будапеште открылся конгресс Международной ассоциации литературных критиков. За недолгие годы своего существования ассоциация приобрела международный авторитет, расширила поле своей деятельности. Сегодня в ее состав входят 34 национальных центра в Европе, Америке, Азии, Африке. На конгрессе обсуждается актуальная тема «Критика и «массовая культура». В Будапеште представлены все национальные центры ассоциации, в том числе делегация советских критиков, в которую входят Б. Сучков, Л. Новиченко, А. Михайлов, А. Тамм, Г. Макогоненко, Г. Брейтбурд.

ВЫСОКИЕ НАГРАДЫ ВРУЧЕНЫ

Как уже сообщалось, за большие заслуги в развитии советской литературы, активную общественную деятельность и в связи с 40-летием со дня образования Союза писателей СССР Указом Президиума Верховного Совета СССР группе советских писателей было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Это еще одно яркое свидетельство постоянного внимания Коммунистической партии и Советского правительства к советской литературе, признание ее большой роли в жизни нашего социалистического общества.

5 ноября Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил в Кремле высокие награды Родины. Ордена Ленина и золотые медали «Серп и Молот» были вручены писателям Р. Г. Гамзатову, Н. М. Грибачеву, В. П. Катаеву, В. М. Кожевникову, Г. М. Маркову, К. Яшену (Нугманову).

Писатели взволнованно благодарили Коммунистическую партию и Советское правительство за постоянное внимание и заботу о развитии многонациональной советской литературы.

От имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, лично от Л. И. Брежнева награжденных сердечно поздравил Н. В. Подгорный.

НА СНИМКЕ: *Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный с писателями Р. Г. Гамзатовым, Г. М. Марковым, К. Яшеном, Н. М. Грибачевым, В. М. Кожевниковым, В. П. Катаевым.*

Фото В. СЕВАСТЬЯНОВА (Фотохроника ТАСС)

СЕМИНАР В ЦДЛ

В ЦДЛ имени А. А. Фадеева состоялось очередное занятие проводимого по инициативе МГК КПСС семинара секретарей партийных организаций литературно - художественных и искусствоведческих журналов, а также издательств художественной литературы.

Перед участниками семинара с лекциями выступили заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации МГК КПСС Г. Н. Чистяков и доцент ВПШ при ЦК КПСС В. Я. Акимов.

В работе семинара принял участие заведующий отделом культуры МГК КПСС Н. В. Бугаев.

У КОЛХОЗНИКОВ ЧУВАШИИ

Давняя дружба связывает тружеников колхоза «Герой», что в Чувашской АССР, с многими писателями, артистами, ветеранами войны, космонавтами. С их помощью в колхозе создан музей боевой и трудовой славы, постоянно пополняется местная библиотека. Одним из активных шефов колхоза вот уже несколько лет является редакция журнала «Дружба народов».

Недавно в колхозе побывали главный редактор журнала С. Баруздин и член редколлегии В. Холопов. Они вручили коллективу «Героя» памятные подарки, а также новые книги для библиотеки.

В Союза писателей Чувашии состоялся разговор о планах «Дружбы народов», об участии литераторов республики в работе журнала.

СОБЫТИЕ В НЕСКОЛЬКО СТРОК

«ХИВА. БИБЛИОТЕКА ТАШПУЛАТОВА»

По такому адресу приходят десятки писем 72-летнему хивинскому книголюбу Юсупу Ташпулатову, библиотека которого насчитывает более 10 тысяч томов. Ни номера дома, ни улицы, а почтальоны безошибочно доставляют письма, бандероли. В библиотеке Ташпулатова — произведения художественной литературы, книги по истории культуре, искусству народов Средней Азии.

Многие годы собирал Юсупака свою бесценную коллекцию, и не для личного пользования. Двери библиотеки широко открыты для многочисленных читателей, а читателей более тысячи человек.

МУЗЕЙ ЮЛИУСА ФУЧИКА

Во Фрунзенской школе № 80 открыт музей национального героя Чехословакии Юлиуса Фучика, который дважды — в 1930 и 1935 годах — бывал в Киргизии. Его имя носит и пионерская дружина школы.

Организовали музей и собрали для него материалы «красные следопыты» — с помощью бывшей артистки Киргизского оперного театра, ныне пенсионерки Драгомиры Маречек, дочери известного революционера Рудольфа Маречека.

В музее — сотни интересных экспонатов: письма пионерам школы от Густины Фучиковой, редакции газеты «Руде право», переписка ребят с бывшими узниками фашистского лагеря смерти Бухенвальда.

Аркадий АДАМОВ

100 СТРОК ПУБЛИЦИСТИКИ

ПОДЛИННО НАРОДНАЯ

...КАЖЕТСЯ, нет более заметной, более «просматриваемой» профессии. Сотни глаз всегда наблюдают за работниками милиции, глаз дружеских, благодарных, требовательных, иной раз испуганных, а порой и злобных. Это трудная работа — всегда ответственная и часто опасная. Не случайно мы встречаем в газетах указы о награждении работников милиции боевыми орденами и медалями за задержание преступников, за спасение людей и государственных ценностей.

Советская милиция, созданная по инициативе В. И. Ленина, вот уже 57 лет надежно и бдительно охраняет интересы государства, оберегает жизнь, права, достоинство человека. И потому ее праздник всегда широко отмечается всеми трудящимися страны.

Я давно знаю и люблю этих людей, я много лет пишу о них. На моих глазах в милицию пришло новое пополнение, которое достойно продолжает славные традиции своих предшественников. В органах внутренних дел продолжают почетно служить 120 Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы. И сегодня молодые сотрудники милиции совершают выдающиеся подвиги, и Герой Советского Союза капитан милиции Александр Попрядухин получил Золотую Звезду уже в мирное время, в наши дни.

Мы знаем, что главная задача работников милиции — не допустить преступления предупредить его. Конечно искоренение преступности вообще, как социального явления — это задача всего нашего общества. Но предупредить то или иное конкретное, готовящееся преступление — это обязанность милиции. Просто это? Так же «просто», как разобраться в каждом трудном характере, в каждой сложной, «запущенной» человеческой судьбе.

Педагог формирует характер, работник милиции вынужден перевоспитывать тот, который «не получился». Задача во сто крат более сложная. Потому в милиции так ценят людей с педагогическим образованием. Сложнейшая, строго научная проблема причин преступности приобретает здесь все более практический характер.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев подчеркивал: «Преступность, любые формы антиобщественного поведения — это социальное зло, и бороться с ним следует повседневно, бороться твердо и решительно».

И когда у наших друзей работников милиции, праздник, хочется от всей души пожелать им успехов и радости, сил и здоровья, еще раз напомнить о почетности их нелегкого труда и о великой ответственности, которая лежит на их плечах.

СЕГОДНЯ РАЗГОВОР О ДЕТСКОЙ МОЗЫКЕ ПРОДОЛЖАЮТ Ирина ТОКМАКОВА и Сергей СИВОКОНЬ — стр. 5

ВСТРЕЧИ С ВАСИЛИЕМ ШУКШИНЫМ — стр. 8

ПИСАТЕЛЬ И ЖИЗНЬ. ИЛЬЯ ФОНЯКОВ. «СЛАГАЕМЫЕ УРОЖАЯ» ВТОРОЕ ПИСЬМО ИЗ НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ — стр. 10

ОТКЛИКИ. «ЕСЛИ БЫ ДИРЕКТОРОМ БЫЛ Я...» РУБРИКА РАЗДВИГАЕТ ГРАНИЦЫ — стр. 12

Генрих БОРОВИК

НЕЛЬЗЯ КОНФИСКОВАТЬ ПАМЯТЬ!

Из Чили пришло известие — фашистская хунта конфисковала дом Пабло Неруды в Исла-Негра, его известный всему миру дом на берегу океана, где великий чилиец жил и где написал многие свои стихи, дом, который называли «поющей раковиной». Заместитель министра внутренних дел хунты объяснил журналистам, что дом конфискуется, «так как принадлежит коммунистической партии, объявленной вне закона». Вдове поэта — Матильде Уррутия приказано покинуть дом. Квартира Неруды в Сантьяго — та самая, которую фашисты разграбили в первую ночь после смерти поэта, тоже, нам сообщают, будет конфискована военными властями.

В этом известии при всей его чудовищности нет ничего удивительного. Так должно было быть. Фашизм боится поэтов. Не только живых, но и мертвых. Для этого страха у фашизма есть основания.

Уже после смерти Пабло Неруды мир облетало стихотворение, в котором он выносил приговор врагам своего народа, «кровавым сатрапам», «топле безжалостных палачей», пришедших к власти в Чили. Это стихотворение опубликовали многие газеты мира. Оказалось, однако, что оно было написано не в трагические дни сентября 1973 года, а за четверть века до этого. Но кто-то вынул эти стихи из толстого тома и раздал народу, как раздают оружие, когда надо идти в бой. Оружие оказалось разящим.

В Лиссабона после революционных событий 25 апреля я был на концерте, где любительский хор исполнял песни, запрещенные при фашизме. Среди этих запрещенных песен были и те, что сложили до фашизма. Но фашистские цензоры нашли в них антифашистский смысл. Потому что любая человеческая песня, если она человечна, — против фашизма. Веселая — значит, насмешке над фашизмом, грустная — значит, о горе, которое принес фашизм людям, гневная — значит, в ней призыв к борьбе. Даже любовная песня — тоже против фашизма, потому что человеческая любовь и фашизм несовместимы. Все, что делается человеком ради человека, — все имеет антифашистский смысл.

А стихотворения Неруды — любое, написанное ли перед самой смертью или десять, двадцать лет назад, любое его стихотворение — выстрел по фашистам. И не только стихи. Все, что связано с Нерудой, сама память о нем — это оружие в борьбе против фашизма.

Вот почему его боится хунта. Вот почему известие, пришедшее из Чили, неудивительно.

Можно конфисковать дом, сжечь книги, истоптать солдатским башмаком любимые вещи поэта, в ярости изломать на мелкие куски ванную ручку поэта, тешь себя мыслью, что и она не вечна.

Но можно ли конфисковать память о поэте?

У меня есть друг — американский кинематографист, который провел с Нерудой несколько часов и сделал о нем 60-минутный фильм. Я видел его. Бесхитростная хроника одного дня великого человека. Пабло ходил по берегу океана, бросал в воду камешки, прикрыв глаза ладонью, смотрел на солнце, о чем-то серьезно и лукаво разговаривал с деревенскими ребятишками, ходил по базару, пробовал вино, покупал хлеб и сыр, торговался возле какой-то безделицы, улыбался, и к нему тянулись улыбающиеся глаза людей. Сотни людей, сотни вещей коснулся — только за один час, что длится фильм, — Пабло. Коснулся глазами, улыбкой, мыслью, рукой, кивком головы. И получил сотни ответов, улыбок — от людей, от океана, от солнца. Он вернулся домой с базара с хлебом и сыром в одной руке и с каким-то заржавевшим якорем — в другой. Он любил вещи, он любил их, как произведение человеческого ума и рук, как кусочки материализованного человеческого таланта. Он окружал себя самыми неожиданными вещами — старинная прялка, поломанный пропеллер, якорь, игрушка, подаренная мальчишкой из Вальпарансо. Вещи в его доме чувствовали себя успокоенными. Здесь они кончали свое бродяжничество, здесь начинали новую жизнь в огромной душе поэта.

Что же нужно запретить и конфисковать, уничтожить фашистской хунте, чтобы вытравить память о Пабло Неруде? Океан, его брызги, его накатывающиеся на берег волны, запретить восход и закат, на которые любил смотреть Неруда, измельчить в песок прибрежные камни, по которым он любил ходить, скалу, на которой любил сидеть этот человек в крошечной голубой кепочке на большой голове. Пришлось бы конфисковать чилийское небо и чилийскую землю, конфисковать хлеб, лук, вино и сыр, которые он ел и пил, бумагу, на которой писал, вещи, на которые смотрел, людей, которым улыбался и которые улыбались ему, людей, которые знают и любят его стихи: пришлось бы уничтожить жизнь вокруг, жизнь, которую он воспевал и которую хотел сделать счастливой для всех.

Но даже если бы фашистам удалось уничтожить все живое вокруг себя, все равно осталась бы память о Неруде.

Память о поэте неистребима. Ее нельзя конфисковать. И можно ли конфисковать дом поэта, если его дом — вся Чили, ее пропитавшаяся кровью земля, ее покрытое тучами небо.

Конфисковать дом? Конфисковать память?

Чудовищная, трусливая и бессмысленная затея!

Рахим ЭСЕНОВ,
председатель правления СП Туркменистана

ПУТЬ ПОИСКОВ И СВЕРШЕНИЙ

НА РЕСПУБЛИКАНСКОЙ выставке достижений народного хозяйства я наблюдал любопытную картину. Юноша туркмен с комсомольским значком на груди увлеченно и со знанием дела рассказывал седовласому аксакалу о выставочных экспонатах — бульдозерах, вентиляторах-гигантах, нефтяных насосах. Но, подойдя к деревянному омачу — средневековой сохе, юноша растерялся: этого ему видеть не приходилось. Теперь роль добровольного экскурсовода перешла к старику, который сам до революции возделывал землю таким вот орудием. Примитивный омач, как и породившая его эпоха, ушел в прошлое, стал музейной редкостью...

Пятьдесят лет — юность эпохи. Эту юность, наполненную сиянием солнечных дней, принесли на древнюю землю Средней Азии герои огненных лет революции и все те, кто создавал и умножал богатства советских среднеазиатских республик.

Пятьдесят лет... Нелишне вспомнить сегодня, как в 1918 году во время оккупации Туркмении интервентами английский капитан Тиг-Джонс, один из убийц 26 бакинских и 9 ашхабадских комиссаров, высокомерно заявил: «Этот народ (то есть туркмены. — Р. Э.) почти не затронут цивилизацией. То ли бушмены перед тобой, то ли готтентоты. Когда здесь кончат грохотать пушки Шеффилда, придется внедрять Киплинга...».

Киплинга «внедрять» не пришлось. Советский Туркменистан стал республикой высокой социалистической культуры. Неузнаваемо изменились люди.

Туркмены, о которых так пренебрежительно отзывался Тиг-Джонс, сейчас имеют свою Академию наук, десятки научно-исследовательских институтов, талантливых писателей, художников, композиторов, артистов... Туркменские ученые успешно работают над проблемами использования солнечной энергии в народном хозяйстве, над созданием новых сортов тонковолокнистого хлопчатника, над выявлением и изучением новых природных богатств республики. Романы аксакала туркменской литературы Берды Кербабаева читают на многих языках планеты. Туркменскому «соловью» Меденият Шахбердыевой аплодирует Монреаль. Работы народного художника СССР, депутата Верховного Совета СССР Иззата Клычева экспонировались в Варшаве и Берлине. Сын неграмотного дайханина, народный художник Айхан Хаджиев создает портреты великих туркменских классиков Махтумкули, Молланепеса. И это в краю, где догмы ислама считали святотатством изображение человеческого лица!

Успешное осуществление социально-экономических преобразований, рост культуры немыслимы без братской взаимопомощи народов Советского Союза. Творческое взаимообогащение оказало существенное влияние на развитие туркменской советской литературы, которая, не теряя национальной самобытности, поднялась до художественного решения общенародных проблем. Произведения туркменских писателей читают в Москве, Ташкенте, Алма-Ате, Киеве, Вильнюсе, Мурманске, Хабаровске, наша книжная продукция демонстрируется на международных выставках и ярмарках книги, туркменская советская литература встала в боевую общесоюзную колонну. И в первую очередь это относится к реалистической прозе, рожденной революцией.

Принято считать, что туркменская реалистическая проза начиналась с малых форм. Это подтверждает творчество Н. Сарыханова и А. Дурдыева. Крупнейший туркменский писатель Б. Кербабаев своими рассказами и очерками также нащупывал подступы к роману «Решающий шаг». Но наряду с этим жанр романа утверждался и самостоятельно: в тридцатые годы это был роман «Из кровавых когтей» Х. Дерьяева, впоследствии ставший основой четырехтомной книги «Судьба», в сороковые — «У подножья Копет-Дага» и «Мехри и Вепа» Ата Каушутова.

Туркменская литература развивалась вместе с другими братскими литературами. Так, Н. Сарыханов учился мастерству рассказа у Чехова, Максим Горький и Галимджан Ибрагимов были первыми учителями Б. Кербабаева. Под творческим воздействием Абдуллы Кадыри начинался путь романиста Х. Дерьяева. К творчеству Михаила Шолохова обращался Б. Сейтаков, когда приступал к своим первым рассказам.

Туркменская проза, откликаясь на актуальные проблемы времени рассказом, очерком, публицистикой, вышла к всесоюзному читателю прежде всего с романом, рассказывающим о революции. Это — уже названные «Решающий шаг» Б. Кербабаева и «Судьба» Х. Дерьяева, это «Братья» Б. Сейтакова и «Сумбар течет» Б. Солтанниязова. За ними последовали другие писатели, отобразившие в своих произведениях преобразование родного края, духовный взлет нового человека. «Небит-Даг» и «Капля воды — крупица золота» Б. Кербабаева, «Черная пасть» П. Карлова, «Родная земля» Я. Мамедиева и «Кремни» А. Атаджанова, повесть «Сормово-27» и роман «Песня бегущей воды» Б. Худайназарова, «Грозовые дороги» Ш. Борджакова, роман «Ветры над Челекеном» Б. Пурлиева, повести С. Аннасахатова — вот те произведения, где туркменская проза вплотную соприкоснулась с темой труда, темой рабочего класса, рожденного, как и сама литература, Октябрьской революцией.

Туркменская проза успешно осваивает историческую и историко-революционную тематику, глубоко раскрывает тему нерушимой братской дружбы народов. В этой связи, помимо уже перечисленных, назову романы «Чудом рожденный» Б. Кербабаева, «Черный караван» К. Кулиева, «Джейхун» Н. Джумаева, «Море согласия» В. Рыбина, «Ходжа Непес» Ю. Белова, «Окрыленная душа» А. Кекилова, «Тойли Мерген» К. Курбансахатова, «Следопыт» Ч. Аширова, «Вчерашние люди» А. Хандова, «Земля помнит все» Т. Джумагельдиева и другие.

Наряду с крупноплановой прозой хочется отметить и очерки, документальный рассказ, публицистику, в жанре которых успешно работают Тоушан Эсенова, Каюм Тангрыкулиев, Какалы Бердыев, Ашир Назаров, Сеитнияз Атаев, Александр Аборский, Байрам Джутдиев и многие другие прозаики.

Светлые перспективы открыли перед нами Директивы девятой пятилетки, принятые историческим XXIV съездом КПСС. И сегодня каждый писатель, будь то прозаик или поэт, критик или публицист, чувствует сопричастность к этим величественным планам.

Говорят, новые заводы, фабрики, населенные пункты, преображающие лик земли, — вехи истории. На берегах седого Каспия, в долинах Мургабского и Ташаузского оазисов, в предгорьях Копетдага и на берегах Амударьи — всюду стоят новые вехи моей Родины. Это вехи на великой дороге в коммунизм. И эта дорога проходит через сердце республики, через сердце каждого человека, каждого писателя.

Керим КУРБАННЕПЕСОВ,
народный поэт Туркменской ССР

ГЕРОЙ ПОЭЗИИ — НАШ СОВРЕМЕННИК

ВЕРНО говорят, даже великие сенекотворцы не три четверти выходят из своих предшественников. Такие выдающиеся поэты, как Зелили, Сеиди, Камина, Молланепес, — все они «вышли» из великого Махтумкули. За ними следовало поколение Октября: Байрам-шахир, Кармолла, Молламурт, Дурды Клыч, Ата Салих... Их творчество, продолжившее лучшие национальные традиции, органически влилось потом в процесс становления новой литературы: все они взяли на вооружение прогрессивные традиции Махтумкули, Камина, Молланепеса, развивая их в соответствии с требованиями нового времени. Они пришли в поэзию еще до Октябрьской революции. Приняли сторону большевиков и, следуя поэтическим традициям своих предшественников, они включились много красивой поэзии, принимая активное участие в социалистическом строительстве, подвижнически трудились, призывали народ еще теснее сплотиться вокруг ленинской партии.

Нынешнее поколение туркменских стихотворцев стало достойным продолжателем дел своих славных предшественников. Молодежь смело раздвигает границы традиционной поэтики, ищет новые ритмы, формы стиха. И в то же время молодые не чуждаются притч, философской дидактичности, свойственной восточной поэзии, прибегают к образной афористичности.

Герою наших дней — советскому человеку посвящают свое творчество мастера нашей поэзии Бердыназар Худайназаров, Мамед Семедов, Ата Атешшаков, Тоушан Эсенова, Акджамал Омарова, Курбанназар Эзизов, Аннаберды Агабаев, Хелли Кулиев, Ильмамед Нуриев, Байрам Джутдиев, Ахмед Курбанмелесов...

Образ кумли — жителя песков, труд чабанов, на бранди и праздниках, радости и горести — все это составляет

Лирический герой К. Эзизова — человек мужественный, любящий, мудрый. Он ведет с читателем доверительный разговор о жизни. Лирика поэта неразрывно связана с национальными поэтическими традициями, по самой своей природе тяготеет к раздумьям, и глубоким философским жизненным обобщениям.

Как нельзя было вот 15—20 лет назад представить поэзию Туркменистана без таких мастеров, как Георгий Веселков и Виктор Пармяков, так и сегодня не мыслишь ее без наших русских друзей Вадима Зуборева и Юрия Рябинина — поэтов, живущих в нашей республике. Они не только авторы оригинальных поэтических произведений, но и пропагандисты лучших образцов туркменской поэзии.

Нам всегда будет интересен и ценен опыт Ораза Ташназарова, Ходжанепеса Чарыева, Рахмета Сандова, Нурбарды Пемме, Кара Сейтлиева, которых, увы, теперь уже нет с нами, но с творчеством которых мы не расстаемся и с глубоким уважением и любовью произносим имена славных сынов туркменского народа.

В золотом фонде нашей поэзии — баллада о Ленине К. Сейтлиева, посвященная трагическим событиям, связанным с ашхабадским землетрясением 1948 года. Сегодня участь города ученые решают по-ленинским, по-ленинградски: не восстанавливать, а строить заново. Ашхабадцам пришла все страна, еще не оправившаяся от недавней войны, на излечившая раны.

Сильнее смерти оказался труд.
Стрелы поднимаются над нами.
Вновь улицами улицы зовут,
Становятся опять дома домами.
И снова сад веселым садом стал.
Ильич простор оглядывает взором.
Каракулей сверкает пьедестал,
Ковровым опоясанный узорам.
И Ленин солнцу руку подает.
На светлой бронзе ни следа печали.
Его лица касается восход.
И кажется: два солнца повстречались.

(Перевел А. КРОНГАУЗ)

Лучшие стихи туркменских поэтов пользуются сегодня популярностью у всесоюзного читателя. И этим мы прежде всего обязаны искреннему заинтересованным друзьям-переводчикам, проявившим внимание к нашей поэзии, — как представителям старшего поколения — В. Луговскому, В. Тушновой, А. Тарковскому, М. Терловскому, так и тем, кто «пришел» к нам позже, — Вл. Солоухину, Н. Гребневу, Р. Казаковой, Ю. Гордиенко, Е. Храмову, Ю. Мориц, О. Дмитриеву, Вл. Цыбину, И. Шкляревскому и другим.

Строительство Марыйской ГРЭС.
Рис. И. КЛЫЧЕВА, народного художника СССР

Осень
Рис. В. ИВАНОВА

Полоса, посвященная 50-летию образования Туркменской ССР, конечно, не мыслилась без участия Берды Мурадовича Кербабаева. Еще в самом начале минувшего лета собственный корреспондент «ЛГ» по Туркмении И. Пасевьев побывал в гостях у аксакала, который только что вернулся из Казахстана, где был участником Дней советской литературы. Полный впечатлений, Берды Мурадович рассказывал о незабываемых встречах с товарищами по перу, с чабанами, рабочими, земледельцами. Потом, взяв со своего письменного стола лист тетрадной бумаги, исписанный четким почерком, и прикрепленную к нему фотографию двух мальчишек, сказал: «Об этой я хотел бы рассказать читателям «ЛГ».

Трудно было предположить, что это интервью с Героем Социалистического Труда писателем Б. М. Кербабаевым будет последним в его жизни.

«ТЕЗКИ МОИХ ГЕРОЕВ»

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ Берды КЕРБАБАЕВА

«Это письмо я получил совсем недавно, перед отъездом в Казахстан. Оно на туркменском, я переводу его. Лет двенадцать назад я получил однажды письмо из поселка Свят, что на востоке нашей республики, в Чарджоуской области. Тогда один читатель писал, что немногие на видал, как трудится нефтяники. Но прочел мой роман «Небит-Даг», и вдруг так захотелось путешественнику испытать, что своими руками добывают черное золото пустыни.

Много писем требуется писать, в ответах и обещаниях сидеть не пришлось мальчишкам. Но тут мне, писательской мысли, не сидится на месте — день, другой праздник, да говорить, что я и не думал ехать было много сидеть, встречаться с людьми, беседовать с товарищами, если сложилась вокруг нефтяных месторождений, и все это имело отношение к сюжетам будущих книг.

А недавно, встретившись с нефтяниками, я вспомнил о них. [Это беседа передавалась по телевидению.] И вот — теперь новое письмо. Уже семь тезки моих героев пишут — Нурджан и Тойджан. Ребята хорошо учатся, любят читать, как и остальные четверо их братьев. И обещают мне тоже стать нефтяниками...

Молодцы ребятки! Я думаю, они напрасно станут нефтяниками. Вряд ли их дедушка в свое время мечтал работать в такой профессии, бегающем на бак, или на ротором в наши дни в пустыни Туркмении, но какие их отцы, их дворы — в годы военные помнят их и деды. А я черпал много отца один только и научился читать. Эти же — все шестеро — читают... Многие у нас не любят, когда вспоминаешь такие контрасты: не нужно, мол, похоже. А я уважу, например, в газете фотографии одного и того же места, снятые с интервалом в 58 лет, и, ай-бегу, это впечатляет по-настоящему!

Сейчас там, где лишь верблюжья тропа проходила, стоят новые нефте- и газопромыслы, города. В той же Чарджоуской области, где ребята эти живут, сколько месторождений открыто! Строится город Нефтезаводск. И все это делают наши внуки — такие, как Нурджан и Тойджан. Поэтому и верю, что все их мечты непременно сбудутся!»

ЭСТАФЕТА ВЫСОКОГО СОАНЦА

Самсем! —
и потряслись громады гор,
И толщи недр
взимых затрепетали.

Таким ощутил туркменский поэт появление паровоза — этого чуда, которое создал «могучий молот пролетариата». В огневом 1943-м писатель-солдат Шалы Кекилов отдал жизнь за свободу своей интернациональной Родины, ее высокое солнце над ней.

Или вот стихи самого молодого участника этого сборника Какабая Ильясова, родившегося в год гибели Шалы. Они проникнуты сыновней любовью к родному дому, матери, давшей жизнь,—неиссякаемым источникам творческого вдохновения.

В небольшую поэтическую антологию вошли отобранные с любовью и большим тактом как отдельные лирические строки авторов разных поколений, так и наиболее значительные отрывки из эпических полотен, созданных за минувшее пятидесятилетие. И тем, что «Высокое солнце» и впрямь соседствует с лучшими изданиями последнего времени, мы в значительной степени обязаны ее составителям Ю. Гордиенко и В. Рыбину, взявшим на себя этот непростой труд.

Вл. САВЕЛЬЕВ

КНИГИ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА

«Ленин в туркменской поэзии» — так называется эта книжка-малютка, любовно оформленная ашхабадским художником Валентином Когдиным. (Сувенирное издание художественного фонда ТССР, 1974.) В нее вошли переведенные на русский язык стихи двадцати поэтов — от старейшего Байрама-шахира до молодого Курбанназара Эзизова.

Баки СЕЙТАКОВ,
народный писатель Туркменской ССР

Роман Верды Солтанниязова «Сумбар течет» посвящен гражданской войне и становлению Советской власти в республике. (Изд. «Туркменистан», 1974). В центре повествования — судьбе чабана Юсупа, его духовный рост, становление классового самосознания. Острые сюжетные ситуации, сложное переплетение событий, драматические конфликты делают книгу интересной.

Анна КОВУСОВ

В романе Нарклыча Ходжагельдыева «Израненные колосья» повествуется о незабываемых годах революции и героизма советских людей в трудные дни Великой Отечественной войны. (Изд. «Туркменистан», 1974). В арык, живых образах автор показывает формирование нового человека. Особенно удались писателю страницы, рассказывающие о подвиге трудового народа в тылу в годы битвы с фашизмом.

Аман КЕКИЛОВ,
народный писатель Туркменской ССР

«Птица счастья» — книга рассказов и очерков Юрия Белова и Чары Металова о сегодняшнем дне республики. (Изд. «Туркменистан», 1974). В центре внимания авторов — обновление туркменской земли, рожденное нового героя, дружба народов нашей страны. Книга рассказывает о нефтяниках Небит-Дага, химиках Бекдаша, строителях реки жизни — Каракумского канала имени В. И. Ленина. Эти люди преобразуют древнюю землю.

Ашир НАЗАРОВ

Наш Аман-ага

Как-то опубликовал я в газете стихи о быстротекущей человеческой жизни. Там были такие строки: «Не седую голову свою, как на сводку лживую смотрю».

На следующий день получаю по почте открытку. Знакомый бисерный почерк:

Возраст богатырский —
сорок пять!
Можно ль в старики
тебя принять?
Совершенства признак —
седина —
Зрелому мужчине
не страшна.

Это писал Аман Кекилов. И был тронут не столько успокоительным тоном стихов, сколько вниманием всеми уважаемого человека, делегата Первого съезда советских писателей, чей членский билет подписан А. М. Горьким.

И мне вспомнилась первая встреча с поэтом. Сразу же после ашхабадского землетрясения 1948 года подшефный институт, где Аман-ага преподавал, был переведен в Чарджоу. Там состоялся семинар молодых писателей. И меня поразило внимание, с каким относился и нам, начинающим, этот маститый поэт, ученый. С первых же минут мы почувствовали в нем умного и доброго старшего товарища. Мы буквально зачитывались в те годы его романом в стихах «Любовь». Мне кажется, на Дальнем среди нас тогда не было человека, кто не декламировал бы на память отрывков из него. Всем нам была близка и понятна его главная тема — о юношеской военной молодости...

После семинара, необычайно для этих мест мартовским вечером, в ряд Аман провел поэта домой. Мы много говорили тогда. Аман-ага показал мне семейную реликвию — железную мухобойку, которая спасла его малолетнюю дочурку во время страшного землетрясения.

Знаю, писатель внимательно следит сегодня за творчеством писателей, особенно молодых. Многим из них он помог в начале пути. Прямота и принципиальность, взыскательность и честность в оценке творчества собратьев по перу всегда свойственны академику АН ТССР, заслуженному деятелю науки, народному писателю республики Аману Кекилову.

Бердыназар ХУДАЙНАЗАРОВ,
лауреат Государственной премии Туркменской ССР имени Махтумкули

НЕОБЪЯТНОЕ НЕБО РОДИНЫ

СКУЛЬПТУРА, увлекшая меня впервые, изображала женщину. Она сидела на корточках — излюбленная поза туркменке — у входа в старый Ашхабадский вокзал и держала на коленях раскрытую книгу.

Позже, изучая в школе стихи и поэмы первой туркменской советской поэтессы Тоушан Эсеновой, я каждый раз вспоминал именно эту, увиденную в детстве, скульптуру, и мне казалось, что именно Тоушан сидит у вокзала с раскрытой книгой и читает гостям из далеких аулов свои стихи об Ашхабаде, о том, как мы здесь живем, о новой судьбе своих сверстниц.

С тех пор минуло более четверти века. А той известной скульптуре уже не в воображении моем, а на самом деле суждено было «поселиться» рядом с поэтессой. «Читающую туркменку» навсегда перенесли в центр Ашхабада, в тенистую аллею, ведущую к подъезду Государственного музея изобразительных искусств. Она сидит теперь буквально в двадцати шагах от дома Эсеновой...

Поэтому и сегодня, когда случается пройти мимо этой скульптуры, я невольно думаю о нашей Тоушан Баджи. Мне представляется маленький аул Юзбаши, выплывающий из миража раскаленной пустыни, а в нем — бедная землянка, а в ней — девять детей, мал мала меньше. Голодные, неухоженные, девятеро ждут они с поля отца: что он им принесет сегодня на ужин...

Едва уцелевшая в той землянке, Тоушан многие годы спустя в поэме, повествующей о горьких и счастливых днях одной из своих сверстниц, рассказала о приходе в Каракумы новой, народной власти.

Судьбу героини поэмы «Легенда о Ленине» и о дочери чабана» — бывшей рабыни, а впоследствии активной строительницы социализма, с которой душевно беседует в Кремле вождь революции, — невозможно представить отдельно от судьбы автора. За именем народной поэтессы Туркмении Эсеновой, дочери забитого дайханина, — целое поколение туркменок, впервые за многие века, на заре Советской власти освоивших грамоту, овладевших тогда в республике учебные заведения. И не случайно первое ее стихотворение, опубликованное сорок четыре года назад на страницах республиканской партийной газеты, прозвучало страстным и взволнованным признанием. Это было как гром с ясного неба: «Распрямляйте бутоны роз, открывайте глаза привыкшим во мраке ночей к тяготе своих подруг в нашу эпоху!»

В поэтическом слове освобожденной туркменки как бы ожили, зазвучали голоса тысяч и тысяч безымянных матерей и сестер, встававших потом на правильный путь времени уже в иных жизненных обстоятельствах — девочек нашего тепла в непривычно засверкали цветы ковровых орнаментов, имена создательниц которых также ушли в безвестность. Своими произведениями, ставшими сразу же широко популярными, Тоушан как бы возродила вековые «оставшиеся под спудом неугасимый талант и душевные силы обездоленной туркменки. Ее первая пьеса «Дочь миллионера», написанная в конце тридцатых годов, ставится почти одновременно в четырех театрах республики, играется на языках народов Кавказа и Поволжья, в переводе Л. Кристи и А. Луначарского дважды печатается в Москве. Многие актрисы, сыгравшие роль главной героини пьесы — Шемшат, освобожденной женщины Востока, до сих пор шлют автору теплые, благодарственные письма.

«Тесная общая сплоченность молодежных газет тридцатых годов, с увлажи фотоснимков стройной девушки в форме шлема. «Первая туркменская летчица Тоушан Эсенова» — гласила подпись под ним.

Да, в туркменском небе, необъятном небе нашей Родины, Тоушан была одной из первых!

Высокое стремление служить каждым днем и часом своему народу, верность идеям великого Ленина определили и жизнь, и творчество Тоушан-Баджи. «Тот поэт, у кого очень сильно развито чувство интернационализма», — писал в свое время об Эсеновой критик А. Макаров. Борьбе испанского народа за республику был посвящен первый сборник поэтессы. Мотивы гражданственности проникают и широкое полотно ее книги «Женщинам Востока».

Женщина Советского Востока. «Читающая туркменка». И сегодня жизнь побывал у полюбившейся скульптуры. Небо над ней было голубым и высоким.

Аннаберды АГАБАЕВ,
лауреат премии Ленинского комсомола Туркменской ССР

ПИСАТЕЛИ — ЛАУРЕАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР

В день празднования 57-й годовщины Великого Октября было опубликовано Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о присуждении Государственных премий СССР 1974 года в области литературы, искусства и архитектуры. Среди лауреатов — Василь Быков, удостоенный премии за повести «Обелиск», «Дожить до рассвета»; Кайсын Кулиев, народный поэт Кабардино-Балкарской АССР, — за сборник стихов «Книга земли»; Леонид Мартынов — за сборник стихов «Гиперболы»; Абдижамил Нурпеисов — за трилогию «Кровь и пот» (книга I — «Сумерки», книга II — «Мытарства», книга III — «Крушение»); Борис Рецлов, доктор филологических наук, член-корреспондент АН СССР, — за цикл работ о проблемах романтизма и становления французского критического реализма XIX века: «Французский исторический роман в эпоху романтизма», «Творчество Бальзака», «Творчество Флобера», «Французский роман XIX века»; Владимир Железников — за сценарий художественного фильма «Чудак из 5 «Б», поставленного Центральной киностудией детских и юношеских фильмов имени М. Горького (премия за произведения литературы и искусства для детей).

Сегодня мы публикуем первые три материала корреспондентов «ЛГ», рассказывающие о лауреатах Государственной премии СССР.

Василь БЫКОВ:
РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

— Прежде всего позвольте поздравить вас с присуждением Государственной премии СССР и спросить о чувствах и мыслях, вызванных этим знаменательным событием...

— Спасибо. Я, разумеется, рад, что мне выпала высокая честь быть удостоенным Государственной премии СССР и тем самым пополнить белорусский отряд ее лауреатов, насчитывающий не один десяток работников всех видов искусств и литературы республики. В этом знаменательном факте я усматриваю прежде всего признание успехов белорусской литературы, с каждым годом достигающей все новых высот в своем непрестанном развитии.

— Расскажите, пожалуйста, о вашей литературной работе последнего времени. Чем вы были заняты в прошедшее лето, вообще в год, который уже на исходе, и что считаете для себя наиболее важным?

— Истекающий год был для меня весьма напряженным в творческом отношении. Обстоятельства сложились таким образом, что мне пришлось работать сразу в трех жанрах: прозе, кино и драматургии — ставилась пьеса, на двух студиях страны снимались картины по моим повестям, что наложило особую ответственность за идейно-художественный уровень прозы. Чувство этой ответственности становится еще более понятным, если иметь в виду приближающуюся годовщину тридцатилетия Великой Победы, добытой нашим народом ценою таких невероятных усилий. Я думаю — особенно в свете этого тридцатилетия, — что наша литература еще находится в огромном долгу перед своими читателями. Несмотря на многое сделанное в этой области, сделать предстоит еще больше, так как самое большое и самое заветное произведение о минувшей войне еще не написано. «Война и мир» советского народа все еще ждет своего автора... Конечно, никто из наших даже самых одаренных писателей военной темы не рискнет сравниться с великим Толстым, но я уверен, что дерзать надо. Надо работать и не бояться риска, чувство которого уже само по себе подрезает крылья и делает невозможным никакое открытие. Даже в том случае, если мы не достигнем желаемого, наше негромко, но искренне сказанное слово будет не лишено своей самоценности хотя бы по той причине, что оно принадлежит не сторонним наблюдателям и исследователям, а участникам и свидетелям Великой Отечественной.

В. ПОНОМАРЕВ,
собственный корреспондент «ЛГ»

МИНСК—ГРОДНО

Кайсын КУЛИЕВ:
...И ДОБРОТА ХЛЕБОВ, И МУДРОСТЬ ТРАВ

— Я не случайно назвал свою книгу «Книгой земли». Считают, что это название наилучшим образом выражает суть всей моей скромной работы — не только одного этого сборника, а вообще смысл всей моей литературной работы. Что бы люди ни изобрели, каких бы ни достигли они высот в науке и технике — хлеб остается хлебом, вода — водой, земля — землей. И ракеты, открывающие человеку путь к другим планетам, придуманы, сработаны им на земле. И стартуя на космических кораблях, человек уносит к звездам земное тепло, земные мечты, земную улыбку. От века люди стремились в небо, но дорожили землей. По родной земле ходили наши матери. Здесь качались наши колыбели. На этой земле мы проливали свою кровь, отстаивая Отечество от врагов. Любовь наша к ней неисчерпаема — из этой любви и вырастают самые высокие помыслы.

Я считаю, что поэзия призвана внушать человеку любовь к земле, к жизни. Она должна быть его опорой и поддержкой, идти с ним и когда ему плохо, и когда хорошо. Но достигать этого не способом ничего не значащего бодрячества, а могуществом мысли, эмоций, своим гражданственным, мужественным звучанием. Так рассуждал я, работая над «Книгой земли», и рад, что строки ее нашли отзыв в читательских сердцах.

Предстоящей зимой я надеюсь продолжить труд над главной своей вещью в прозе — «Колосья и звезды», которая задумана в четырех книгах. «Большое небо» — детство и юность. «Огни города» — о студенческом времени, о Москве, о людях литературы и искусства, встречи с которыми дали мне очень много. «Цена крови» — в годы войны я был парашютистом-десантником, потом корреспондентом фронтовой газеты. И, наконец, «Отчий дом» — о послевоенной жизни. Это не мемуары и не рассказы. Это проза, где сплавились воедино впечатления, размышления, воспоминания, эссе. К весне хочу завершить первую книгу.

Продолжаю не спеша писать стихи, из которых сложится, я думаю, книга лирики «Трава и снега». Часть этих стихов уже опубликована. Наиболее удачным сам я считаю цикл «Половецкая луна», напечатанный в десятом номере «Авроры». Его, по-моему, очень хорошо перевел М. Дудин. Это один из самых сложных моих циклов. Я задумал его лет десять назад и все никак не мог написать. Сложность заключается в том, что я обратился к истории, к своим предкам, к половцам. Но я не собирался писать произведение историческое. Оно тесно соприкасается с сегодняшними чувствами, мыслями, тревогами моих современников.

Это интервью Кайсын Кулиев дал по телефону, когда я позвонила ему в Нальчик, чтобы поздравить сразу с тремя событиями: присуждением ему Государственной премии СССР, Октябрьским праздником и его собственным 57-летием. Его поэзия, рожденная слиянием двух рек — реки жизни и реки таланта, потому и находит отзвук в душе читателя, что река жизни была всегда глубокой, полноводной, что в самые суровые дни, в жгучие морозы, сковывавшие ее бег, она упрямо несла подо льдом свои воды, уверенная в доброй весне.

Среди оленьих трав
течет река.
Долга ее дорога, далека.
Она течет, течет всегда
вперед,
о мертвых плачет,
о живых поет.
Ни вечность,
ни проточная вода
усталости не знает никогда.
Дождят во имя жизни
облака.
Во имя жизни движется
река.
И я с моей рекой иду
вдвоем,
я и она — мы для живых
живем.

Поэзия Кулиева — раздумья о вечном, о всечеловеческом: о жизни и смерти, о любви, добре, справедливости, товариществе. Она — исповедания, откровенная исповедь человека мужественного, немного, доброжелательного, много испытавшего на трудных дорогах века, гражданина большой Советской страны и сына маленькой Балкарии — аула Верхний Чегем. О чем бы ни писал Кулиев, сквозь строки его явственно проступает «горсмов начало». Но горы никогда не заслоняли ему других уголков земли.

Его книги не нуждаются в биографической справке (она нужна, может быть, только затем, чтобы воскресить какие-то детали, расставить точные даты), потому что стихи расскажут и о внешней, событийной стороне, и, что самое главное, непременно раскроют внутреннюю жизнь души, выявив личность поэта, ее «почву и судьбу» во сто крат объемней, многомерней, точней любого авторского «слова о себе».

«Мир дому твоему» — так говорят на Востоке другу, желая ему счастья. «Мир дому твоему» — так назвал одну из своих книг Кайсын Кулиев, обращая это приветствие ко всем людям, ко всему сущему на земле. Сегодня, поздравляя поэта, мы сердечно произносим: мир дому твоему, Кайсын Кулиев!

И. РИШИНА

Леонид МАРТЫНОВ:
НЕОБЫДЕННОСТЬ

«У поэта нет карьеры, у поэта есть судьба», — писал Александр Блок. Эти слова приходят на память, когда знакомишься с творческой биографией Леонида Мартынова.

Открытие мира началось для него в грозные предреволюционные годы. «Гимназический учитель словесности еще пытался заставить меня учить наизусть «Тиха украинская ночь» и «Чуден Днепр при тихой погоде», но погода была не тихая, — писал поэт. — И вот именно тогда я, десятилетний ребенок, прочел стихи, которые определили мое будущее. Это были стихи Маяковского «Я и Наполеон», стихи о войне, стихи о современности, стихи, полные ощущение завтрашнего дня. Мне показалось, что Маяковский видит и чувствует то, что вижу и чувствую я... И мне захотелось писать стихи».

Юность поэта прошла в скитаниях. Куда только не забрасывала его судьба! Вместе с экспедицией он попадает на озеро Балхаш, затем собирает лекарственные травы на Алтае, работает сельским книгоношей и агитатором в Барабинской степи, вместе с геодезистами изучает трассу будущего Турксиба... «Это была моя жизнь, жизнь страны на великом перевале, когда история и будущее далеко распахнулись с разных сторон».

Щедра и просторна поэзия Леонида Мартынова. Ее обдувают ветры всей планеты с ее океанами и материками, горами и деревьями, облаками и удивительными волшебниками — людьми. Все, что происходит на земле, соединено живыми токами с сердцем художника. Мир, эпоха увидены поэтом остро и неожиданно — во всей сложности и значительности каждого явления.

В стихах Мартынова привлекает простота в выражении сложных раздумий художника над жизнью. Обыденный факт поэт поворачивает невидимой стороной, выявляя скрытую суть его.

Древнее и настоящее — вот два полюса поэзии Леонида Мартынова. Легенды, прошлое органично вплетаются в его стихи о современности. В этом своеобразие поэтической музы Мартынова.

Сборник стихов Леониде Мартынова «Гиперболы» отмечен в эти дни Государственной премией СССР. В этой книге, как писал Н. С. Тихонов, «...бытовые, разговорные интонации прерываются философскими раздумьями. Наряду с высокими образцами интимной лирики в книге широко представлены размышления поэта о тех переменах, которые принес в жизнь народа и всего человечества Великий Октябрь».

В скором времени выйдет сборник литературоведческих этюдов поэта.

А на очереди — новые стихи и, как сказал сам Леонид Николаевич, «проза о поэзии» Пушкина, Баратынского, Хлебникова.

Н. ЛАРИНА

литературная панорама

НОВЫЙ МУЗЕЙ

ДОМ ДОСТОЕВСКОГО

«Это был номер одного журнала. Точно весть с того света прилетела ко мне; прежняя жизнь вся ярко и светло восстала передо мной, и я старался угадать по прочитанному: много ль я отстал от этой жизни? много ль прожили там они без меня, что их теперь волнует, какие вопросы их теперь занимают? Я придирался к словам, читал между строчками, старался находить таинственный смысл, намеки на прежнее; отыскивал следы того, что прежде, в мое время, волновало людей, и как грустно мне было теперь на деле сознать, до какой степени я был чужой в новой жизни, стал ломтем отрезанным. Надо было привыкать к новому, знакомиться с новым поколеньем», — писал Достоевский о пребывании в Семипалатинске.

Но Семипалатинск останется в жизни Федора Михайловича Достоевского еще и потому, что здесь он познакомился и подружился с великим сыном казахского народа, ученым, путешественником и писателем Чоканом Валихановым, которого он любил и высоко ценил. «Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам душу и сердце».

Здесь же Достоевский познакомится с П. П. Семеновым-Тян-Шанским. В Семипалатинске он напишет повести «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково»...

Казахстанцы чтут память великого писателя. В доме, где он жил, открыт литературно-мемориальный музей. А рядом с домом-квартирой Ф. М. Достоевского началось строительство мемориального комплекса. На первом этаже его разместится научная библиотека с книгохранилищем, читальным залом и кинозалом, на втором — выставка, рассказывающая о жизни и творчестве писателя.

Юрий ШАПОРЕВ,
собственный корреспондент «ЛГ»

СЕМИПАЛАТИНСК — АЛМА-АТА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕРИДИАНЫ

ДЛЯ ЮНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

О путях развития приключенческой и фантастической литературы, адресованной юным читателям, шел большой творческий разговор на двухдневном заседании Совета по детской и юношеской литературе СП СССР. Председательствовали М. Прилежаева и Н. Симонян. С докладами выступили Л. Платов и В. Бугров. В обсуждении приняли участие известные мастера приключенческого и фантастического жанров, литературоведы, представители детских и юношеских издательств, газет и журналов.

Говоря о приключенческой литературе, выступавшие уделяли особое внимание историко-революционной, военно-патриотической и краеведческой темам. В конференц-зале СП СССР была развернута выставка лучших произведений приключенческой и фантастической литературы.

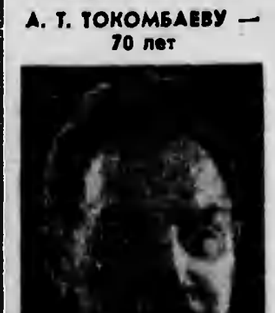
***

Гостями Совета по детской и юношеской литературе СП СССР были на днях юные читатели — победители Всесоюзного смотра школьных сочинений. Смотр был посвящен 50-летию со дня присвоения комсомолу имени В. И. Ленина, в нем приняли участие 8,5 миллиона школьников-старшеклассников. 65 победителей смотра — ребят из всех республик нашей страны — приехали в Москву. Встречу с ними вела З. Воскресенская. Перед школьниками выступили секретарь правления СП СССР М. Луконин, авторы любимых ребятами книг А. Кузнецова, А. Лиханов, В. Медведев, заместитель главного редактора журнала «Юность» В. Воронов. В свою очередь ребята рассказали писателям о своих сочинениях, о школьных и комсомольских делах, о мечтах и планах. Юным гостям были преподнесены книги с автографами писателей.

[Наш корр.]

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

А. Т. ТОКОМБАЕВУ — 70 лет

В связи с 70-летием Аалы Токомбаевича Токомбаева секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по киргизской литературе направили юбиляру приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, выдающегося советского писателя, одного из зачинателей киргизской письменной литературы, Героя Социалистического Труда, народного поэта Киргизии, лауреата Государственной премии Киргизии имени Токтогула, академика АН КССР, со знаменательной датой — семидесятилетием со дня рождения и пятидесятилетием творческой деятельности.

В своей первой, искренней и проникновенной поэтической книге «О Ленине» (1927) Вы заявили о себе как о большом мастере стиха. Актуальным темам современности посвящены и другие Ваши сборники — «Цветы труда», «Своими глазами», «Атака», которые сыграли важную роль в становлении киргизской советской поэзии.

Большую популярность принесли Вам повести «Раненое сердце», «Тайна мелодии», историко-революционный роман в стихах «Перед зарей», пьесы «Клятва», «Семена бессмертия» и «Следствие продолжается».

Много сил и энергии отдаете Вы пропаганде творчества классиков русской и мировой литературы.

Партия и правительство по достоинству оценили Вашу литературную и общественно-политическую деятельность, присвоив Вам высокое звание Героя Социалистического Труда, наградив Вас двумя орденами Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почета».

Желаем Вам доброго здоровья, долгих лет счастливой жизни и новых творческих свершений».

■

Аалы Токомбаев родился в год, когда русско-японская война потрясла основы самодержавия (он рассказал об этом в поэме «Моя метрика»), а днем и месяцем своего рождения нам гражданина и поэта впоследствии он назвал день седьмого ноября 1924 года, день образования Киргизской Советской Социалистической Республики, день, когда вышла в свет первая киргизская газета на родном языке «Эркин тоо» («Свободные горы») и началась история киргизской письменной профессиональной литературы, которая связывается с публикацией в этом первом номере газеты стихотворения Аалы Токомбаева «Рождение Октября».

С тех пор прошло полвека. Край сплошной неграмотности, многоукладной экономической, политической и культурной отсталости стал высокоразвитой республикой.

Биография Аалы Токомбаева — это биография советской киргизской литературы, у истоков которой он стоял и которую создавал вместе с другими известными мастерами. Но это и яркая, живописная страница биографии всей многонациональной советской литературы, в особенности литератур народов Советского Востока. Ибо в главном герое стихотворений, поэм, рассказов, пьес и повестей Аалы Токомбаева запечатлены ведущие тенденции и закономерности рождения советской социалистической культуры и литературы, рождения нового человека — творца и созидателя, интернационалиста-ленинца. Уже в самих названиях сборников его стихов и прозы ощущаются гражданский пафос, активный наступательный дух — «О Ленине», «Цветы труда», «Атака», «Вперед» и др. Аалы Токомбаев — автор первого в истории киргизской литературы романа в стихах «Перед зарей», над которым он трудился более тридцати лет, оттачивая и шлифуя не только отдельные строки и строфы, но от издания к изданию все более глубоко осмысливая исторический путь своих земляков и революции, роль русского народа, русских революционеров в пробуждении классового самосознания киргизов, в коренном переустройстве их жизни. В 1967 году это произведение было удостоено высшей республиканской литературной премии имени Токтогула.

Активный участник важнейших событий общественной и культурной жизни своей республики, один из создателей и руководителей писательской организации Киргизии, делегат Первого Всесоюзного съезда советских писателей, депутат Верховного Совета Киргизской ССР нескольких созывов, народный поэт республики, Аалы Токомбаев имел все основания сказать в своей автобиографической повести «Мы были солдатами»: «Как писатель беру на себя совесть моего времени, чувствую долг говорить от имени моего поколения, но означает это, что вспоминать мне нелегко. Как нелегко быть молодым в зрелом возрасте, так трудно оставаться старым, возвращаясь к истокам...»

70 лет — почтенный возраст. Но и возвращаясь к истокам, и комсомольской юности, и годам учебы в Среднеазиатском коммунистическом университете в Ташкенте и воспевая нашего современника — молодого человека семидесятых годов, строителя Токтогульской ГЭС, знатного хлопкороба и животновода, неустанно пропагандируя и переводя на родной язык Пушкина, Некрасова, Маяковского, Абая, Джамбула, поэт остается в строю, наждым днем своей жизни продолжая дело революции.

З. ОСМАНОВА

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Мушег ГААШОЯН: НАМ РАССКАЗАЛИ...

К АРАРАТСКОЙ ДОЛИНЕ

Мушег Гаашоян (Манукян) — представитель молодого поколения армянских прозаиков. Его роман «Бовтун» получил первую премию на конкурсе произведений, посвященных современности. Мы попросили М. Гаашояна рассказать об этом романе.

— Роман посвящен жизни одного совхоза. Честно говоря, мой интерес к сельской действительности должен быть понятен: ведь родом я из Талинского района, окончил Ереванский сельскохозяйственный институт. Три года работал агрономом в совхозе «Артени» — это в моем родном районе. И хотя сейчас я уже много лет живу в Ереване, связи с селом не порываю. У нас в совхозе есть участок поля Бовтун, по форме он напоминает большую яму: с одной стороны Бовтуна — гора, с другой — ущелье. А если идти от него полем, путь этот приведет к Араратской долине. Сейчас Бовтун сплошь покрыт виноградниками и персиковыми садами. А всего лишь несколько лет назад там не было ничего, кроме голых камней.

Однако описание трудовых процессов в романе занимает немного места. Меня больше интересовала психология героев — рабочих одной производственной бригады, что пришли обживать новое место. Люди заняты нелегким трудом — освобождают от камней Бовтун. Разные люди — и совсем молодые, и постарше, мужчины и женщины... Все они в процессе работы о чем-то размышляют, пытаются заглянуть в будущее, вспоминают прошлое...

Первая часть романа кончается тем, что в поселок приходит вода — в то время, когда мои герои выкорчевывали и убирали камни, воду привели сюда другие люди; финал — уборка первого урожая, который дал новый Бовтун. У людей этих впереди еще много дел. Очень много! Люди устремлены к будущему.

ЕРЕВАН

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ

Состоялись...

...научная конференция «Актуальные проблемы современной таджикской литературы», посвященная 50-летию Таджикистана и его Коммунистической партии, в Институте языка и литературы имени Рудани.

В этом же институте прошла и другая конференция — по вопросам художественного перевода.

В работе конференций приняли участие писатели, ученые, представляющие многие республики страны.

■

...в Каунасе творческая встреча русских и литовских поэтов и критиков на тему «Поэзия и сегодняшний день», организованная Советом по литовской литературе при СП СССР, Каунасским отделением СП Литвы, журналами «Юность» и «Нямунас».

Литовские и русские писатели побывали на Каунасской трикотажной фабрики имени А. Шяучюнайте, в колхозе «Запишис», посетили мемориальный музей Саломеи Нерис в Паломонасе.

■

...первые «Маяковские чтения» в Государственном музее В. В. Маяковского, посвященные 50-летию создания поэмы «Владимир Ильич Ленин».

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите через вашу газету выразить сердечную, искреннюю благодарность организациям и друзьям — всем, приславшим мне свои добрые пожелания и поздравления в связи с моим семидесятилетием и присвоением мне высокого звания Героя Социалистического Труда.

М. БАЖАН

ИЗ ПИСАТЕЛЬСКОГО БЛОКНОТА

ТАЙНА СОРНИ-НАЙ

Однажды подумалось: почему я не занимаюсь древним занятием моих предков, а пишу книги? Неужели пасти оленей, ходить на охоту менее интересно, чем слагать стихи? Почему так дружно взялись за перо мои собратья-северяне? Я попытался взглянуть на творения своих товарищей и заметил, что в них чуть ли не главное место занимает вопрос «кто я в этом мире?»...

Кто я в этом мире?

Когда я пою про синий ветер, я думаю не столько о цвете ветра и звуках, которые издают копыта оленей, сколько о жизни с ее запахами и красками. Задача моя скромна: донести до слуха читателя музыку моего Севера, поведать о белой тайге, где жизнь соприкасается со сказкой.

У новой жизни — светлое лицо и большие скорости. Кто прикоснулся к ней — тот уже не вернется в былые времена. Лишь таежные сновидения порой тревожить будут... Наверное, и об этом мои сказания.

Время на Севере уже летит не на быстроногом олене, а на космическом корабле. С высоты полета своего времени я стараюсь пристальнее взглянуть на мир и уловить суть происходящего не только во мне, но и в моем современнике, во всем сложном и противоречивом мире.

Книга, над которой я «колдовал» несколько лет и которую недавно сдал в издательство, называется «Тайна Сорни-Най».

Сергей Лугуй — молодой манси, герой моего повествования, — идет вместе с геологами в тайгу, чтобы найти следы золотого идола, которого ищут вот уже шестьсот лет. Однако геологи открывают черное золото — нефть и газ.

Сергей становится квалифицированным рабочим газопромысла.

Каков жанр моей книги? Роман? Поэма? Сказка? Не знаю. Проза переходит в стихи, стихи переливаются в сказку... А почему в современном романе нельзя говорить языком легенды и древних сказаний? Ведь все жанры условны. Их придумали люди так же, как придумали сказки — в неуемной жажде познать себя и мир, разгадать извечные тайны.

Некоторые утверждают, что время сказок прошло. Я не буду спорить, я буду петь свою думу о времени, о моем народе.

Как бы ни бушевал ураган научно-технической революции, как бы быстро ни строились города в недавно безмолвной тайге, как бы ни менялся и сам человек, ему никуда не уйти от памяти земли, от ее сказок и песен, от векового зова тайги, где его предки находили счастье.

Слушать человека, запечатлевать его изменившееся мироощущение, рожденное в соприкосновении с машиной, было задачей моего повествования. И еще одна задача была у меня: показать рождение человека, нового представителя моего народа, — Рабочего. Полувековая деятельность русского учителя на просторах тайги и тундры сделала свое дело — северянин научился ценить книгу, полюбил поэзию, а вот к технике долгое время относился отчужденно, холодно. Но сама жизнь — открытие тюменской нефти, научно-техническая революция — незримо и властно втягивает северянина в свой поток...

Юван ШЕСТАЛОВ
ЛЕНИНГРАД

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

ИНТЕЛЛИГЕНТЕН ЛИ ИНТЕЛЛИГЕНТ?

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Рассматривая некоторые произведения текущей прозы, автор соотносит их героев, людей интеллигентного труда, их духовный мир с теми высокими представлениями, которые издавна сложились о таких людях в нашей литературе и в сознании читателей.

Нина ПОДЗОРОВА

В ладной повести А. Каштанова «Заводской район» герои уличают друг друга:

«Корзун не успокаивался:

— Интеллигент ты, Антонина. Не обижайся, но ты интеллигент.

— Ты тоже интеллигент, — заметила Тоня.

— Какой я интеллигент? Я инженер», — упорно открещивается Корзун.

«Не обижайся, но ты интеллигент...» Откуда это самоуничижение, эта странная боязнь быть причисленным к интеллигенции? Нет ли в том вины и литературы, тех книг, где по воле автора, а вернее, по вине его — неумению отобрать и художнически обобщить жизненный материал — герои-интеллигенты выступают далеко не всегда поборниками высокой нравственности, дерзновенно смелой творческой мысли, рыцарями духа и деяния.

Герой в таких книгах будто бы задумывается писателем как интересная фигура, соответствующая нашим представлениям о типе передового человека общества, ему вверяет и через него проводит автор и свои суждения о явлениях жизни, утверждает собственные этические, моральные принципы, он полномочный выразитель авторской позиции в произведении. Но отчего же эти люди не способны увлечь нас словом, высотой духа, приобщить к неординарным размышлениям, отчего им не дано побудить читателя взглянуть на себя иначе — требовательнее? Причина, видимо, кроется в том, что критерии духовности таких героев занижены писателями уже в замысле. Происходит подмена личности, обязанной стремиться к более высокой отметке духовности и нравственности, персонажем с изъянами: авторы словно стыдятся приподнять героя над обыденщиной, над бытом и вверить ему мысли и поступки, обращенные к уму и сердцу читателя. И тогда порой «увеличивающее стекло» уступает место кривому зеркалу...

НЕЛАДЫ С «НАЛАДКОЙ»

Обратимся к повести молодого ленинградского прозаика А. Коробова «Наладка» (журнал «Нева», № 5, 1974). Опытный инженер Александр Колесов, хороший специалист, человек, одержимый своей работой, «проживает» в повести несколько месяцев. Все это время он занят технически сложной проблемой: как в кратчайший срок установить и устранить причины быстрой изнашиваемости газоочистительной установки на металлургическом заводе?

Что ж, поводом для столкновения характеров, жизненных установок разновеликих личностей в произведении может быть, скажем, как мы помним, у Юрия Крымова, борьба за увеличение скорости хода и грузоподъемности танкера и, как у Галины Николаевой, борьба за перестройку производства на основе прогрессивной технологии и т. д. Однако еще раз напомним, что это лишь повод, или фон, на котором происходит взаимодействие людей — живых людей с их судьбами, эмоциями, мыслями...

Инженер Колесов же в повести «Наладка» ни о чем другом, кроме газоочистки, не думает. Газоочистка вытесняет из его жизни все остальные заботы и обязанности. И хотя автор «очеловечивает» своего героя (он женат, жена Таня — учительница), у Колесова не находится для нее ни слов, ни чувств. Таня осуждает Сашу:

«—...Когда я одна, я постоянно с тобой разговариваю, разговариваю, разговариваю. Ты приезжаешь, и ничего не меняется: я также разговариваю, но только вслух и за двоих... Ты и обнимаешь нехотя, — всхлипнула Таня.

— Привет, — и Колесов осторожно стряхнул слезинки с Таниных щек...».

Колесов наконец задумывается: «Ну почему так нелепо получается? В отъезде так долго и много думаешь о доме, а стоит переступить порог и — не хватает слов». Вот, кажется, повод для писателя А. Коробова что-то изменить в герое или по крайней мере дать почувствовать читателю, что он и сам видит в Саше определенную ущербность. Но нет. Автор не дает ответа на эту «нелепость»: он не спохватывается, что по его недосмотру у интеллигента Колесова совсем не развиты чувства, не замечает духовной обедненности, душевной глухоты, узости интересов созданного его воображением человека. Автор почитает, что все это компенсируется в личности все той же одержимостью. И поэтому инженер Колесов так до конца повести и остается лишь... звеном технологического процесса — человеческое в нем читателю не открывается.

Из многочисленных героев повести четче других обозначен начальник отдела, где работает главный герой, — тоже инженер, интеллигент, Маркелов. Он мелок, завистлив, мстителен, его деловые качества неясны. Ну, допустим: это герой «отрицательный». Тем более жаль, что Колесов, антипод Маркелова, не воспринимается как фигура принципиально иная.

Пожалуй, одна Таня догадывается о том, почему повесть «Наладка» и жизнь ее героев нам неинтересны, несмотря на то, что вокруг системы газоочистки кипят страсти. «Сашка, — жалко улыбнулась Таня, — ну, не смешно ли? Производственный конфликт в самом натуральном, даже дремучепервобытном виде...» Нет, не смешно, милая Таня, ибо «производственный конфликт в первобытном виде» нет-нет, да и дает себя знать и подменяет собой психологически выверенные, отражающие всю полноту жизни конфликты, вытесняя из литературы человека.

Какую струну в сердце читателя хотел задеть своей повестью А. Коробов, какие чувства и мысли разбудил в нас его интеллигент? Неужели повесть написана ради того, чтобы в конце ее инженер Александр Колесов глубокомысленно произнес банальную истину: «Во всем должна быть определенность. Мало быть просто честным. Просто порядочным. Просто хорошим специалистом. Все это надо утверждать. А это, ох, как трудно!»

ВРАЧУ, ИСЦЕЛИСЯ САМ...

Но вот совсем иной герой — Евгений Львович Мишкин из, в общем-то, состоявшейся повести Ю. Крелина «Хирург» (журнал «Новый мир», №№ 4—5, 1974), врач, хирург-виртуоз, бессребреник, эрудит, незаурядная фигура среди своих коллег. Читатель часто может «услышать» размышления Мишкина, и они — не только о перипетиях служебных. Он умен, проницателен и, как подобает интеллигенту, постоянно недоволен собой. Человеческие несчастья и боли касаются его не только в служебное время. Интересно наблюдать за Мишкиным, слушать его. Но постепенно вас начинает что-то беспокоить в нем, что-то тревожит, возникает ощущение какого-то перекоса, отдаляющего героя от гармонии...

Оказывается, Евгений Львович совсем не следит за своей речью. Его язык изобилует вульгаризмами. Самые ходовые словечки — «дурак», «дура», «дурочка», далее часто поминается «черт», а также «треплются», «балабонишь», читателя он знакомит с понятиями «кобенишься», «занудил», «обрыдло» и т. д. и т. п. Врачей в повести Мишкин делит на «мужиков» и «баб». Одна из «баб», главный врач больницы Марина Васильевна, от Мишкина не отстает (равенство так равенство!), вот образчики ее фразеологии: «наконец-то меня избавили от этого длинного выродка», «он если вдруг сбрендит...», «ты паразит», «прошу разрешить этим двум оглоедам дежурить»...

Что это, профессиональный жаргон? Желание прикрыть грубостью свою душевную уязвимость, притупить бесконечно подвергаемое эксплуатации чувство сострадания к больным? Необходимость так вот разрядиться после напряжения операций?..

Другой врач, Вельцов из рассказа Михаила Чулаки «На приеме» (журнал «Аврора», № 3, 1974), как будто бы опровергает своей речью и манерами грубость и развязность как неотъемлемую, вынужденно необходимую, что ли, черту, манеру в среде медицинского персонала. Как, впрочем, опровергают ее и другие врачи — персонажи из произведений Ю. Германа, В. Пановой, Б. Полевого, А. Коптяевой, Н. Амосова... Манеры Вельцова изысканны, речь и мысли благовоспитанны, в литературном отношении безупречны.

Но вот этичны ли? Нравственно ли его подлинное отношение к пациентам?

Выбранный писателем ход — на врачебном приеме — пусть беглого, через зарисовки и оценку пациентов Вельцовым, показа целого ряда людей, многообразия жизненных ситуаций таит неожиданные для молодого автора коварные «рифы». Здесь очень важны соотношение внешнего и истинного, уровень личности героя, определенность авторской позиции.

После приема, идя домой, молодой врач размышляет так: «...Впервые не умом, а сердцем понял, что тысячи и тысячи людей, живущих в этих огромных домах, готовы поверить мне, искать моей помощи». Но чем же подготовлена в рассказе М. Чулаки такая справедливая, гуманистическая мысль?

На приеме, где читателю все «видно» и «слышно», ибо он находится как бы по эту сторону стола, рядом с врачом, читатель замечает, что Вельцовым владеют главным образом чувство обязательной иронии по отношению к пациентам, легкого недоверия к их жалобам и (не его вина!) забота о соблюдении «средней длительности заболевания» — основного показателя работы поликлиники. Он признается, что «обязан перед каждым пациентом проявлять заинтересованность, которая на самом деле возникает у меня, дай бог, в одном случае из десяти», и что «сокровенная причина моей вежливости — самооборона». С лихой беспечностью врач Вельцов «сочиняет» микстуры, ибо «раздумывать некогда», закрывает и открывает бюллетени. В больных он замечает прежде всего физические недостатки, несуразности характера, смешные, на его взгляд, черточки («огромный, перекошенный рот с вывернутыми губами, из-за которых торчат вперед кривые желтые зубы, как у серого волка в сказке»), или иное: «...вошла девица... Взгляд затуманен, груди и ягодицы сверхъестественно торчат, бедра при каждом шаге взывают». Кажется, при такой чувствительности врач Вельцов вот-вот забудет о слежении за основным показателем работы поликлиники...

Нет, не удалось Михаилу Чулаки расположить нас к студенту старшего курса медицинского института, завтрашнему врачу Вельцову: он еще не готов отвечать за жизнь и здоровье людей, он духовно инфантилен, безответствен, в нем мало человечности.

«ЛЕГЧЕ ВЫРУГАТЬСЯ...»

Да что же мы, в самом деле, на врачей ополчились? А интеллигенты, работающие в других областях жизни, представители иных профессий? «Технократов», скажем, нам удалось увидеть в повести А. Коробова. А люди науки, например, — что рассказывает текущая литература о них?

«За последние три месяца Нина вконец измучилась. Ни в какую не шла задача учета влияния подземного рельефа на БЭСМ-4 — большой электронно-счетной машине, четырежды модернизированной. Решить эту задачу предстояло по девяти контактным поверхностям, затем просуммировать эффект, затем проинтерполировать к шагу верхней контактной поверхности и получить целостную картину геологического строения региона...» — так начинает свою повесть «Командировка в Москву» (журнал «Простор», № 8, 1974) Татьяна Саракташа, и мы уже с первого абзаца не сомневаемся, что ее героиня — человек интеллигентного труда: шутка ли сказать — «проинтерполировать к шагу верхней контактной поверхности»!..

Да, так и есть. Нина — математик-программист геофизического вычислительного центра. Впрочем, в повести все программисты: действие произведения развивается в течение трех месяцев пребывания героини на курсах программистов «по потенциальным полям» в Москве. Мы узнаем, что «курсы математиков-программистов — это инженерно-математическое образование имеет как бы репрезентативный характер. Последуем же за автором. И, наверное, никто лучше самого автора не охарактеризует героев. Поэтому мы будем обильно цитировать.

«Вот Игорь из Свердловска, молодой человек с будущим, способный математик». Дадим и ему слово: «Ну, вышли мы с Валечной прогуляться, ну прижал я ее в подъезде, ну, поцеловались, а мне что с того? Какой прок?»

Вот и Валечна «из Антюбинска» — «немолодая крашеная блондинка»: «...Под платьем, как тесто из квашни, накрытой полотенцем, то там, то сям, в самых неожиданных местах выпирает обширная плоть».

Другие слушатели охарактеризованы с тем же интересом и детали...

А это преподаватели. Доктор геолого-минералогических наук, «профессор МГУ Оксана Тимофеевна... проста, этакая простушечна - провинциалочка. Даже примерный новый брючный костюм, и тот сидит на ней, как рабочая спецовка».

Любимый преподаватель слушателей курсов — они его запросто зовут Володя, — за плечами которого два факультета МГУ, как и полагается шаблонному «литературному» физику, большой оригинал. «Одет он небрежно — ходит на лекции в видавшем виды трикотажном спортивном костюме». Он любит оперировать бесконечностью, хотя умеет в то же время оставаться на грешной земле: «об этом говорят те быстрые и заинтересованные взгляды, которыми он оценивает коротко платья слушательниц. И вместе с тем «ему легко живется в пространстве Банаха. Ему так же легко, удобно, уютно жить в n-мерном Гильбертовом пространстве и в немыслимом комплексном пространстве, как обывателю в обычном трехмерном. Он обыватель n-мерного пространства».

Может быть, потому все сущее в нашем земном, трехмерном, кажется ему заурядным, даже ничтожным. Вот он судит о балете: «Охота вам прожигать жизнь на «Анну Каренину»? Видел я «Анну Каренину»... Прыгает по сцене балерина в шляпке и шубке. «Анна Каренина» и «Кармен-сюита» — это не вещь... Там здорово сделан паровоз. В последнем акте». Поскольку этот обыватель — особенный, ни герои, ни автор не видят в его развязности ничего предосудительного: «Нина улыбается».

Так что же занимает Татьяну Саракташа в ее героях, какую жизненную — социальную, нравственную — проблему решает автор в повести? Ее тридцатилетняя героиня Нина несчастна в семейной жизни, у нее затянувшиеся нелады с мужем, он кажется ей скучным, равнодушным, нечутким, и она надеется вдали от дома обдумать жизнь строже, пристальнее вглядеться в ее суть. Но, как мы увидим далее из повести, на курсы Нина предусмотрительно берет и модный жилетный костюм из кожзаменителя, и вечернее платье в стиле «ампир»; к доске, чертить графики, она выходит в коротком матово-бархатном платье, «белые колготки плотно, как гусарские рейтузы, охватывают стройные ноги...».

Обдумать жизнь Нине не удалось. «Геннадий из Киева», который ратовал за необходимость ценить каждую секунду, «кладет руки ей на плечи... А она видит перед собой, как в наплыве в кино, надвигающееся лицо молодого, сильного, здорового мужчины. Нижняя губа упрямо выдается вперед, на подбородке ямочка рассекает подбородок пополам. «Сексуальный партнер» — так это, кажется, называется? Вот скоро, вот уже сейчас... Надо что-то сделать (Где ты, доктор Нойберт?!). Надо обнять его».

Напрасно вы, читатель, плохо подумали о героине... Молодой специалист Нина, читавшая книгу немецкого сексолога, дает отпор притязаниям «сексуального партнера» Геннадия. В этом ей помогает и знание родной литературы. Она рассуждает: «Между мужчиной и женщиной всегда происходит одно и то же, только одно и то же, но после этого можно написать что-нибудь похожее на «Я помню чудное мгновенье», а можно плюхнуться мордой в грязь»...

Между этими героями в повести далее происходит еще немало столь же острых сцен, в которые автор мимоходом вовлекает рассуждения о Достоевском, о музыке Жоржа Бизе и Родиона Щедрина, хореографии Плисецкой и Альберто Алонсо, критику московских нравов и оценку как древних памятников архитектуры, так и уровня современного градостроительства, легкую иронию над неумеренными заготовительницами домашних солений и маринадов, и игривые размышления о семейной жизни «по-французски»... И все-таки не зря Т. Саракташа томила читателя. В конце концов «Геннадий впервые заговорил о любви, но не словами любви. Таково уж, наверное, мужское целомудрие. Иному мужику легче выругаться матерно, чем сказать: «Я люблю тебя».

И героиня повести, на мгновение усомнившись — «Мой или чужой?», — решает: «Да, мой...»

Что можно сказать о таком квазиподобии с интеллектуальным «гарниром»? Так и покажется вдруг, что Татьяна Саракташа публикует пародию или злой памфлет на «мещанина во науке» — но нет, спасительной сноски не видно... Значит, предлагается всех этих «интеллигентов» воспринимать всерьез?! Что ж, тогда наше решительное резюме: на фоне «четырежды модернизированных» компьютеров еще разительнее, как говорил горьковский Влас («Дачники»), «лохмотья» — «пошлость... нищета ваших чувств и разврат мыслей».

Но, однако, не хватит ли горькой иронии и не спросить ли нам у авторов прямо: зачем приводить в литературу «обывателей n-мерного» или вполне привычного нам, трехмерного пространства? Зачем выдавать за данность случайное, наносное, вовсе не являющееся чертами интеллигенции, — вульгарную речь, равнодушие и бездуховность, бедность мысли, скудость эмоционального мира?

АНФАС И В ПРОФИЛЬ

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ Н. ЛИСОГОРСКОГО

Анатолий АНАНЬЕВ

Иван ТАРБА

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

рецензии

ЖИВОЙ ОБЛИК ПОЭТА

Когда я читал книгу К. Поздняева, то невольно вспомнил, как при формировании первого состава слушателей Литературного института имени А. М. Горького перед приемной комиссией среди других абитуриентов предстал и Алексей Недогонов.

— Ну что ж, — сказал председательствовавший В. П. Ставский, перебирая вырезки из заводской многотиражки, — стихи еще далеки от совершенства, но, кажется, порох есть! А как вы думаете? — обратился он к членам комиссии, после того как начинающий поэт, волнуясь и краснея, прочитал стихотворения о своих товарищах — шахтерах и слесарях. Мнение было единодушным.

В последний раз я видел его в марте 1947 года, на I Всесоюзном совещании молодых писателей. Как и его сверстники фронтового поколения, Алексей Недогонов к тому времени прошел уже не только курсы Литературного института по академической программе, но и суровые предметные уроки войны — сначала с белофиннами, а потом и с немецко-фашистскими захватчиками. Муза его закалилась в походах и боях, обрела свой голос.

В дни весны сорок седьмого поэт писал:

В тот майский день нам
выпал жребий —
вернуться к плугу и станку.

Знаменательны эти строки из поэмы «Флаг над сельсоветом», которая открыла иные грани дарования Недогонова. Ровно год спустя Недогонова не стало. Его первый сборник «Простые люди» вышел уже после смерти автора.

Эти воспоминания пробудил во мне тот живой образ поэта, который воссоздал К. Поздняев. Сейчас Алексею Недогонову исполнилось бы шестьдесят лет, и хорошо, что появилась книга, достойная его памяти. К. Поздняев отлично знает поэзию Недогонова, тщательно изучил его литературное наследство, не раз был составителем его сборников, публиковал его неизданные произведения. Автор понимает, чувствует и любит Недогонова как человека, гражданина и поэта. Вы найдете здесь страницы критического исследования, биографические наброски, мемуарные записи, документальные свидетельства. Но прежде всего глубокие и искренние размышления о писателе, его мастерстве, судьбе, исполненной героики и драматизма. В правдивости и сердечности разговора, в точности и тонкости подхода, в доверительности интонации — сила книги К. Поздняева.

Вначале может показаться, что собранные в ней этюды мало связаны между собой, но, углубляясь в чтение, обнаруживаешь их внутреннее единство, органичность и целостность авторской концепции. Читателю открывается поэт в его творческом становлении, в своеобразии и неповторимости его таланта. Динамику мысли и чувств художника, его непрестанные и неутомимые искания критик прослеживает с вниманием и уважением к его искусству.

Идейная убежденность, патриотическое чувство проявились у Недогонова весьма многогранно. Размышляя об этом, К. Поздняев подчеркивает, что Недогонов в своем творчестве исходит из уверенности в осознанности советским солдатом своего долга.

В ряде этюдов К. Поздняев показывает, как, преодолевая некоторую декларативность и расплывчатость художественного образа, поэт шел к мастерству. Посмотрите, как умело и тонко передает он безжалостное вторжение войны в мирную жизнь земли:

Кто был на фронте,
тот видел не раз,
как следом за
трассирующим блеском —
в знобящей мгле над
мрачным перелеском —
летел щегол,
от счастья пучеглаз.

Что нужно птице,
пуло всяка летящей?
Тепла на миг?..

В этом стихотворении сорок первого года жестокость, беспричинность, беспощадность войны подчеркивается образом неожиданным — милой, беззащитной птицы. Это так по-недогоновски. Правильно определив общие закономерности развития поэзии нашего фронтового поколения, К. Поздняев стремится показать индивидуальное творческое своеобразие Алексея Недогонова, ритмическое богатство его стиха, самобытность слова, идущего от народных истоков, масштабность художественного видения.

Творчество Недогонова в истории нашей поэзии сороковых годов — явление значительное и бесспорное. Много скажут его стихи уму и сердцу сегодняшнего читателя. И тем справедливее отметить добрым словом тех, кто верен его памяти, исследует и пропагандирует его произведения. К ним позволю себе отнести и Константина Поздняева, автора книги «Утверждение».

Григорий БРОВМАН

К. Поздняев. «Утверждение». Алексей Недогонов и его стихи». Издательство «Современник». М. 1973.

В ТЯЖЕЛЫЙ ЧАС ВОЙНЫ СУРОВОЙ

Сначала немного истории. Хорошо известно, какое большое, плодотворное влияние оказали на передовую узбекскую интеллигенцию Белинский, Герцен, Добролюбов, Чернышевский. Литературоведами прослежен интерес узбекского народа к творчеству Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого. А. М. Горький с восхищением относился к сокровищнице узбекской литературы — поэме «Фархад и Ширин» Алишера Навои. Он сравнивал ее с такими памятниками мировой культуры, как «Ромео и Джульетта» Шекспира.

Русско-узбекские литературные связи, таким образом, имеют богатые традиции. В 30-е годы широко переводятся в Узбекистане Горький, Шолохов, Островский, Алексей Толстой и другие. Узбекские поэты, знакомившись своего национального читателя с творчеством Маяковского, одновременно как бы проходили по его произведениям университет революционной поэзии...

Опыту взаимовлияния и взаимообогащения русской и узбекской литератур посвящена книга Т. Х. Хамидовой. Думается, труд этот будет полезен для систематизации широких связей литератур Советского Союза, а особенности в период Великой Отечественной войны.

Так сложилось, что во время войны Ташкент раскрыл гостеприимные, братские объятия для тех, кто по каким-либо причинам не смог быть на фронте или бывал там наездами. С конца сорок первого года в Ташкенте находились писатели из разных братских республик — А. Толстой, Н. Погодин, К. Чуковский, Б. Лавренев, Якуб Колас, Микола Терещенко, Михаил Голодный, Владимир Луговской и многие другие. В Узбекистане в годы войны жили и работали немец Иоганнес Бехер, венгерский поэт Эмиль Мадарас.

Якуб Колас, покидая добрую узбекскую землю в середине сорок третьего года, писал:

В тяжелый час войны суровой
Ты дел приют и мне,

С узбеком мы слагали слово
И песнь о войне.
И меч один мы с ним ковали,
На злобный вражий стан.
Ты обогрел меня в печали
Мой брат Узбекистан.

В те годы в президиум Союза писателей Узбекистана избирались А. Толстой, К. Чуковский и другие известные русские литераторы. Вместе с узбекскими писателями, не жалея сил и времени, они вели активную общественную работу.

Многие русские писатели посвятили тогда свои очерки и рассказы бесстрашию узбекских воинов. О подвиге Сирожитдина Валиева, погибшего в боях за Донбасс, писал Борис Горбатов в очерке «Пядь родной земли».

О большой человеческой дружбе комиссара батальона волжанина Пономарева и бойца-узбека Рахманова рассказал Виссарион Саянов в очерке «Люди подвига».

Петр Павленко опубликовал впечатляющий очерк «Иргаш Нуртабаев» — о бойце-узбеке, геройски сражавшемся под Сталинградом.

Виктор Гусев в стихотворении «Ленинграду» писал:

— Ленинград! — говорят нищлани Зеравшана,
— Ленинград! —
повторяют
поля Ферганы.
Нам мы любим его,
Как он близок и дорог
Всем республикам,
Волге, Ташкенту, Москве.

Это чувство постоянного единства советских литератур глубоко прослежено в книге Т. Х. Хамидовой.

Большим событием, как сообщает автор книги, были вечера узбекской литературы в Москве, которые состоялись в декабре 1943 года. Для участия в них из Ташкента вывезли Камиль Яшен, Айбек, Хамид Алимджан, Гафур Гулям, Шейхзаде... С приветственной речью к писателям и деятелям искусства Узбекистана обратился Александр Фадеев. Выступали Алексей Толстой, Корней Чуковский, Илья Эренбург, Борис Горбатов, Новиков-Прибой и другие. На сцене московских театров и клубов звучали стихи Гафура Гуляма, К. Яшена, А. Умари, монологи из драмы «Муканна» Х. Алимджана.

Специальная глава в книге вводит нас в лабораторию творчества Алексея Толстого во время его пребывания в Узбекистане, рассказывает о его общественной деятельности в тот период. Именно здесь он закончил первую часть драматической повести «Иван Грозный» — «Орел и орлица», работал над романом «Петр I», редактировал трилогию «Хождение по мукам». В Узбекистане же он приступил к циклу рассказов «Русский характер».

В Ташкенте была написана и превосходная статья Алексея Толстого «Славяне, к оружию!».

Может быть, с особым волнением сейчас перечитываешь слова тяжелобольного Алексея Толстого из его поздравления по случаю 20-летия Советского Узбекистана: «Горячо приветствую народ и правительство Узбекской республики в день ее двадцатилетия. Всем сердцем присоединяюсь в этот торжественный день к вашей радости. Да здравствует и процветает Советский Узбекистан — жемчужина Востока, вложившее столько героических усилий в дело освобождения великой Советской Родины от страшного врага. Да будет Узбекская республика и впредь в первых рядах великого созидательного строительства мира и счастья!»

В работе Т. Х. Хамидовой прослежена творческая деятельность в ташкентский период и других русских писателей, в частности Николая Погодина и Корнея Чуковского.

Правда, следует высказать и некоторые упреки в адрес книги. В ней представлена только литературная сторона деятельности узбекских писателей во время войны, а ведь многие из них были в рядах Советской Армии и с честью выполняли свой воинский долг. Интересно было бы прочитать об их творчестве, непосредственно связанном с боевой жизнью.

Приветствуя выход книги, одновременно можно пожелать узбекским литературоведам и продолжения этой работы для того, чтобы можно было еще более явственно проследить неразрывные связи узбекской и русской литератур.

Анатолий СОФРОНОВ

Т. Х. Хамидова. «Русско-узбекские литературные связи в годы Великой Отечественной войны». Издательство «Фан» Узбекской ССР. Ташкент, 1973.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО?

В дискуссии о детской поэзии, начатой в «ЛГ» статьей критика Ст. Рассадина «Би-би-би и сю-сю-сю» (№ 37, 11 сентября с. г.), уже приняли участие критики В. Коркин (№ 39, 25 сентября) и Ю. Селезнев (№ 43, 23 октября), поэт П. Антокольский (№ 44, 30 октября), а также читатели (№ 41, 9 октября и № 44, 30 октября). Сегодня разговор продолжают поэт Ирина Токмакова и критик Сергей Сивоконь.

Ирина ТОКМАКОВА

«ЛИЦА НЕ ОБЩИМ ВЫРАЖЕНЬЕМ...»

«...Многие, многие другие». Как часто в разговоре о поэзии для детей выводит на бумаге эти слова критическое равнодушие. По заданию пишущего они призваны подсластить горечь невнимания, как бы подтвердить незванному его причастность к литературе. Но выполняют ли таковые слова навязываемую им роль, действительно ли они добры и даже — безобидны ли?

«Литературная газета» своевременно начала очень нужную дискуссию. Внутреннее несогласие и желание включиться в полемику вызвал у меня, однако, тот факт, что предмет дискуссии — детская литература с множеством ее проблем — рассматривается в значительной степени на примерах творчества лиц, в детской поэзии случайных. А решать эти проблемы можно, только изучая творчество профессиональных детских поэтов.

Я боюсь, чтобы «пустая порода» сюсюкающих в бибикающих книг не отвлекла бы внимания критики от большой земли, называемой детской поэзией: опасаюсь, как бы не заволокло ее туманом сакраментальных слов «и многие, многие другие».

Советская поэзия для детей — огромная область искусства, талантливые детские поэты работают и в столице, и в других городах страны, и во всех наших республиках. Аналитического материала хватило бы на многолистную книгу. В небольшой статье мне удастся поговорить, естественно, только о некоторых поэтах. Причем трудно отдать предпочтение одним перед другими, поэтому я как бы возьму из разных мест своеобразные «пробы поэтического грунта».

ПРОБА ПЕРВАЯ

Существует ли отдельная, не названная ни Полигимнией, ни Эрато, какая-то особая муза детской поэзии? Я думаю, нет. Поэзия для детей, как и для взрослых, — это образное отражение жизни. Детской она становится лишь благодаря своеобразному устройству души поэта, в силу этой особенной душевной конституции она и получает особенного адресата — ребенка. А это, в свою очередь, налагает на поэта обязанность быть и воспитателем гражданина Страны Советов.

Не доказательство ли тому творчество тончайшего мастера детского стиха Елены Благининой, живущей и работающей в Москве? С 1936 года выходят книги ее стихов для детей, даря им подлинную радость праздника. Это новые стихи и переиздания. Кстати, часто исходящее от издателей требование все новых и новых стихов кажется мне недоразумением. Хорошее стихотворение, и детское в том числе, — не кочан капусты, а многолетний цветок, который каждый раз вновь и вновь распускается от соприкосновения с душой читателя.

Имеет ли значение, когда написано:

Прилетел муравушка
На старые места.
Травушка-муравушка
Густым-густа.

Наушка над заводью
Грустным-грустна.
А водица в заводи
Чистым-чиста.

А заря над наушкой
Ясным-ясна!..

Весело журавушка:
Весным-весна!

Важно ли, издано это стихотворение или переиздано издательством «Детская литература» в 1971 году? Главное, что Елена Александровна Благинина одарила детей своим творчеством, что созданы и существуют, и составляют богатство советской детской поэзии стихи, подобные радуге, когда она одним концом пьет воду из реки, а другим все краски заречного леса в себя впитывает: стихи, в которых слова русской речи так организованы, что они умеют так чисто, так нетронуто-изначально звучать... Трепетной любовью к Родине озаряют ребенка стихи Е. Благининой.

Если предположить, что у каждой поэтической индивидуальности есть своя формула, то духовная сущность детских стихов Якова Акима построена по формуле высокого человеческого бескорыстия, которое всегда основа всякого искреннего служения — Родине ли, любви ли, дружбе ли. О многом можно маленькому читателю рассказать, многое можно ему показать, во многом убедить. Но есть такие отделы сознания, куда только поэзия может проникнуть, а проникнув, оставит там поэтическое зернышко, которое, может быть, не сразу, а потом, за горизонтами детства, даст всходы истинной человечности и духовности. Листаю сборник стихов Якова Акима «Мой верный чиж» («Детская литература»). Стихи для самых маленьких, простые, потому что искреннему чувству не нужна манерность. «Друг уехал далеко, мне без друга нелегко...» Сложным и длинным путем добирается маленький герой стихотворения до своего друга, преодолевает огромное расстояние, а встретившись, не может вспомнить ни одного подходящего случаю слова. И чувство дружбы, оставшись вдруг без выражения, освещается особым светом теплоты и целомудрия. В этом небольшом стихотворении есть много примет современности — тут и скоростные поезда и самолеты, и сегодняшняя ускоренность ритма, но еще более ценна в них современная обостренность чувствования, наш советский стиль душевной жизни, в котором

Он звездочку достанет
Коротеньким сачком.
На печке обогреет
Под старым пиджачком.
И напоит малиной,
И мокрый нос утрат,
И выпустит обратно
Под синий небосвод.

И дорог,
И деревьев.
Сказка дней и ночей,
Вечеров и рассветов,
Всей земли удивительной
Сказка это.

Известный украинский поэт Платон Воронько тоже часто разговаривает с детьми. В этом году в издательстве «Детская литература» вышел большой сборник стихов на русском языке. «Четыре ветра» называется эта книга. Расцветает в ней «весна-весняночка» и «ручейки текут, словно пену ткут, а в низинах-луговинах льны растут-цветут». В этой книжке — вольное дыхание, легкий воздух Советской Украины, веселое звучание радостного детства.

«Где живешь ты, сон?» называется на русском языке вышедшая в издательстве «Детская литература» книга детских стихов латышского поэта Ояра Вациетиса. В этой книге — необычно увиденные обычные

Поднимет взвысь и скажет:
— Лети! Свети смелей.
Чем больше звезд на небе
Тем не земле светлей!

А в другой сказке одаривший всех зверей большой Слон забыл о маленькой Мышке и опять отправился на чужбину — за подарком для маленького зверька, потому что большой и сильный обязан быть добрым, и это наши дети должны прочно усвоить.

Но может быть, это особая «урожайность» Сибири и Урала на талант детского поэта? Переберемся южнее.

Ставропольский поэт Александр Екимцев написал много отличных и игровых, и поэтичных стихов для детей о летнем лагере, о море, о ветре и тумане, и большую патриотическую поэму «Брянский лес». Поэму о том, как пришли на нашу землю фашисты и решили уничтожить прекрасный лес. Они его терзали и расстреливали. Но поспешили на помощь лесу партизаны, и вместе сражались за Родину отважные партизаны и Брянский лес.

Вся поэма Екимцева — слава партизанам и родной земле. Рассказ правдивый, суровый, горестный и светлый, потому что в бою выстояла родная земля.

Много теплых слов можно было бы сказать о стихах харьковчанина Вадима Левина, тонкого лирика Раима Фархади, живущего в Узбекистане и пишущего по-русски, многотемного в своем творчестве симферополца Владимира Орлова...

ПРОБА ТРЕТЬЯ

Огромна наша великая держава, огромна, многоязычна. Много у нас поэтов, пишущих на родном языке своего народа, немало среди них поэтов и детских. Опять берем «пробу».

Кайсын Кулиев. «Сказка солнца». Стихи. Перевел с балкарского Яков Аким («Детская литература», 1974 г.). Прославленный и такой признанно взрослый поэт, как Кулиев, написал книгу для детей дошкольного возраста. Это книга лирических сказок от имени солнца и снега, воды и птиц, земли, ветра, травы и звезд. Сделал ли поэт скидку на то, что он писал для детей? Никакой! И маленький читатель, как и взрослый, получил в дар от поэта его трепетную лирику. Точно в разлете капелей захватит дух маленького читателя или слушателя кулиевских сказок, потому что это будет

Сказка гор и равнин,
Городов и селений,
Сказка улиц,
Дворов,

братству людей, дружбе и товариществу отводится такое большое место.

Поэтическое творчество Валентина Берестова лично для меня привлекательно классической отточенностью его стихотворений. В его стихах, пусть даже для самых маленьких, мысль всегда точна, чувство прояснено, форма отличается четкостью и лаконизмом. Форма и содержание здесь в согласии, в гармонии друг с другом, а главное — с авторским замыслом.

День настал.
И вдруг стемнело.
Свет зажгли. Глядим в окно.
Снег ложится
белый-белый.
Отчего же так темно?

(«СНЕГОПАД»)

Это маленькая поэтическая зарисовка и вместе с тем пытливое желание ребенка почувствовать, осмыслить природу вещей.

Пока что речь шла о поэтах, живущих и творящих в столице. Не обо всех, конечно, поэтах. Потому что можно было бы рассказать о глубоко содержательных, дающих насыщенно-витаминную пищу ребенку, строгих, серьезно-патриотичных стихах Сергея Баруздина, о звонких игровых стихах Эммы Мошковской или о тех ее стихах, которые представляют собой интересные попытки поэтически-психологических исследований круга интересов ребенка-дошкольника, об остроумных стихах Бориса Заходера, о поэтических рассказах и стихах Анны Кардашовой, о доброй лирике Зинаиды Александровой, о полных озорства и фантазии «дошкольных» стихах Юрия Коринца, о выдумке и виртуозной форме в творчестве для маленьких Романа Сефа, о лирических удачах Георгия Ладонщикова...

Мы богаты и богатством своим счастливы и горды.

ПРОБА ВТОРАЯ

Может быть, так изобильна талантами только столичная литература? Возьмем «пробу поэтического грунта» с периферии. Далеко от Москвы, в Омске, живет поэт Тимофей Белозеров. Раскроем ли мы книгу «Лесной плакунчик», изданную «Детской литературой» для дошкольников или книгу с грифом «Для младшего школьного возраста» «Кладовая ветра» — нас и обоих случаях опять праздник встретит радостью: танцем ромашки на лугу, добрыми, «как у старой няни», протянутыми к нам руками старой сосны, звуками «хрустящей студеной воды». Как у этого поэта пристален взгляд и

герои детских стихов. На ее страницах «голубой зверек — подснежник» разгребает лапкой песок, промерзший за зиму, еловые шишки танцуют на ветках свой танец «шишковлк», а маленькие гномики прыгают по буквам, таким смешным способом прочитывая сказку. Эта книга стихов Вациетиса — особый, ни на что другое не похожий мир своеобразной лирической фантазии и особенной музыки. Вациетис один из немногих часто пишет для детей верлибром, и свободный стих у него органично выражает «детские темы», потому что в основе его стихов — внутренняя гармония образа. Из всех поэтов, пишущих сейчас для детей, Вациетис, пожалуй, самый нетрадиционный.

Здесь речь могла пойти и о стихах эстонских — писательницы Эллен Нийт, или о творчестве старейшего узбекского поэта Куддуса Мухаммади, или молодого узбека Миразиза Азгама, о талантливейшей поэзии еврейского поэта Овсея Дриза, о стихах молдаванина Григоре Внеру.

Сокровища советской поэзии для детей поистине неисчислимы.

Я не буду возражать моим коллегам, выступившим в дискуссии до меня, в том, что много серых, а то и просто непрофессиональных книг появилось за последнее время на нашем книжном рынке. Конечно, тиражирование недобросовестности и халтуры должно быть оперативно прекращено. Мне только хотелось подчеркнуть, что это явление находится за пределами нашей советской детской поэзии, хотелось напомнить нашей критике своими небольшими «пробами поэтического грунта», что материк детской поэзии, называемый часто «и многие, многие другие», мало изучен, а внимательного изучения заслуживает.

Ничего не прибавляют к этому изучению и выступления критиков и писателей, порой неумеренно захваливающих начинающих авторов. Линия Достоевский — Блок — Заграевская в статье уважаемого поэта П. Антокольского («Литературная газета», 30 октября с. г.) дезориентирует не только и не столько читателя, но прежде всего — молодого автора, которому предстоит еще очень много работать над «рифмами и прочим вздором», чтобы заслужить высокое имя детского поэта.

Творцы советской поэзии для детей не раскрашивают по трафарету, не создают гипсовых слепков с чужих образцов, а трудятся серьезно и вдохновенно, решая множество задач по воспитанию подлинного гражданина и патриота, ставя на стихах свое индивидуальное клеймо мастера.

Есть ли у нас школа советской поэзии для детей? Несомненно. И школа, и ученичество, потому что истинный поиск всегда замешен на неудовлетворенности, стремление к совершенству предполагает постоянное ученичество, и каждый в своем поиске, несомненно, хранит уважение и благодарность к создателям и учителям этой школы — Маяковскому, Маршаку, Михалкову, Чуковскому, Барто.

В ЗАДОРНЫХ, острых статьях Ст. Рассадина («Би-би-би и сю-сю-сю») и В. Коркина («Радость праздника или симуляция восторга?»), открывших на страницах «Литературной газеты» дискуссию о поэзии для детей, подмечено немало реальных недостатков сегодняшних стихов, обращаемых к детям. Обе статьи будят чувство серьезной тревоги. Хоть и неясно, какими тут мерками мерить, но что правда, то правда: количество стихотворного брака, по справедливому замечанию В. Коркина, явно «превысило негласно допустимую норму».

Однако не об отдельных, частных недостатках стихов молодых (либо, так сказать, новоявленных) детских поэтов надо говорить — полезней взглянуть на общую картину. А рассмотрение оной приводит к выводу, что один из самых существенных недостатков сегодняшней поэзии для детей — мелкотемье. Поэты берутся за перо по пустякам — отсюда и равнодушие, и отсутствие эмоционального накала. Настоящий поэт пишет лишь о том, о чем не может не писать, — он идет от чувства. А поэты, склонные к ремесленничеству, у которых за душой просто нет ничего серьезного, что можно сообщить детям, идут всегда от темы. Пусть и важная, но не согретая чувством, она не принесет настоящего успеха. Да и популяризация несложных медико-педагогических истин — тоже не слишком урожайная нива для подлинной поэзии.

Пример с «Мойдодыром», который охотно приводят для доказательства плодотворности союза поэзии с прямой дидактикой, нам кажется не очень убедительным. Прежде всего, эта сказка К. Чуковского сама по себе достаточно интересна, так что детей здесь скорее привлекает не знаменитый призыв, так восхищающий педагогов и родителей:

Надо, надо умываться
По утрам и вечерам!

— а общая динамика сказки, обилие происшествий, непринужденный юмор.

Далее: никто ведь пока не приводил цифровых данных — а сколько именно детей, скажем, из тысячи прочитавших сказку стали после знакомства с ней регулярно и без капризов «умываться по утрам и вечерам». И, наконец, кроме «Мойдодыра», иных столь же выигрышных примеров утилитарной поэзии никто почему-то не приводит. Стало быть, «Мойдодыр» — своего рода исключение, которое подтверждает правило: популяризация прописных истин не должна быть главной заботой поэта — хотя бы и детского.

Два года назад журнал «Детская литература» проводил дискуссию о специфике литературы для детей. Одним из выступавших в ней был польский литератор Виктор Ворошильский. Высказываясь за педагогику «дальнего прицела», против педагогики «ближней», он и при этом сделал оговорку: «...пускай педагогику эту воспитатели обнаружат в готовых литературных текстах: нам, пишущим, предпочтительней не называть ее так и не слишком о ней помнить; то, что в конечном счете окажется педагогикой, должно заключаться в самом дыхании и кровообращении наших книг».

Мы отнюдь не уверены, что во всех случаях надо отбрасывать педагогику «ближнюю», но нам кажется, что местоположение и характер дидактики в детской книге В. Ворошильский определил очень точно (хотя он и говорил о книге вообще, а не только поэтической).

Кстати, о специфике поэзии для детей. Что эта специфика существует, нам представляется бесспорным. Думать, что детские стихи время от времени сами собой появляются у «взрослых» поэтов и что собрание этих стихов и составляет, собственно, то, что мы называем поэзией для детей (подобные взгляды заметны и у некоторых участников настоящей дискуссии), — значит говорить о детском чтении, а не о детской литературе. Писать стихи для детей чисто случайно, неожиданно для себя самого — значит смотреть на детскую литературу да и на ребенка сверху вниз, значит опускаться до ребенка, снисходить до него, против чего так решительно возражал Януш Корчак. Да к тому же, чтобы хорошо писать для детей, надо досконально знать их сегодняшние — непременно сегодняшние! — интересы и склонности, мечты и нужды. Пресловутой «памяти детства» тут недостаточно.

Одна из причин нынешних неудач нашей детской поэзии как раз нам и видится в том, что очень часто поэты пишут для ребенка вообще, а не для живого сегодняшнего ребенка, чьи запросы намного выросли сравнительно с запросами его сверстников прошлых поколений. Если нынешние дети давно уже занимаются по новым школьным программам, то молодые или немолодые поэты, приходящие или только «заглядывающие» в литературу для детей, живут и пишут, как видно, по старым программам. И если бы просто по старым — времен «дедушки Чуковского» или Маршака! Так нет же, они живут по программам сверхстарым — времен блаженной памяти «Тропинки» или «Светлячка», благо шагать по такой «тропинке» «протоптанней и легче»...

И еще один существенный недостаток хотелось бы отметить у сегодняшней детской поэзии: молодые поэты мало грустят. Чтобы мысль эта не показалась парадоксом, придется ее пояснить.

От поэзии для детей часто требуют, чтобы она была праздником. Вот и В. Коркин говорит об этом как о само собой разумеющемся: «О том же, что детская поэзия — праздник, можно как бы и забыть, свидетелями чему мы часто и оказываемся». С этим можно не спорить, если понимать праздник как противоположность серости, будничности, бескрылости, скуке. В этом смысле сегодняшнюю поэзию для детей можно действительно упрекнуть в отсутствии праздничности. Но лично мне сдается, что поэты нередко понимают праздничность просто как нескончаемое веселье и потому сознательно избегают даже намека на «задумчивость». Бодрячество во что бы то ни стало — вот кредо таких авторов, желающих «избавить» ребенка от сложностей, а себя — от необходимости решать серьезные, значительные темы.

Мне, конечно, напомнят, что наша детская литература, а стало быть, и детская поэзия призваны воспитывать оптимистов. Мне это известно. Но оптимизм силен и прочен только тогда, когда он выстрадан, когда он основан на преодолении трудностей. Роман Н. Островского «Как закалялась сталь» никто не обвинит в отсутствии оптимизма, а между тем сколько там и грустного, и горького, и даже страшного! Оптимизм романа Островского — это выстраданный, закаленный оптимизм, который и есть лучший вид оптимизма.

Тем, кто думает, что эти рассуждения не применимы к поэзии для детей, напомним, что даже в сказках К. Чуковского, адресованных самым маленьким, неизменно веселые финалы следуют после многих суровых испытаний — и для самих героев, и для юных читателей. Иронии тут нет: ведь, как известно, для малышей «Красная шапочка» не менее драматична, чем для взрослого «Анна Каренина».

Да и не только у Чуковского — у С. Маршака, Л. Квитко и прочих классиков нашей детской поэзии есть немало стихов с «грустинкой», причем эти стихи отнюдь не худшее в их творчестве. Чем плохи «Сказка о глупом мышонке» или знаменитый «Мяч»? Последний обычно приводится как образец звонкости маршаковской поэзии, но это ведь и настоящая драма о погибшем красавце мяче. Заключительный аккорд этой драмы —

...Попал
Под колесо,
Лопнул,
Хлопнул —
Вот и все!

— был уже известен лирическому герою, когда он начинал свой рассказ...

Детские поэты — полномочные представители детей в мире взрослых, их святая обязанность — отражать в стихах заботы и чаяния своих подопечных. Но как часто они об этом забывают!

В самом деле: сколько обид — порой совершенно незаслуженных — терпит ребенок, пока дорастет до взрослого! Ссоры в семье; сестренка ябедничает на брата; мать выбрасывает на улицу подобранного сыном больного щенка; отец не позволяет дружить с каким-нибудь Витей или Колей, а те — отличные ребята! Конфликты в школе с одноклассниками... Да мало ли что еще!

Кто, как не детский поэт, обязан во всеуслышание сказать обо всем, что терзает или томит детское сердце! А между тем «полномочные представители» молчат, предпочитая играть в бирюльки или устраивая нескончаемые праздники, хотя тем, кто обижен, вовсе не до них...

Мы не собираемся отрицать или принижать значение веселых стихов. Но и веселые стихи бывают разного качества! Смешить детишек легко, особенно малышей: скорчи им забавную рожицу — они уже будут смеяться. Но из этого факта разные поэты делают разные выводы: одни считают ниже своего достоинства злоупотреблять детской непосредственностью, другие, напротив, охотно пользуются ею, идя по пути наименьшего сопротивления. Хотя, как известно, в искусстве путь наименьшего сопротивления — это путь наименьших художественных достижений.

Вот в 9-м и 10-м номерах «Мурзилки» появились одно за другим два больших стихотворения (вернее, даже две стихотворные истории) способного и даже популярного поэта Эдуарда Успенского — «Удивительный пейзаж» и «Охотник». Совпадение случайное, но показательное: стихи демонстрируют удивительное однообразие художественной палитры автора.

В первой истории лирический герой (в роли его выступает сам поэт) видит в окно красивый пейзаж и, восхищенный, звонит знакомому художнику, дабы тот по устному описанию создал соответствующую картину. Но художник, поняв друга буквально, создает «удивительный пейзаж», на котором

Солнце, нам в цирке,
Лучами играет.
Рысью деревня
В поля убегает.
Курят морозы,
Спасаясь от мух,
В речке сидят
Почтальон и пастух.

Прием понятен — поэт обыгрывает буквальные значения слов. Но вот почему художник заставил коров курить, а пастуха с почтальоном загнал в речку — не ясно. Капризы художника? Или поэт забыл правила собственной игры?..

Вторая история тоже построена на обыгрывании буквального значения слов, хотя в роли слов тут выступают клички собак незадачливого охотника: Караул, Пожар, Дружок, Чемодан, Кидай, Угадай и Пирожок. В одном случае, когда хозяин созывает исчезнувших псов («Караул! Дружок! Пожар!»), из-за этого возникает переполох, хотя, вообще-то говоря, во время реального пожара никакого дружка поминать не станут. В другом случае, когда хозяин заходит в милицию заявить о пропаже, это вызывает гнев милиционера, упорно «не понимающего», что речь идет о собаках, а не о дружке, чемодане и пирожке...

Так поэт дважды подряд воспользовался довольно примитивным, далеко не оригинальным комическим приемом. Детей он, может, и рассмешит этими стихами, но никакого вклада в детскую поэзию, конечно же, не внесет. Да и сам вряд ли испытает при этом творческую радость.

Нет, даже и самые веселые стихи должны иметь ясную и непременно серьезную цель. Иначе это не веселье, а потешательство.

Даниил Хармс, с некоторым опозданием, но все же вошедший в число классиков литературы для детей, если судить по его детским стихам, может быть назван рекордно веселым поэтом. (Другое дело, что как человек он принадлежал, пожалуй, к тому типу людей, которые особенно весело смеются тогда, когда на душе у них особенно грустно.) Но найдите у него хоть одно стихотворение, созданное без серьезной цели. Разве что вот это — «Врун»:

— А вы знаете, что НА?
А вы знаете, что НЕ?
А вы знаете, что ВЕ?
Что на небе
Вместо солнца
Скоро будет колесо?
Скоро будет золотое —
Не тарелка, не лепешка, —
А большое колесо!
— Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь!
Врешь
Ну тарелка,
Ну лепешка,
Ну еще туда-сюда,
А уж если колесо, —
Это просто ерунда!

Казалось бы, что может быть серьезного в этом безудержно озорном стихотворении? А между тем оно не просто серьезное — оно, можно сказать, философское. Оно высмеивает людей, которые даже в мечте, даже в фантазии своей стремятся себя остановить и ограничить. Как будто в мечте и фантазии есть какой-то предел...

Не так ли сдерживают себя и молодые авторы детских стихов, стараясь ни в коем случае не грустить? А может и, редакторы им в этом помогают, вовремя одергивая их, когда в стихах перестают звучать праздничные нотки. Но ведь долго веселиться, долго праздновать тоже надоедает. И начинается вымучивание, начинается скука, начинается равнодушие.

С. СИВОКОНЬ

НЕ ТОЛЬКО ПРАЗДНИК!

— был уже известен лирическому герою, когда он начинал свой рассказ...

Детские поэты — полномочные представители детей в мире взрослых, их святая обязанность — отражать в стихах заботы и чаяния своих подопечных. Но как часто они об этом забывают!

В самом деле: сколько обид — порой совершенно незаслуженных — терпит ребенок, пока дорастет до взрослого! Ссоры в семье; сестренка ябедничает на брата; мать выбрасывает на улицу подобранного сыном больного щенка; отец не позволяет дружить с каким-нибудь Витей или Колей, а те — отличные ребята! Конфликты в школе с одноклассниками... Да мало ли что еще!

Кто, как не детский поэт, обязан во всеуслышание сказать обо всем, что терзает или томит детское сердце! А между тем «полномочные представители» молчат, предпочитая играть в бирюльки или устраивая нескончаемые праздники, хотя тем, кто обижен, вовсе не до них...

Мы не собираемся отрицать или принижать значение веселых стихов. Но и веселые стихи бывают разного качества! Смешить детишек легко, особенно малышей: скорчи им забавную рожицу — они уже будут смеяться. Но из этого факта разные поэты делают разные выводы: одни считают ниже своего достоинства злоупотреблять детской непосредственностью, другие, напротив, охотно пользуются ею, идя по пути наименьшего сопротивления. Хотя, как известно, в искусстве путь наименьшего сопротивления — это путь наименьших художественных достижений.

Вот в 9-м и 10-м номерах «Мурзилки» появились одно за другим два больших стихотворения (вернее, даже две стихотворные истории) способного и даже популярного поэта Эдуарда Успенского — «Удивительный пейзаж» и «Охотник». Совпадение случайное, но показательное: стихи демонстрируют удивительное однообразие художественной палитры автора.

В первой истории лирический герой (в роли его выступает сам поэт) видит в окно красивый пейзаж и, восхищенный, звонит знакомому художнику, дабы тот по устному описанию создал соответствующую картину. Но художник, поняв друга буквально, создает «удивительный пейзаж», на котором

Солнце, нам в цирке,
Лучами играет.
Рысью деревня
В поля убегает.
Курят морозы,
Спасаясь от мух,
В речке сидят
Почтальон и пастух.

Прием понятен — поэт обыгрывает буквальные значения слов. Но вот почему художник заставил коров курить, а пастуха с почтальоном загнал в речку — не ясно. Капризы художника? Или поэт забыл правила собственной игры?..

Вторая история тоже построена на обыгрывании буквального значения слов, хотя в роли слов тут выступают клички собак незадачливого охотника: Караул, Пожар, Дружок, Чемодан, Кидай, Угадай и Пирожок. В одном случае, когда хозяин созывает исчезнувших псов («Караул! Дружок! Пожар!»), из-за этого возникает переполох, хотя, вообще-то говоря, во время реального пожара никакого дружка поминать не станут. В другом случае, когда хозяин заходит в милицию заявить о пропаже, это вызывает гнев милиционера, упорно «не понимающего», что речь идет о собаках, а не о дружке, чемодане и пирожке...

Так поэт дважды подряд воспользовался довольно примитивным, далеко не оригинальным комическим приемом. Детей он, может, и рассмешит этими стихами, но никакого вклада в детскую поэзию, конечно же, не внесет. Да и сам вряд ли испытает при этом творческую радость.

Нет, даже и самые веселые стихи должны иметь ясную и непременно серьезную цель. Иначе это не веселье, а потешательство.

Даниил Хармс, с некоторым опозданием, но все же вошедший в число классиков литературы для детей, если судить по его детским стихам, может быть назван рекордно веселым поэтом. (Другое дело, что как человек он принадлежал, пожалуй, к тому типу людей, которые особенно весело смеются тогда, когда на душе у них особенно грустно.) Но найдите у него хоть одно стихотворение, созданное без серьезной цели. Разве что вот это — «Врун»:

— А вы знаете, что НА?
А вы знаете, что НЕ?
А вы знаете, что ВЕ?
Что на небе
Вместо солнца
Скоро будет колесо?
Скоро будет золотое —
Не тарелка, не лепешка, —
А большое колесо!
— Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь!
Врешь
Ну тарелка,
Ну лепешка,
Ну еще туда-сюда,
А уж если колесо, —
Это просто ерунда!

Казалось бы, что может быть серьезного в этом безудержно озорном стихотворении? А между тем оно не просто серьезное — оно, можно сказать, философское. Оно высмеивает людей, которые даже в мечте, даже в фантазии своей стремятся себя остановить и ограничить. Как будто в мечте и фантазии есть какой-то предел...

Не так ли сдерживают себя и молодые авторы детских стихов, стараясь ни в коем случае не грустить? А может и, редакторы им в этом помогают, вовремя одергивая их, когда в стихах перестают звучать праздничные нотки. Но ведь долго веселиться, долго праздновать тоже надоедает. И начинается вымучивание, начинается скука, начинается равнодушие.

ХУДОЖНИК И КНИГА

Иллюстрации художника М. Беломлинского к новеллам Сервантеса. Издательство «Художественная литература».

СТРАНИЦЫ ПОЭЗИИ

Калижан БЕКХОЖИН

На Красной площади

Искрясь на электрическом свету,
Летит снежок
на строгие шинели,
На площади,
как будто на посту,
У стен Кремля стоят недвижно ели.

Мне не забыть торжественных минут,
Как к Ильичу,
За словом правды сущей,
Ряды людей
По площади идут,
Откуда виден ясно день грядущий.

На верность здесь я проверяю жизнь
И песнь свою,
что на́ люди я вынес.
У полосы Манежа мы сошлись —
Казах и русский,
венгр и кубинец.

За рядом ряд идут —
И нет конца!
Ничем любви сыновней не измерить!
И я, вздохнув,
Глаз не свожу с лица.
Я здесь учусь
Еще сильнее верить!

И перед образом великим преклонясь,
Вкруг каменного ложа прошагали
Так, словно мир чудесного
Сейчас
Мы обошли в торжественной печали.

Я вышел —
И на площади застыл,
На площади
под негасимым светом;
И словно по душам поговорил
Наедине
с великим человеком!

Певучие дороги

Как мчать люблю я
Новыми путями
К созвездиям, сверкающим вдали,
И я спешу, озвученный громами,
Вдогон за яркокрылыми огнями,
Чтоб, как всегда,
Над краешком земли
Всходило солнце щедрое над нами.

Вы пролегли сквозь высь и океаны,
Певучие дороги,
Как мосты.
Дороги — неизведанные страны,
Прорезали вы звездные туманы
И степь мою,
И горные хребты,
В бессмертье устремляясь неустанно.

И дарят песню нам дороги эти,
Сиянье глаз...
Мы знаем — победим
И даль пространств, и звездные рассветы.
Мы проложили путь
Вслед за мечтою,
За той, что нас, как молодость, зовет,
К бессоннице зовет и непокою.
Пусть жизнь звенит листвою золотою,
Нас молодости пламя ввысь взметнет —
И в небе мы становимся звездою.

И путь наш прям — холмы и высь крутая,
Горит вдали светильником маяк.
На крутизне,
Где нет конца и края,
Степной и звездный путь соединяя,
Нас выси неприступные манят,
Вершинная земля манит, родная.

О юные, иные поколенья,
Подобные бушующим морям...
Вы двинетесь,
И мир весь в восхищенье,
О вас земля слагает песнопенья.
А ну, споем!
И подпою я вам!
И к песне подключу сердцебиенье!

В путь выходить
Люблю я вместе с вами
И слушать смех ваш радостный люблю.
Вперед, вперед,
Построившись рядами, —
Ведь наша цель
Уже не за горами.
Вперед, вперед — я к ней свой путь стремлю
За солнечными ясными лучами!

Перевел с казахского
Владимир ЦЫБИН

Марк ЛИСЯНСКИЙ

Довоенные годы

Довоенные годы,
От весны до весны.
Боевые походы
В двух шагах от войны.
Горы памяти вьюжной,
Города, города...
Беззаветная дружба
И любовь навсегда.
Юность наша святая
В бескорыстной груди
Ликовала, не зная,
Что нас ждет впереди.
То ли сны зоревые,
То ли ноченьки врозь,
То ли пуля навылет,
То ли вьюга насквозь.
Нам походные трубы
Протрубили беду.
Юность стиснула зубы
В сорок первом году.
Плач селений окрестных,
Пыль дорог фронтовых...
То ли слава безвестных,
То ли память живых!
Как далась нам победа —
С бою каждая пядь, —
Ни словами поведать,
Ни пером описать!
Все печали и муки
По пятам шли за мной.
Я прошел все разлуки
Ради встречи одной.
Мне под пулями снилась
Эта встреча не раз...
А она не случилась,
А она не сбылась.
За потерей потерю
Испытал наяву
И порою не верю,
Что еще я живу.
И встаю до рассвета,
И живая душа
Дышит всласть, не спеша.
Всеми травами лета.
Пью взпиток полынный,
Теплый ветер земной,
Но со мною поныне
Все, что было со мной!

■

Ты любуешься ромашками,
Ты глядишь во все глаза.
И взлетает вверх тормашками
Голубая стрекоза.

А ромашка — наша пленница,
Самый скромный из цветков, —
Тихо светится и пенится
В ореоле лепестков.

Ты не рви ромашку бедную,
Ей не жить в твоих руках,
Ты не рви ромашку белую,
Не гадай на лепестках.

Летний день склонился к вечеру,
Погляди еще разок:
Словно солнце в белом венчике
Золотой горит глазок.

■

Последний майский день.
То холодно, то жарко,
То дождь, то град,
То луч, то облака,
То небо синее —
И радужная арка
Моей души
Легка и высока.

Черемуха стоит
В душистых хлопьях пены,
Скворец щебечет
После всех невзгод.
Всего один лишь день!..
Такие перемены,
Какие ожидаешь
Целый год.

А может быть, всю жизнь!
Дороже нет подарка,
Чем этот дождь,
И эти облака,
И небо синее,
Где радужная арка
Моей души
Легка и высока.

Белла АХМАДУЛИНА

Дачный роман

Вот вам роман из жизни дачной.
Он начинался в октябре,
когда зимы кристалл невзрачный
мерцал при утренней заре.
И тот, столь счастливо любивший
печаль и блеск осенних дней,
был зренья моего добычей
и пленником души моей.

Недавно, добрый и почтенный,
сосед мой умер, и вдова,
для совершенья жизни бренной,
уехала, а дом сдала.
Так появились брат с сестрою.
По вечерам в чужом окне
сияла кроткою звездою
их жизнь, неведомая мне.
В благовоспитанном соседстве
поврозь мы дождались зимы,
но, с тайным любопытством в сердце,
невольно сообщались мы.
Когда вблизи моей тетради
встречались солнце и сосна,
тропинкой, скрытой в снегопаде,
спешила к станции сестра.
Я полюбила тратить зренье
на этот мимолетный бег,
и длилась целое мгновенье
улыбка, свежая, как снег.

Брат был свободней и не должен
вставать, пока не встанет день.
«Кто он? — я думала. — Художник?»
А думать дальше было лень.
Всю зиму я жила привычкой
их лица видеть поутру
и знать, с какою электричкой
брат пустится встречать сестру.
Я наблюдала их проказы,
снежки, огни, когда темно.
и знала, что они прекрасны,
а кто они — не все ль равно?
Я вглядывалась в них так остро,
как в глушь иноязычных книг,
и слаще явного знакомства
мне были вымыслы о них.
Их дней цветущие картины
растила я меж сонных век,
сослав их образы в куртины,
в заглохший сад, в старинный снег.

Весной мы сблизились — не тесно,
не участив случайность встреч.
Их лица были так чудесно
ясны, так благородна речь.
Мы сиживали в час заката
в саду, где липа и скамья.
Брат без сестры, сестра без брата,
как ими любовалась я!
Я шла домой и до рассвета
зрачок держала на луне.
Когда бы не несчастье это,
была б несчастна я вполне.

Так август. Двум моим соседям
прискучила его жара.
Пришли, и молвил брат: — Мы едем.
— Мы едем, — молвила сестра.
Простились мы — скорей степенно,
чем пылко. Выпили вина.
Они уехали. Стемнело.
Их ключ остался у меня.

Затем пришло письмо от брата:
«Коли прогневаетесь Вы,
я не страшусь: мне нет возврата
в соседство с Вами, в дом вдовы.
Зачем, простак недальновидный,
я тронул на снегу Ваш след?
Как будто фосфор ядовитый
в мечта вселился — еле видный,
домыке излучает свет
ладонь...» — с печалью деловитой
я поняла, что он — поэт,
и заскучала...
Тем не мене
отвыкшие скрипеть ступени
я поступью моей бужу,
когда в соседний дом хожу,
одна играю в свет и тени
и для таинственной затеи
часы зачем-то завожу
и долго за полночь сижу.
Ни брата, ни сестры. Лишь в скрипе
зайдется ставня. Видно мне,
как ум забытой ими книги
печально светится во тьме.
Уж осень. Разве осень? Осень.
Вот свет. Вот сумерки легли.
— Но где ж роман? —
читатель спросит, —
Здесь нет героя, нет любви!

Меж тем — все есть! Окрест крепчает
октябрь, и это означает,
что тот, столь счастливо любивший
печаль и блеск осенних дней,
идет дорогою обычной
на жадный зов свечи моей.
Сад облетает первобытный,
и от любви кровопролитной
немеет сердце, и в костры
сгребают листья... Брат сестры,
прощай навеки! Ночью лунной
другой возлюбленный безумный,
чья поступь молодому льду
не тяжела, минует тьму
и к моему подходит дому.
Уж если говорить: люблю! —
то, разумеется, ему,
а не кому-нибудь другому.

Очнись, читатель любопытный!
Вскричи: — Как, намертво убитый
и прочный, точно лунный свет,
тебя он любит?! —
Вовсе нет.
Хочу соврать и не совру,
как ни мучительна мне правда.
Боюсь, что он влюблен в сестру
стихи слагающего брата.
Я влюблена, она любима,
вот вам сюжета грозный крен.
Ах, я не зря ее ловила
на робком сходстве с Анной Керн!
В час грустных наших посиделок
твержу ему: — Тебя злодей
убил! Ты заново содеян
из жизни, из любви моей!
Коль ты таков — во мглу веков
назад сошлю!
Не отвечает
и думает: — Она стихов
не пишет часом? — и скучает.

Вот так, столетия подряд,
все влюблены мы невпопад,
и странствуют, не совпадая,
два сердца, сирых две ладьи,
ямб ненасытный услаждая
великой горечью любви.

Олег ДМИТРИЕВ

Гляжу на Север

С необъяснимой дерзостью, с весельем
Под солнцем, под мерцанием звезды,
Из северной земли
Гляжу на Север —
За тундру, за безбрежность вод, за льды

Я в Амдерме пришел на побережье,
Ступил на рваный край материка,
Но впереди — угрюмый остров брезжит,
И к полюсу стремятся облака!

Волна свое свеченье голубое
Несет на юг,
У ног моих гася.
Мне мало белой линии прибоя —
Еще дорога пройдена не вся!

Гляжу на Север,
Громко называя
Не видные за далью острова,
И жду, что полоса береговая
Меня метнет вперед,
Как тетива!

Но знаю — и на острове туманном
Застыну у подножья скальных гряд
Таким же бессловесным истуканом,
Опять на Север устремляя взгляд!

Известно, от добра
Добра не ищем.
На Севере — по Северу томлюсь!
На берегу, у лодки с темным днищем,
Как будто в дверь открытую ломлюсь.

Да только все равно не успокоюсь:
Гляжу на Север —
Пристально, всегда,
Пока в твоей руке, Высокий Полюс,
Не догорит Полярная звезда!

Вечерние заботы

Мне дороги твои
Вечерние заботы,
Когда в кругу семьи
Ни с кем не сводишь счеты,
А накрываешь стол
Для будничного чая
Иль подметаешь пол,
На сына не серчая
За тройку в дневнике,
За порванные брюки...
Я вижу вдалеке,
Как вспархивают руки,
Не смея отдохнуть
И пальцами сцепиться.
Как птицы — снова в путь!
Вперед, вперед, как птицы!
Вечерний перелет
Тебя бросает круто
С дневных твоих высот
В равнинный край уюта.
Так к родине своей
Стремится птичья стая,
От радужных морей
К печальным улетая.
Твори свой мир,
Твори
Святые перелеты!
Мне дороги твои
Вечерние заботы:
Есть сила — выше нас,
Негаснущее пламя!
Забудь меня сейчас
За вечными трудами.

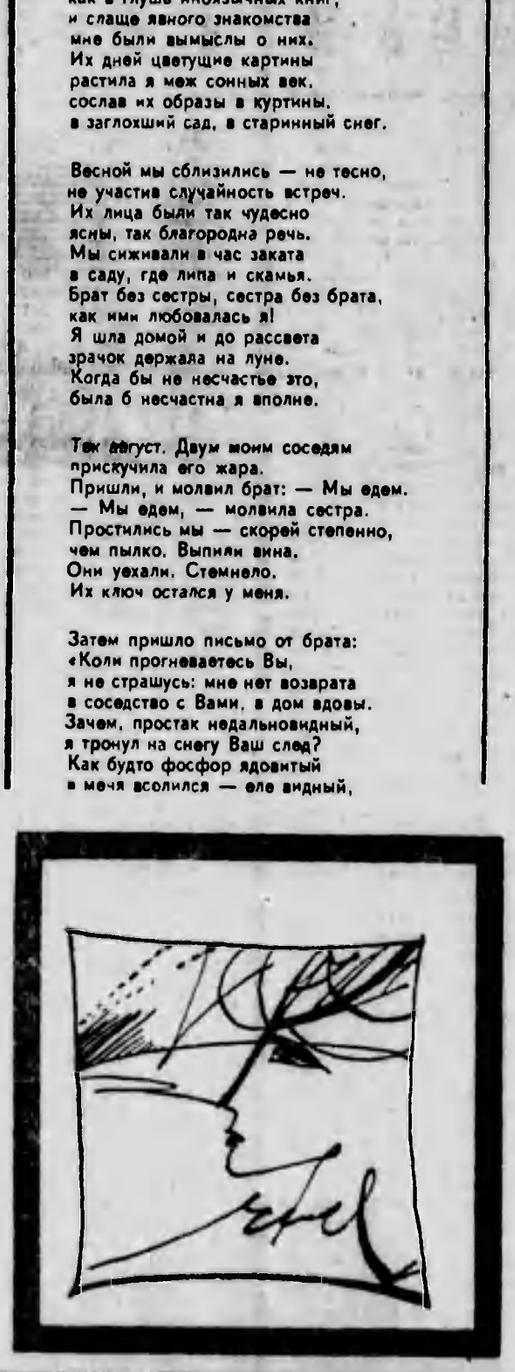
Памяти Н. Н. Ушакова

Сберечь бы все это —
Одессу в сплетенье теней,
В преддверии лета,
В кружение небудничных дней,
Тот пушкинский праздник:
На Пушкинской улице дом,
Хороших и разных
Поэтов
В почтенье святом!

Сберечь бы все это,
Вернуть карнавал огневой
Созданий Поэта
На гладких камнях мостовой,
Чтоб, щурясь устало, —
Прекраснейший из стариков! —
Под сенью платана
Стоял Николай Ушаков.

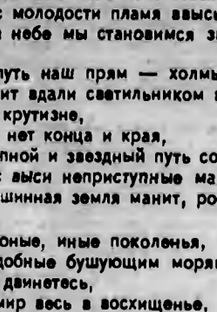
Сберечь бы, сберечь бы,
Собрать все до крохи в горсти!
Негромкую речь бы
С учителем старым вести,
И думать, ликуя,
Что он полон света и сил,
Что только такую
Себе бы я старость просил!

Сберечь бы — добиться,
Стереть наступившую тьму,
Чтоб многие лица
Опять повернулись к нему,
Чтоб в милой Одессе
На стогнах, где праздник сверкал,
Он, кроток и честен,
Терялся и вновь возникал...

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

В. Н. ИЛЬИНУ — 70 лет

В связи с 70-летием со дня рождения Виктора Николаевича Ильина секретариаты правлений Союза писателей СССР, Союза писателей РСФСР и правление Московской писательской организации направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с 70-летием со дня рождения. Вы прошли большой и славный жизненный путь. Юношей вступили добровольцем в ряды Красной Армии, сражались на фронтах гражданской войны, более полувека состоите в рядах Коммунистической партии Советского Союза.

Демобилизовавшись из армии по ранению, Вы активно продолжали трудиться на ответственных участках общественной и государственной жизни. Многие годы Вы работаете в Союзе писателей: заместителем секретаря правления СП СССР, а затем секретарем правления Московской писательской организации по организационно-творческим вопросам. На этой работе Вы проявили себя неутомимым, инициативным работником.

Активный общественник, Вы являетесь депутатом Московского Совета депутатов трудящихся трех созывов.

За активное участие в гражданской войне, за заслуги в развитии советской литературы Вы награждены орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями. Вам присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

От всего сердца желаем Вам доброго здоровья и новых успехов в работе».

■

Есть люди, которые хоть и не являются авторами повестей, романов или поэм, тем не менее прочно связали свою судьбу с судьбой нашей литературы и без них уже трудно себе представить наш писательский коллектив. К таким людям принадлежит Виктор Николаевич Ильин.

Я глубоко уважаю этого мужественного, кристально честного и удивительно работоспособного человека. Ну, никак не дашь ему семидесяти лет! И это не обычное для таких юбилейных статей восклицание. Это факт! Добрую зависть вызывает неуемная энергия Виктора Николаевича. В нем сочетаются высокие и необходимые качества для секретаря столичной писательской организации по организационно-творческим вопросам. Слово «творческим» здесь не менее важно, чем слово «организационным», потому что Виктор Ильин работает по-настоящему творчески.

Воец Красной Армии в годы гражданской войны, отважный чекист, строитель, Виктор Ильин и у нас, в писательском коллективе, проявляет мужество бойца, энтузиазм строителя. В течение двадцати лет отдает он свои силы, организаторский талант нашему коллективу и за это время завоевал искреннюю признательность литераторов. Виктор Ильин всегда на высоте тех требований, которые предъявляет партия к бойцам идеологического фронта.

Можно с полным основанием сказать: Виктор Николаевич Ильин — подлинный друг писателей, их верный помощник. Его высокополезная деятельность помогает нам всем достойно служить благородному делу развития, расцвета советской литературы.

Сергей МИХАЛКОВ

Г. К. ХОЛОПОВУ — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Георгия Константиновича Холопова секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«В день Вашего 60-летия и 40-летия литературно-творческой деятельности сердечно поздравляем Вас, видного советского писателя, офицера-фронтовика, первого секретаря Ленинградской писательской организации и главного редактора журнала «Звезда».

Донбр в Баинском порту, слесарь ленинградского завода имени Карла Маркса, офицер и военный журналист Ленинградского, Карельского, 3-го Украинского фронтов, всегда в своем творчестве Вы связаны с людьми, с которыми грузили пароходы и баржи, стояли у заводских станков, сражались рядом на фронтах Великой Отечественной войны.

Большой жизненный опыт, зоркий глаз и цепкая память художника, взыскательное отношение к слову и редкое художническое умение выбрать в сложном соединении характеров и судеб именно те характеры, именно те судьбы, которые несут в себе идеи современности и глубоко волнуют читателя, сделали Вас одним из любимых писателей нашего времени. Более чем двухмиллионным тиражом вошел в читательский круг Ваш роман «Донбр» — второй из автобиографической трилогии, открытом романом «Гренада». А им предшествовали стойе же замечательные Ваши романы, повествующие о жизни и деятельности С. М. Кирова в Астрахани и Баку,— «Огни в бухте» и «Грозный год». Фронтовые наброски, записки, короткие корреспондентские заметки питали Ваши яркие произведения, собранные в книгах «Русские солдаты» и «Невыдуманные рассказы о войне». Эти маленькие рассказы и документальны, и высокохудожественны. Они — о мужестве, доблести, патриотизме советских солдат и офицеров, советских людей, в условиях жестокой блокады Ленинграда стоявших насмерть, но не пропустивших в город врага.

Коммунист и активный общественник, Вы многие годы подряд избирались в правление своей писательской организации, были членом редколлегии журнала. Теперь избраны секретарем правления Союза писателей РСФСР, возглавляете одну из самых крупных писательских организаций страны и успешно руководите одним из литературно-художественных журналов — органом Союза писателей СССР.

Вы удостоены высоких правительственных наград — орденов Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, «Знак Почета», Боевых и трудовых медалей.

Желаем Вам и на дальнейший Ваш жизненный и творческий путь сохранения присущей Вам кипучей энергии, жизнелюбия, неутомимости в труде, больших Вам творческих удач!

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

Для начала признаюсь чистосердечно: я очень люблю этого человека, хотя и понимаю, что мое признание ничего не прибавит к его имени. Писатель Георгий Холопов хорошо известен в нашей стране и за ее рубежами по своим книгам. А книги — это и есть писатель. Но я дружу с Георгием Константиновичем на протяжении многих лет и, кажется, имею право засвидетельствовать: строгость, сиромность, чистота помыслов и неукоснительная принципиальность — эти добрые человеческие качества, которыми неизменно наделяются любимые герои холоповских книг, присущи прежде всего самому автору. Зная его, я не могу себе представить, чтобы Георгий где-то слукавил, сфальшивил относительно своих ли товарищей, своих ли читателей или создаваемых им героев. Такое могло случиться с кем угодно, но только не с Холоповым.

Слово «создаваемых» у меня вырвалось само собою, по привычке, что ли. Георгию Холопову незачем создавать, придумывать своих героев, поскольку они все у него «невыдуманные». Недаром не последнюю или предпоследнюю свою книгу, над которой трудится около двух десятков лет, он назвал «Невыдуманные рассказы о войне». Человеку, прошедшему дорогами войны с первого и до последнего ее рубежа, не обязательно сочинять рассказы, вымышлять для них и героев, и сюжеты, поскольку сама война была столь исчерпывающе-суровым — пускай столь же и жестоким — драматургом, что от ее непридуманных «сюжетов» голова кругом идет. И стиль, язык рассказов Георгия Холопова сдержанны и строги, без всяких там излишеств по части знаков препинания, определены не только характером рассказчика, человека, как я уже сказал, в высшей степени сдержанного и сиромного, но и документальной основой, на которой строятся все или почти все произведения этого писателя.

В романе «Грозный год» все объединяется вокруг мощной фигуры Сергея Мироновича Кирова. Это едва ли не первое крупное художественное полотно о великом коммунисте и гражданине; книга поначалу, как бывает нередко, вызвала ожесточенные споры; страсти, однако, мало-помалу улеглись, а хороший роман остался, и счастью, для нас, читателей. Затем последовали еще два романа: «Донбр» и «Гренада». Хотя имя главного героя и вымышлено, но мы, знавшие близко автора, без труда узнаем в юном подвижнике юного Георгия Холопова, детство и отрочество которого совпало с юностью Советской республики, и его не миновали многие тяготы времени.

Жизнь формует писателей по образу и подобию своему. Канва биографии — такова и будет писатель, то есть направление его творчества. Выросший в рабочей среде, затем онунувшийся в солдатское лихо, Холопов совершенно естественно стал певцом рабочего и воина.

Рабочий и солдат — вот герои, которые есть в созданных писателем книгах. Останутся они и в тех, над которыми писатель продолжает трудиться.

Ему исполнилось шестьдесят. Много? Разумеется, немало. Но и немного, ежели знаешь, как молод душой, как энергичен и неуемен этот человек.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

БИОГРАФИЯ УСТНОГО РАССКАЗА

Ираклий АНДРОНИКОВ

ТАК С ДАВНИХ ПОР повелось, что писатель сначала пишет рассказы, а уж читает потом. У меня получилось иначе: сперва я читаю, а уж потом берусь за перо. Чтобы уяснить это, наверно, надо начать с того, что именно привело меня к рассказыванию. А для этого следует обратиться к семейной истории. Превосходными рассказчиками были братья моей бабки с материнской стороны — Ильины. В доме бабки, что особенно для меня важно, бывал Иван Федорович Горбунов, знаменитый автор «устных рассказов», исполнявший их с искусством неподражаемым. И отзвуки вечеров с Горбуновым я слышал с тех пор, как стал себя помнить.

Мой отец Луарсаб Николаевич Андроникашвили, или, как писалось в ту пору, Андроников, по окончании тифлисской гимназии избрал юридический факультет Петербургского университета, затем вступил в петербургскую адвокатуру, участвовал в крупнейших политических процессах и считался выдающимся судебным оратором. Грех мне не вспомнить здесь, что он был и увлекательнейшим рассказчиком.

Я родился в Петербурге в 1908 году и в девять лет был свидетелем Октябрьской революции — тех событий, которые происходили на нашей Знаменской улице, названной потом улицею Восстания.

В 1918 году отец переехал в Тулу, а нас — семью — поселил под Тулой, в деревне, где мы прожили безвыездно около трех лет. Отсюда пошли у меня знакомство с народной образной речью и «вкус к языку».

Потом мы недолго жили в Москве, а осенью 1921 года переселились в Тифлис.

В Тифлисе я учился и кончил школу, узнал, что такое театр и музыка, познакомился с нотною грамотой, твердил стихи, только еще не понимал, кто из поэтов станет для меня главным. Но самым для меня важном было то, что я узнал и полюбил Грузию, ее историю и поэзию, ее песни, обычаи, все то, что соединяло и соединяет две великие культуры.

Дом наш был всегда полон — писатели, режиссеры, актеры, художники, музыканты, юристы, ученые; кто только не бывал здесь: Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Котэ Марджанишвили, Сандро Ахметели, приезжие из Москвы и из Ленинграда... Разумеется, в этой среде моя природная склонность к литературе, искусству, к наукам гуманитарным получала подтверждение и крепла. С окончанием школы решено было, что я поеду держать экзамены в Ленинградский университет. Летом 1925 года я отправился в Ленинград и поселился у родных матери.

В их квартире жил историк и теоретик литературы Борис Михайлович Эйхенбаум. С первых же дней я попал в круг талантливых ученых и литераторов и, принятый на историко-филологический факультет университета, поступил еще и на словесное отделение Института истории искусств.

Историю и теорию литературы, стилистику, историю русского языка я проходил одновременно в двух вузах у Б. М. Эйхенбаума, у В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского, Г. А. Гуковского, В. В. Виноградова, занимался в семинаре замечательного лингвиста Л. В. Щербы, на других отделениях слушал историков А. Е. Преснякова, С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле, но старался выбирать тех, кто отличался красноречием, умел увлекать аудиторию и даже — как, например, Тарле — полностью покорять ее.

К этому времени относится мое знакомство с Юрием Николаевичем Тыняновым, перешедшее потом в дружеские отношения учителя и ученика. А началось с того, что я добывал для него справки в Публичной библиотеке, а он читал мне страницы новых своих исследований и «посвящал» меня в пушкинскую эпоху. Сам он не только тонко чувствовал ее: он жил в ее атмосфере и как бы играл ее и в романах, и в жизни. Рассказывая, изображал Пушкина, Грибоедова, Кюхельбекера, генерала Ермолова. Уважительно. И слегка. Намеком. Современников же своих — очень похоже, остро, смешно. Гротескно.

Однажды в кабинете Бориса Михайловича Эйхенбаума я с трепетом слушал самого Маяковского. Не из двадцатого ряда зала Капеллы, а на расстоянии руки.

С 1926 года литературные мои интересы стала затмевать любовь к музыке. Я начал ходить на все симфонические концерты и по запискам посещал классы консерватории, дома занимался теорией и историей музыки. Но практическую мою деятельность определил университетский диплом — литература.

В 1930 году один из самых серьезных, веселых и добрых людей — Евгений Львович Шварц, в ту пору начинающий драматург, — устроил меня секретарем в редакцию журналов «Еж» и «Чиж». Если юмор шлифуют и «ставят» подобно голосу, то здесь была отличная школа. Я в ту пору ничего не писал, а только присматривался, как рождались толковые и полезные, а порой и высокохудожественные книги, и считаю себя многим обязанным этому опыту. Но я мог при этом сказать словами М. И. Глинки: «Музыка — душа моя!» По протекции Ивана Ивановича Соллертинского я поступил лектором в Ленинградскую филармонию. Что из этого вышло, знает каждый, кто слышал мой рассказ «Первый раз на эстраде». Как лектор я оказался труслив, скован, косноязычен.

Пришлось поклониться музыкальной редакции радио. Потом взяли в Публичную библиотеку — стал библиографом. Наконец И. С. Зильберштейн пригласил меня на должность ленинградского представителя «Литературного наследства» (редакция находилась в Москве). Эта работа принесла мне обширные связи с миром писателей, литературоведов, историков, научила меня сложным архивным и библиографическим поискам, оснастила технической литературоведческого труда. Вскоре я был зачислен на должность секретаря академического издания Пушкина. К тому же времени относится начало моей усердной работы в помощь учителю моему Борису Михайловичу Эйхенбауму. Собирание справок и фактов для комментариев к сочинениям Лермонтова возбудило во мне желание и самому открыть нечто новое.

И очень скоро мое увлечение поэзией Лермонтова приобрело характер неугасимого азарта и страсти.

...Разнообразие занятий и увлечений меня не смущало, хотя, кроме Лермонтова и музыки, была еще одна страсть — «изображать» и рассказывать. Никто меня этому не учил — я делал это по неисповедимой потребности перевоплощаться, становиться другим человеком, мыслить и говорить за него, воспроизводить в образе то, что он говорил, и то, чего даже не говорил, но мог бы сказать. И при этом импровизировал так, чтобы моим героям трудно было опровергнуть эти изображения. Чтобы, опровергая, они становились еще более похожими на мои рассказы о них.

Когда это началось? Кажется, в детстве. Во всяком случае, в школе я уже изображал певцов, дирижеров, оркестр, актеров, учителей, знакомых, особенно знакомых старух. И делал это, как говорили, похоже. Кроме того, любил пересказывать прочитанные книги, драматические и оперные спектакли. Не тут дело осложнялось тем, что рассказывать я не умел — говорил несвязно, сбивчиво, бестолково и при этом первый смеялся. Мне посчастливилось: классы первой ступени я проходил в те годы, когда школа искала новые формы работы, и классная наставница — звали ее Верою Генриховною Берг — учеников, выражавших желание рассказать что-нибудь «от себя», всячески поощряла. Но при этом постоянно нас останавливала. То задаст наводящий вопрос, то сама перескажет сконфуженное. Меня она научила слушать, что я рассказываю, как бы со стороны. Мешала мне больше всего патологическая застенчивость, которая странным образом уживалась с беспечностью и безудержным стремлением смешить, лицедействовать, причем, как только я скрывался за образом, скованность начисто исчезала. А начну от себя рассказывать — дрожу! Но я жил и воспитывался в Грузии — самой красноречивой стране! Импровизаторы, рассказчики, собеседники! Тут было у него поучиться.

Коридор Ленинградского университета стал для меня и аудиторией, и лабораторией, где я под свежим впечатлением мог подолгу импровизировать в образе того профессора, лекцию которого только что слушал. Вокруг собиралось обычно от двух до десяти человек. Если больше — я замолкал: много!

Это была пора всеобщего увлечения жанром художественного чтения, искусством Яхонтова, Закушняка. Проза пронзенная, интерпретированная, воплощенная в интонациях, удостоверенная личностью живого рассказчика, ставшая театром в одном лице; стих Маяковского, воплотивший его разговорные интонации, с беспредельной свободой исполнявшийся им самим, — все это сообщало необыкновенную выразительность печатному слову. Великая революция в стране, где было мало бумаги и миллионы неграмотных, вызвала к жизни новую форму искусства, уже подготовленную расцветом русского психологического театра. Слово писателя, сказанное с эстрады, обращалось уже не к отдельным читателям, а к огромной аудитории, воздействовало на них не порознь, а восхищало всех вместе, одновременно. Новое искусство требовало воображения, восприятия творческого, активного. В искусстве Яхонтова чудесно соединялись слово трибуна, оратора с искусством актера и вдохновенном поэта. Это открывало путь устной литературе. Но слово классиков и знаменитых писателей современности было одно, а лицедейство никому неведомого студента — другое. Для «имитатора» (как меня называли некоторые) — для «имитатора» известных писателей, музыкантов, актеров места на серьезной литературной эстраде не было. Поэтому я рассказывал в гостях, рассказывал в коридорах издательств, на лестнице Публичной библиотеки — всюду, только бы слушали. Число тех, кто, узнавая моих героев, смеялся, росло. У меня же возникали все новые «роли», которые в процессе рассказывания варьировались, уточнялись и шлифовались.

Я изображал Алексея Николаевича Толстого, с которым познакомился еще в 1925 году и с тех пор постоянно бывал у него на даче, изображал С. Я. Маршака, и великого актера В. И. Качалова, и другого замечательнейшего актера — И. И. Певцова, показывал профессоров В. М. Жирмунского, Н. К. Пиксанова, академика Л. В. Щербу, тбилисского дядюшку И. Э. Зурабишвили — литератора и вдохновенного мелома-на, и старую глухую актрису М. М. Сапарову-Абашидзе, и других разнохарактерных тбилисских старух. В разные годы у меня были замечательные «тренеры» — Евгений Львович Шварц, Юрий Карлович Олеша, Валентин Петрович Катаев. Они «дразнили» меня, задавали вопросы, требуя мгновенных ответов в образах А. Н. Толстого, С. Я. Маршака, академика О. Ю. Шмидта или других моих персонажей. Замечательного таланта ученый Григорий Александрович Гуковский, которому я многим обязан в знании русской литературы, всегда очень горячо принимал мои рассказывания и «представления» и делал мне множество строгих, но очень полезных для меня замечаний. И пусть это не покажется странным, я многому научился у тех, в образы которых «внедрялся». Я до сих пор становлюсь находчивее, думая в образе. И уж во всяком случае то, что я говорю за другого, «шире» моих личных возможностей. Так я научился председательствовать на собраниях, «думая за Фадеева». Довольно толково редактирую рукописи в образе С. Я. Маршака. Вникаю в структуру стихов, поверяя их мелодику и логические акценты голосом Яхонтова. Становясь Борисом Леонидовичем Пастернаком, начинаю видеть вокруг то, чего никогда не замечал, и удивляюсь ассоциациям, которые в собственном моем сознании никогда не родились бы. Что же касается Н. И. Соллертинского, то в его образе я могу быть и «быстроумным», и остроумным, отнюдь не обладая этими качествами в той мере, в какой был наделен ими легендарный по уму и талантам Иван Иванович... Но все это было уже потом, а сейчас надо вернуться к середине 30-х годов.

Рассказы возникали один за другим. Их хватало уже на несколько вечеров. Исполнялись они за столом, и случалось, что границы между бытовым разговором и началом моего «представления» люди не замечали. И тогда все воспринималось, словно исторгнувшееся впервые, сейчас, в ту же минуту. Этим я гордился больше всего.

К этому времени не только писатели, но и довольно широкие круги художественной интеллигенции Ленинграда с рассказами моими «по домам» уже познакомились. А публично я еще ни разу не выступал. Но случай представился. Приехавший из Москвы Ф. М. Левин, тогдашний директор издательства «Советский писатель», услышал меня и предложил мне дебют в Московском клубе писателей. Я согласился.

Выступление в Москве состоялось 7 февраля 1935 года. К удивлению моему, писателей пришло много, и много смеялись, но меня, по счастью, восприняли по серьезному.

Четыре дня спустя появилась рецензия в «Литературной газете», где меня сравнивали с известными сатириками и пародистами. Еще до этого Всеволод Иванов рассказал обо мне А. М. Горькому. И Горький выразил желание послушать меня.

День, проведенный на его даче в Горках, определил всю мою жизнь. Горький — великий мастер устных воспоминаний — поддержал меня. Вследствие этого в журнале «30 дней» были напечатаны стенограммы трех моих устных рассказов с его весьма лестными для меня вступительными словами. Передо мной открывался путь в литературу и на эстраду.

Но перспектива стать профессиональным артистом эстрады меня беспокоила. Возникала проблема репертуара. О чем я буду рассказывать, когда первый интерес ко мне схлынет? Как буду представлять свои тексты, если я не пишу их, а говорю, и каждый раз по-иному? Почти все, кто слышал меня, считали, что то, что я делаю, доступно только им и узкому кругу «прикосновенных» к искусству. Сам я того не думал, но с мнением этим считался... Стать писателем? Но стоило мне взяться за перо — и все пропадало: не ложился устный текст на бумагу! Самым верным показался мне скромный путь комментатора, разыскателя новых фактов о Лермонтове. И вот, решив навсегда остаться в Москве, я поступил в рукописное отделение Ленинской библиотеки, а в свободное время продолжал заниматься Лермонтовым.

Между тем, стремясь разгадать тайны его биографии, я переживал то неудачи, то радости, встречал на пути своих розысков множество людей — интересных, острохарактерных. И с увлечением пересказывал знакомым свои «научные приключения». Однажды — это было летом 1937 года — я в поезде стал рассказывать редактору «Пионера» Б. А. Ивантеру, как интересно и трудно было разгадать таинственные инициалы некоей Н. Ф. И., которой Лермонтов в юности посвятил десятки своих стихов. Ивантер усмотрел в этом занимательное чтение для ребят школьного возраста и убедил меня записать эту историю. В сущности, ее застенографировали, а я только выправил текст. Так в 1938 году в «Пионере» появился мой первый «письменный» серьезный рассказ — «Загадка Н. Ф. И.». В ту пору я еще не догадывался, что он опять станет устным и я буду исполнять его с эстрады. Тогда я понял только одно: что нашел способ доступно рассказывать о приключениях литературоведа, который, подобно детективу, обнаруживает мельчайшие, почти неуловимые факты и связывает их между собой. Неожиданно для меня самого из работы над примечаниями возникло опять что-то совершенно другое. С «верного пути» комментатора меня снова отнесло в сторону.

Копаясь в архивах, я продолжал выступать понемногу то в Москве, то в Ленинграде — в клубах интеллигенции, обретал профессиональный опыт. Как и теперь, немалую пользу оказывали мне советы и замечания жены — Вивианы Абелевны Андрониковой, актрисы, работавшей в ту пору в театре-студии под руководством Р. Н. Симонова. И все же от предложений выступать с афишей, с продажей билетов я упорно отказывался: жанр не был защищен прочной традицией, не входил, как говорится, в систему.

Колебания кончились в марте 1941 года, когда организатор концертов Н. Н. Лавут, не спросив меня, а ссылаясь на какое-то мое согласие, данное «в том году», расклеил афишу, под которую продал три выступления. Открытый концерт в Комаудитории МГУ рассеял некоторые из моих опасений и опроверг разговоры о том, что изображение конкретных людей может быть интересно лишь тем, кто их знает лично. Воспринимались характеры, ситуации. Если хотите, широкая публика реагировала объективнее, глубже. Сходство с незнакомыми ей моделями моих устных рассказов угадывалось по самим рассказам. Критик В. В. Александров привел в подтверждение этого мысль о живописных портретах, которую обронил когда-то современник Пушкина комедиограф А. А. Шаховской: «Мы не знаем, с кого они списаны, но уверены, что они похожи».

Я стал выступать с афишей два раза в неделю. Появилась рецензия в «Правде» — похвальная, веселая, добрая. И превосходные статьи Виктора Шкловского и Владимира Александрова.

Утром 22 июня 1941 года, когда я читал напечатанную в тот день в «Правде» мою статью о лермонтовском стихотворении «Бородино» (приближалось столетие гибели Лермонтова), радио сообщило о фашистском вторжении и о начале войны.

Ожидая назначения в одну из армейских газет, я продолжал работать на юбилейной выставке Лермонтова, потом поступил в Литературный музей, стремившийся раскрыть в передвижных выставках патриотические темы русской литературы. В январе 1942 года я был назначен в газету «Вперед на врага» и отбыл на Калининский фронт. Исполнение устных рассказов пришлось отложить. Правда, иногда мне удавалось выступить на фронте перед бойцами, а на Смоленщине у партизан Батя я исполнял однажды рассказы перед отрядом, уходившим на операцию. Но до конца войны в основном я был писателем пишущим. Это давалось мне нелегко. Речь устная и речь письменная — формы выражения мыслей различные. Написанное кажется искусственным, ненатуральным в звучании. А сказанное, но лишенное интонаций выглядит на бумаге как набор неточных, приблизительных выражений. И текст этот надо еще уметь выправить. Вряд ли кто-нибудь из советских литераторов моего поколения скажет о себе, что он научился писать в армейской газете. Я — говорю!

Так же положительно отразился фронтовой опыт и на устных моих рассказах. В них вошли герои в прямом смысле этого слова, и главный из них — Герой Советского Союза генерал Порфирий Георгиевич Чанчибадзе, с которым я не раз встречался в боевой обстановке — сперва под Ржевом, потом на Минском фронте.

Пределы рассказов раздвинулись. Новые персонажи пришли из другой жизни. Рассказы стали серьезными. Я много видел и многое понял. Тогда же, на фронте, созрело решение — вступить в партию.

В конце 1942 года я появился перед московской публикой с новыми — фронтовыми — рассказами. А после окончания войны с прежней страстью вернулся к работе над Лермонтовым. В 1947 году защитил диссертацию на тему «Разыскания о Лермонтове». И в том же «сезоне» произошло для меня событие не менее важное.

До тех пор устные рассказы были одно, а работа научная — совершенно другое. Тут я решил вынести «Загадку Н. Ф. И.» на эстраду. Таким образом в программе появился «детективный» рассказ — история поисков, в которую были вмонтированы лермонтовские стихи и образы современников наших — владельцев старинных альбомов и хранителей семейных преданий. Раньше я играл в лицах. Теперь же я не только в лицах играл, но и повествовал. А так как каждая история поисков легко становилась сюжетом еще одного рассказа, открылось как бы «месторождение». Нужно было только «бурить». А потом рассказывать с эстрады, как, путешествуя по Кавказу, приходилось отыскивать места, зарисованные Лермонтовым во время его кавказских скитаний. Или о своей командировке в Актюбинск, где в частных руках хранилось более полутора тысяч рукописей великих русских людей. Можно было сделать отчет о «Тагильской находке». Не следует думать, однако, что это было чтением вслух рассказов написанных. Нет! Я сперва их рассказывал, а записывал потом, найдя и обточив форму. К сожалению, передать на бумаге ни интонации грузинских колхозников, ни владелицы баснословной коллекции, ни голосов современников Пушкина я не могу. Только в устном рассказе, только в живой речи как человек сказал превращается в что человек сказал, ибо интонация может придать слову множество новых смыслов и даже обратный смысл. Это повышенное ощущение интонации идет у меня, очевидно, от точного слуха, от музыки.

Вот я встретил интересного для меня человека, наделенного ярко выраженными чертами, — в поведении, разговоре, интересного своим взглядом на мир. Я начинаю вникать в его характер, ход мыслей, интонации, структуру речи... Вникая в его образ, я начинаю с увлечением рассказывать о нем, стремясь схватить его речь, жесты, походку. Я им любуюсь. Меня интересуют его глубинные черты, облеченные в неожиданную, еще неизвестную форму. Я улавливаю в нем то, что интересно не только тем, кто знает его, но и тем, кто никогда не слышал о нем. Я вбираю в себя неисчислимое количество оттенков его характера и, рассказывая, каждый раз вношу в текст новые, еще небывалые подробности. Возникающая форма рассказа в ходе рассказывания изменяется. Вот я уже начинаю рассказывать его на эстраде. А он все еще не застыл и живет не только потому, что продолжает видоизменяться, но за счет новых интонационных открытий.

Итак, рассказ рождается как импровизация, построенная на уловлении интонационной структуры речи, присущей моей «модели». Я сравнил бы этот процесс с поисками сходства в неповторимой индивидуальности, когда портретист добивается выявления характера, тех его черт, которых глаз другого не замечает. В сущности, вначале у меня никакого рассказа нет. Есть ядро образа или ядро сюжета. Но во время исполнения образ отливается сразу, без «помарок», без подыскивания слов. Произнесенный текст я не запоминаю и запоминать не стремлюсь. Запоминается форма рассказа. Запоминается интонация. Ее-то я и воспроизвожу со всеми особенностями ритма, темпа и характера речи своих героев и своей собственной речи. Слова приходят нам бы сами собой, но произносятся под очень строгим контролем автора. Причем рассказ ведет меня, а не я его. Этим образом я живу, от него мыслю. Это уже нетрудно, потому что, схватив суть образа, уже нельзя ошибиться. Главное — это отобрать самое важное в нем. Он возникает из множества разновременных наблюдений, но лепится не по частям, а «с ходу». Лично я вижу этого человека перед собой, несколько сбоку, в воздухе. И в то же время чувствую, что я его повторяю. И что я создаю портрет. И если считать, что живописный портрет документален, то и мой тоже. Конечно, он антифотографичен. Он — собирательный. Десять разговоров я сливаю в один, из них отжимается то, что наиболее характерно. Естественно, отстой оказывается очень густым. Рассказы зарождаются в общении с интересными, острохарактерными людьми. Я еще не знаю, что это — мой герой. А он уже герой, запал в память и держит меня. И я уже одержим. А потом выясняется, что вышел рассказ. Годы идут, и ход времени превращает рассказы в воспоминания. В наше время есть все возможности для того, чтобы создавать «звучащие книги». Кое-что из моих рассказов записано на пластинки, на магнитную ленту. Я верю, что скоро рассказывание станет привычным жанром. И писатели будут выпускать «говорящую литературу». Не просто будут читать свою прозу по написанному, а будут ее говорить. К этому ведет телевидение.

Считаю, что мне в высшей степени повезло. Родись я несколько раньше — я со своим рассказыванием так и не узнал бы ни радио, ни телеаудитории. А сейчас!.. Впрочем, я отвлекся.

Я говорил о том, что научные разыскания, истории поисков стали входить в репертуар моего «театра». И, уже обкатанные на публике, записывались и печатались в журналах и в книгах. Что касается исполняемых мною монологов и сцен, многие на бумагу и до сих пор не положены. И хотя попытки я делаю, для меня несомненно, что, скажем, мои «остужевские» рассказы — «Горло Шаляпина» и «Ошибка Сальвини» — в изначальном, устном, своем варианте гораздо органичнее и богаче по смыслу. Напечатанные, они теряют большую часть своих выразительных средств, а тем самым и содержания. Они просто пропадают без мимики, жеста, без интонаций, без портретного сходства с теми, о ком идет речь, без экспрессии исполнения, без «самоличности» рассказчика, наконец.

Седьмого июня 1954 года я выступил впервые по телевидению. Это число я никогда не забуду. От него пошел отсчет времени моей работы для телевидения и по телевидению. Меня предупредили, что монолог не может продолжаться по телевидению больше десяти — двенадцати минут: телевизионный экран требует действия в кадре. Но я верил в интерес зрителей к Лермонтову, к его несчастной любви, к его молодым стихам, верил в «Загадку Н. Ф. И.», в ее сюжет, в целый калейдоскоп «портретов» и уговорил предоставить мне целый час. И тут стало ясно, что зрителя может занимать не только действие в кадре, но и действие в монологе, произнесенном в кадре. С того дня я верно служу телевидению, выступаю с устными рассказами, с беседами, репортажами, комментариями, пишу о телевидении. А когда возникла мысль закрепить мои программы в форме телевизионного фильма, я предложил ту же «Загадку Н. Ф. И.», плюс «Подпись под рисунком», плюс «Земляка Лермонтова». Это фильм-монолог, фильм-рассказ, в котором зритель видит то, о чем говорит рассказчик, и его самого в других обстоятельствах. Чередуется «любительский фильм», снятый рассказчиком, и изображение рассказчика в студии телевидения — действие развивается как бы в двух временах. Есть у меня и другие телевизионные монофильмы («Рассказывает Ираклий Андроников» «Страницы большого искусства», «В Троекуровых палатах», «Музей А. С. Пушкина», «Портреты неизвестных», «Воспоминания о Большом заде», серия «Слово Андроникова»...).

Все это не значит, однако, что я могу рассказывать с эстрады и телеэкрана решительно все: публицистические статьи или книгу «Лермонтов в Грузии в 1837 году», которую я защитил в МГУ в качестве докторской диссертации, с экрана рассказывать я не могу, хотя они и написаны разговорно. Рассказ есть рассказ.

Хотя я занимаюсь Лермонтовым всю жизнь, Лермонтовым не ограничиваюсь. Привлекает множество явлений культуры русской, грузинской, их взаимная связь, увлекают жанр научного поиска и теория телевидения, сокровища наших музеев и Пушкинские праздники поэзии. Что касается книг, назову три — «Лермонтов. Исследования и находки», «Я хочу рассказать вам...» и «Рассказы литературоведа». Эту книгу считаю для себя особо принципиальной. В ней утверждается жанр, который иные иронически называют «занимательным литературоведением», что неверно, потому что тут излагаются не чужие открытия в доступной для восприятия форме, а «детектив без преступления» — «история приключений ученого»...

Годы идут. И пора мне понять, что главное в жизни пройдено. Но, к сожалению, кажется, что в работе до главного я еще не дошел, что многое надо еще исследовать и многое рассказать...

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Н. В. ГЕРНЕТ — 70 лет

В связи с 70-летием со дня рождения Нины Владимировны Гернет секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по драматургии и Совет по детской и юношеской литературе Союза писателей СССР направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с 70-летием. Более 40 лет Вы работаете в литературе, создавая произведения для детей и юношества. Ваши сказки, повести и рассказы, а также пьесы и киносценарии яркими минуты светлым мироощущением, отличаются добрым взглядом на жизнь. «Три палатки», «Белые крылья», «Настоящая девочка», «Катя и крокодил» (в соавторстве с Г. Ягфельдом) и многие другие полюбились юным читателям и зрителям, пользуются их заслуженной любовью.

В день юбилея желаем Вам здоровья, дальнейших творческих успехов».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

Ф. З. ГАРИНУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по украинской литературе и Совет по художественному переводу направили Федору Захаровичу Гарину приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, известного украинского поэта, с шестидесятилетием со дня рождения.

Начав литературную деятельность в предвоенные годы, Вы успешно трудитесь в жанрах поэзии, публицистики, художественного перевода. В книгах стихов «Удивление», «Розы и металл», «Над Ворсклой» и других Вы вдохновенно воспеваете трудовые и ратные подвиги советских людей, дружбу и братство народов нашей страны. Лучшие Ваши произведения в переводе на русский язык публикуются в центральной периодике и вышли отдельными книгами («Моя Полтавщина», «Белые крылья»). Широкую известность получили Ваши переводы произведений классиков и современных поэтов ряда литератур народов СССР на украинский язык.

Много сил и энергии отдаете Вы общественной работе в Полтавском писательской организации.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, большого счастья, новых творческих успехов».

В. М. РОССЕЛЬСУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по художественному переводу и Совет по украинской литературе направили Владимиру Михайловичу Россельсу приветственную телеграмму:

«Поздравляем Вас с днем Вашего шестидесятилетия. В Ваших переводах стали достоянием всесоюзного читателя крупнейшие произведения современной украинской прозы. Одна из ярких Ваших творческих работ — перевод замечательных романов М. Стельмаха «Большая родня», «Кровь людская — не водица», «Хлеб и соль», «Правда и кривда», в которых автор с реалистической силой запечатлел годы революции и борьбы за становление Советской власти, создал запоминающиеся образы коммунистов. Многое Вы сделали для научного изучения проблем художественного перевода и литературных взаимосвязей.

Желаем Вам доброго здоровья, долгих лет жизни, новых творческих достижений».

**

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ВАСИЛИЙ ШУКШИН: ПОСЛЕДНИЕ РАЗГОВОРЫ...

Этим летом мне довелось быть на Дону на съемках фильма «Они сражались за Родину». Среди тех, с кем я встречался в те дни, естественно, оказался и Василий Шукшин. Мы много беседовали с ним — и вдвоем, и в присутствии других участников съемок, а однажды в нашей беседе присоединился корреспондент газеты «Народна култура» С. Попов.

Для того, кто любит сочную устную речь, разговоры с Шукшиным были драгоценной находкой: то фразу он строил не так, как другие, то слово «заворачивал», что не часто снует на людных перекрестках.

Его чрезвычайно динамичную речь с трудом успели бы записать даже стенографистки высшей квалификации. Но магнитофонная запись и стенограмма сохранили сказанное Шукшиным. К тому же увидевшись с ним в сентябре, я смог уточнить многое из того, о чем говорилось в июле. Наверное, доведись ему прочитать материал перед публикацией, Шукшин захотел бы исправить стиль, отшлифовать отдельные фразы и выражения. К сожалению, это уже невозможно. Мы воспроизводим запись бесед, сохранившую всю непосредственность и естественность живой речи. Может быть, это и придает публикации особое своеобразие, особые краски...

В июне съемочная группа фильма побывала в станице Вешенской — в гостях у М. А. Шолохова. Поездка произвела сильное впечатление, об этом говорили все, с кем я встречался в июле, говорил об этом и Шукшин. И видимо, оценка и переоценка сделанного им так занимали его и месяц спустя, что, когда я задал один из обычных «корреспондентских» вопросов, он, помолчав, ответил не мне, а скорее себе самому:

—Я тут сказал бы про свое собственное, что ли, открытие Шолохова. Я его немножко упрощал, из Москвы глядя. А при личном общении для меня нарисовался облик летописца.

А что значит — «я упрощал его»? Я немножечко от знакомства с писателями более низкого ранга, так скажем, представление о писателе наладил несколько суетливое. А Шолохов лишний раз подтвердил, что не надо торопиться, спешить, а нужно основательно обдумывать то, что делаешь. Основательно — очевидно, наедине, в тиши...

Я, в общем больше о себе буду говорить...

— Да, да, пожалуйста...

— Здесь я смелее, и здесь я правдивее и объективнее. И вот, еще раз выверяя свою жизнь, я понял, что надо садиться писать. Для этого нужно перестраивать жизнь, с чем-то расставаться. И, по крайней мере, оградить себя, елико возможно, от суеты.

Суета ведь поглощает, просто губит зачастую. Обилие дел на дню, а вечером вдруг понимаешь — а ничего не произошло. Ничегошеньки не случилось! А весь день был занят. Да занят-то как — прямо «по горло», а вот — черт те, ничего не успел. Ужас. Плохо. Плохо это.

И вдруг я в мыслях подкрадываюсь к тому, что это же чуть ли не норма жизни, хлопотня такая — с утра дела, дела, тыщи звонков... Но так, боюсь, просмотришь в жизни главное. Что же делать? Может, не бывать одновременно в десятках мест? Ведь самое дорогое в жизни — мысль, постижение, для чего нужно определенное стечение обстоятельств и прежде всего — покой. Но это — древняя мысль, не мое изобретение...

Надо, наверное, прекращать заниматься кинематографом. Для этого нужно осмелеть и утвердиться в мысли, что литература — твое изначальное и главное дело. Я как-то не могу еще отважиться...

— Вы считаете, что одно другому мешает?

— Определенно мешает. Думаю, что работа литератора должна подчинить себе всю его жизнь — по крайней мере, он должен иметь в жизни определенный покой. Потому что работа-то писателя требует усидчивости, вдумчивости, предполагает углубление — не торопливость, не потогонную систему, не «столько-то листов в день», хотя я и это слыхивал на Москве.

Слыхивал, хвастались ребята-писатели, что: «Я столько-то за день выдаю...», «Я — столько-то...». Очевидно, не то главное, кто сколько «выдает», а что, для чего нужно глубоко погрузиться в мысли, глубоко постичь... Вот для этого-то и нужен покой.

А кинематограф — совсем иное. Природа его разнообразна, этим она очень интересна, но этим и поглощает человека. Тут порой много больше, я думаю, энергии, чем мысли.

Я отчетливо понимаю, что не просто, положим, изобрести сценарий и поставить фильм. Тут мысль нужна. Но при всем том обязательные столкновения с разными людьми, с разными профессиями разносят изначальную мысль, растаскивают ее, приводят к неизбежным компромиссам. Ты, скажем, задумал одно, а оператор говорит: «Это нельзя снять...». Есть ограничитель, называемый техникой. Может быть, когда-нибудь техника и раскрепостит нас, но пока что она — тормоз. Все надежды на то, что когда-нибудь мы обретем эту возможность — как захотел, так и снял.

— Видимо, никогда. Потому что когда техника уйдет вперед, «захотел» на места тоже не останется.

— Наверное, так.

— Но что же нам делать с великими образцами? Первые, кто приходит на ум, — Шекспир и Мольер: они и писали, они и играли...

— Да, наверное. Но вот я о себе говорю: тягостно, просто тягостно. И есть вещи, которые, так сказать, соприкасают с мыслью о необходимости что-то выбирать. Черт его знает, когда это будет и будет ли вообще! Потому что кинематограф — такая цепкая штука. Об этом еще вот учитель мой, Ромм Михаил Ильич, говорил, глубокой моей пристрастности, привязанности, благодарности человек. Я ведь начал писать с его, так сказать, легкой руки. И когда он какие-то первые проблески увидел в моих рассказах, то предупредил, что трудно будет потом выбирать. Кинематограф, как и литература, обладает притягательной силой: возможность мгновенного разговора с миллионами — это мечта писателя. Однако суть-то дела и правда жизни таковы, что книга работает медленно, но глубоко и долго. Тут и у одного, и у другого есть преимущества.

И, если ответить на тот основной вопрос, который вы задали вчера вечером: «Что для вас сейчас главное?» — то так: передо мной теперь вот эта проблема стоит — что выбрать? Как дальше строить свою жизнь? Охота ее использовать... ну, результативнее. Но сейчас такое время, когда я никак не могу понять, что же есть более точный результат. И, может быть, я дорого расплачусь за эту неопределенность... Я под обаянием встречи с Шолоховым все вам говорю.

— Можете ли вы определить главное впечатление от этой встречи?

— Когда я вышел от него, прежде всего, в чем я поклялся, — это: надо работать. Работать надо в десять раз больше, чем сейчас.

Вот еще что, пожалуй, я вынес: не проиграй — жизнь-то одна. Смотри, не заиграйся...

Вот Белов, например, Василий Иванович, вологодский, к такой жизни «пристреливается». Он себе в Вологде сидит и пишет, пишет. Это хорошо. А я проиграю, кажется...

— Как вы считаете, чем можно объяснить обилие инсценировок и экранизаций прозы Шолохова?

— Она очень жизненная, правдивая. Ее легко играть, произносить, читать. А как актер я знаю, что такое произносить не свои, чужие слова. Чем они искусственнее, чем неправдивее и нежизненнее... Это ж мука целая, говорить такими словами! И наоборот: чем ближе к тому, как говорят люди, тем больше наслаждение от правды. А отсюда уж — и актерское, и зрительское наслаждение.

Что же касается романа «Они сражались за Родину», то он ясно и отчетливо не весь тут. Чудится, что-то там еще в столе у автора есть. Но хотя роман еще не закончен, для кинематографа все равно есть материал. Есть материал, и Бондарчук его чувствует и глубоко понимает. Кроме того, его собственный военный опыт тут оказывает прямую услугу — он в этом материале свой человек. Это чувствуется и в том, как он отбирает материал романа для кино, и в подборе актеров, и в выборе места съемки. В общем, знает свое дело.

К тому же проза Шолохова — это проза Шолохова: ее всегда легко работать. Может быть, не так сказано... Есть радость от общения с правдой. У Шолохова все по-народному точно.

Вот, положим, солдат Лопахин. Я думаю, это очень народный характер. Он ведь, хоть и должен подставлять грудь и спину железу, падающему с неба, остается, пока жив, живым человеком. Случилась бабенка на пути, попытался ее приобнять. И так далее. В этом много от жизни.

Уж не знаю, как получится на экране, — никогда не знаю, пока работа не закончена. Ни в своем случае не знаю, ни в чужом случае не знаю. Но я стараюсь правдиво сделать роль. Стараюсь даже некое озорство шолоховское показать в выявлении характеров. Герои Шолохова — дорогие ему и трогательные люди. Отношение автора к ним самое любовное. И у Бондарчука, кстати, то же самое. Вот здесь они плотно сомкнулись — в любовном отношении к героям, в сознании того, что люди вершат подвиг, которым народ будет жить века. На опыт военного времени еще долго будут оглядываться, поверять им свои дела.

Никуда не уйдешь от зрительского суда. Имена высокие, тем строже будут судить. Это большая ответственность, уж не знаю, как мы ее споворим...

— Вы снимались у многих режиссеров. Есть ли какие-то особенности работы режиссера с вами как с актером на этой картине?

— Я, правда, много снимался у хороших профессионалов, но когда режиссер еще и профессионально действующий актер, он богаче «только» режиссера. Положим, работа Бондарчука с актером. Она мудра, что, на мой взгляд, проистекает из его положения — и режиссера, и актера.

Он очень точен, по-моему, в выборе актера. А ведь выбор — уже решение, уже прочтение вещи, уже нечто не случайное, а глубоко продуманное. Раз.

Затем. Он очень тактичен в том, чтобы не навязывать свою интонацию, свои жесты, даже свой опыт, хоть он у него и по-настоящему богат. Он очень бережно относится к исполнителю — в конечном счете, исполнителю его воли. Но в данном случае он оставляет актеру иллюзию — или возможность — творчества. Иллюзию или возможность — тут трудно точно разобраться, но всякий умный и опытный режиссер всегда подводит исполнителя к тому, что актер как бы сам все изобретает и творит.

Искусство режиссера, может быть, и в том заключается, что он вокруг актера создает микроклимат уважительного отношения, когда тот не чувствует стеснения, неловкости, необходимости исполнения каких-то однажды заданных интонаций и т. д.

Это — большое и умное искусство. Оно предполагает огромный опыт. И режиссерский, и собственный актерский. Это ведь очень тонкая штука — заставить актера творить публично: она тем трудна, что на людях-то не забудешься, а надо забыться, чтоб творить на полную мощь. Только тогда из актера можно извлечь максимум.

Я вот вижу и чувствую на себе, как Бондарчук работает. Он ведь у камеры сидит еще и как зритель, очень благодарный, очень добрый. Он сам включен в мою работу, и я понимаю, как он меня провоцирует на свободу, на баловство, на решение, на озорство, на импровизацию — на все, что угодно. Ну, словом, он меня раскрепощает.

У меня были опасения, что, опубликовав восторженный отзыв Василия Макаровича об актере-режиссере, я поссорю его кое с кем из «только» режиссеров; я сказал об этом.

— Да нет, — засмеялся Шукшин. — Скажем, с Герасимовым не поссорите. Когда он только начинает что-то объяснять актеру, сразу видно, что он сам актер блестящий. Так что не поссорите, не бойтесь.

— Каково, кстати, ваше мнение о «военной теме» в кинематографе?

— Тема такова, что потребует еще много времени, чтобы новый роман «Война и мир» появился. Надо же вдуматься в подвиг народа. Вдуматься. А вдумаешься — и начинаешь удивляться: на первый взгляд, он чрезвычайно прост. Только люди находили мужество идти в бой, с разными словами, положим, шли и бежали в атаку... Здесь слово за теми, кто участвовал в войне. Я не взялся бы за решение этой темы — я ее и по возрасту не знаю.

Перед тем, как выехать на съемки фильма, я позвонил Сергею Федоровичу домой — на всякий случай, чтоб часом не разминуться с ним в дороге. Оказалось, Бондарчук в июле в Москву приезжать не собирается.

— Туда Ирина едет, — сказала Юлия Николаевна, мать Скобцевой.

— Разве она там снимается? — удивился я, вспомнив из женских ролей сценария только доярку Глашу, школьницу-санитарку и кассовку.

—Да, у нее маленькая роль — врача, — ответила Юлия Николаевна и, помолчав, добавила немного грустно и торжественно: — Фильм-то солдатский...

Мне показалось, что это — очень хорошая характеристика картины, поскольку народ в солдатских шинелях — главный герой и романа, и фильма. Поэтому всех, с кем пришлось разговаривать на съемках, я донимал одним и тем же вопросом: «Как вы относитесь к такому определению картины — «солдатский фильм»?» Спросил я об этом и Шукшина. Он подумал и ответил:

— Если хотите, я тоже склоняюсь к тому, что это — «солдатский фильм». В этом смысле он близок к такому произведению литературы, как «Василий Теркин». Думаю, что там и здесь в основе повествования лежат характеры как раз народные — это-то уж можно сказать. А теперь слово, прямо скажем, за нами, за актерами. Нам бы порискованнее, посмелее сказать свое слово. И я как раз благодарен режиссеру за то, что он поощряет движение в сторону смелого решения. А уж коль режиссер хочет, актер — тем более.

Мы ведь тоже изрядно нашпигованы штампами. Солдат? У нас есть некая «солдатская мерка» для игры. Офицер? Есть «офицерский» штамп. Генерал? И «генеральский» есть.

Как раз беда-то наша в том, что часто режиссер прежде всего требует штампованного решения. Как-то режиссеры наши робки... Или как-то скованны в исследовании проблем. Как проблема, так непременно ответ тут же. Как вопрос, так ответ. А не всегда я жизнь-то дает ответы. Стала нас одолевать, по-моему, схема. Да живая жизнь-то, она богаче любых выдуманных схем, многообразнее. Она и все надуманные проблемы вберет, и еще радость принесет от общения с правдой.

— Вы в чем-то уточняете образ Лопахина?

— Да нет. Я думаю, дай бог справиться. Но, к сожалению, произойдет некое обеднение образа — как вообще при встрече с большой литературой. Только вот в чем штука: при всем том кинематограф может выбрать свой участок в литературе, где он будет самостоятелен, полнокровен.

Вообще-то говоря, движение от прозы к кинематографу — театр я меньше знаю, тут мне сложнее говорить, — это процесс необратимый. Вот смотрите-ка: нельзя же вернуться обратно от кинематографа, положим, в прозу и получить тот же самый результат теми же средствами. Вы попробуйте записать фильмы Чаплина — пусть самый опытный литератор это сделает и пусть будет так же смешно и умно, как у Чаплина, — но средства-то будут разные.

Поэтому мы делаем ошибку, когда судим кинематограф по законам литературы. Кинематограф требует своего суда — это зрелищное искусство. Природа его иная, и суд должен быть иной. При всем нашем старании мы в фильме не сумеем передать всего, что есть в романе. То есть не надо потом листать роман и говорить: «А вот этого в кино нет...». Всего и не может быть. Уже то обстоятельство, что роман ты читаешь неделю, а в кино сидишь три часа, — одно это многое уже меняет. Все дело в аккумуляции зрелищного образа — тут вся сложность. Потому что жест актера, который за доли секунды промелькнул на экране...

— Тоже фраза?

— Фраза! Больше того: страница описания. Самого глубокого, самого умного описания. Но средства тут разные, а суд мы прилагаем один и тот же. Мы говорим: «Это в романе есть, а в кино нет». Ну и что же, что нет? Зато в кино есть то, чего нет в романе: зрелищность и сиюминутность происходящего. И наблюдение за актером и за текучестью его мимики. За мыслью, которая в глазах, то есть средства огромные, только мы не всегда ими разумно пользуемся и не во всю мощь их пускаем.

Поэтому, если говорить об этом в случае собственном, положим: для меня литература перестает существовать, когда начинается кинематограф. Я потом и сценарий даже не читаю: уже включается и другой мотор, и иная цепь, и иной род повествования. Поэтому у меня никогда сценарий не походит на готовый фильм, да я и не считаю, что сценарий надо непременно точно, буквально переносить на экран. Просто для меня в лучшем случае сценарий — руководство к действию.

— Можно ли сказать так: для вас написанный вами сценарий — только символы будущих эпизодов, сцен и т. д., шифры, некое обозначение будущего фильма?

— Немножко не понимаю вопрос, — отозвался Шукшин, в тот момент думавший, видимо, о чем-то другом. — О чем вопрос-то?

— Перед фильмом у вас есть написанный сценарий плюс нечто в голове...

— А! Конечно, конечно. То, что в голове, вообще никогда не запишешь. Потом: то, что на бумаге, мне нужно во многом для того, чтобы окружающим людям как-то рассказать, о чем я собираюсь картину делать. Для себя же я оставляю возможность работы на площадке — с актером, с оператором, с художником. У меня фильм в основном происходит как-то потом. Но это — отдельный случай.

При всем том я участвовал в фильмах, которые похожи на сценарии. Так тоже можно жить и работать. У меня немножко иначе — это очень субъективный подход к делу. Просто-напросто мне приходится потом уже сценарий записывать по фильму. Вот я переиздавал однажды сценарий «Живет такой парень». Попросили в издательстве, и я показал им сценарий, который совершенно не похож на фильм. Пришлось мне по картине записывать вроде бы сценарий. Она существует, кстати, эта форма — не я первый.

— А изменяется ли как-то сюжет при переносе прозы на экран? Становится ли он более стремительным, скажем? И, вообще, какую роль вы отводите сюжету?

— Я о сюжете стараюсь не думать — он лезет в меня сам. Я пытаюсь бороться с ним, но у меня еще ничего не получается.

Вот смотрите: я очень неодобрительно отношусь к сюжету вообще. Я так полагаю, что сюжет несет мораль — непременно: раз история замкнута, раз она для чего-то рассказана и завершена, значит, автор преследует какую-то цель, в цель такого рода: не делайте так, а делайте этак. Или: это — хорошо, а это — плохо. Вот чего не надо бы в искусстве.

Когда я попадаю на правду — правду изображения или правду описания, — то начинаю сам для себя делать выводы. И весьма, в общем-то говоря, правильные, ибо я живой и нормальный человек. Почему же иногда не доверяют этому моему качеству — способности сделать правильные выводы? Эту работу надо мне самому оставлять. Меня поучения в искусстве очень настораживают. Я их боюсь. Я никогда им не верю, этим поучениям. Как читатель и зритель не верю поучениям ни из книги, ни с экрана.

— Вы считаете, что это делается с помощью сюжета?

— И сюжета. И сюжета, — повторил Шукшин, делая ударение на «и».

— А что же нам опять-таки делать с великими образцами? Классики ведь совсем не безразлично относились к работе над сюжетом...

— Перескажите сюжет любого романа Достоевского — вам не удастся передать глубину произведения: не в сюжете дело.

— Но из этого не следует, что он не заботился о сюжете. И это значит, что только посредственный автор вполне исчерпывается сюжетом, поскольку за душой у него ничего больше нет.

— Тут вот штука-то именно в этом: может быть, сюжет служил Достоевскому только поводом, чтобы начать разговор. Потом повод исчезал, а начинала говорить душа, мудрость, ум, чувство. Вся суть и мудрость его писаний, она не в сюжете как раз, а в каких-то отвлечениях. Это потом, отбросив все остальное, можно докопаться до сюжета. Но отбросить все остальное — это значит отбросить Достоевского.

— Чем, на ваш взгляд, отличается диалог в прозе от диалога в кино и театре?

— Черт его знает, как он отличается... — ответил Шукшин, опять думая о чем-то другом. — Большой вопрос слишком. Я, боюсь, тут на общие фразы выскочу и «отмолочу норму».

— «Норму» не надо...

— Не надо, конечно. Я вот только одно заметил, что зрительское самочувствие в театре и в кинематографе — разные вещи. Вот в чем разница — мне эту мысль Товстоногов подсказал: читая книгу или сидя в кинотеатре, читатель и зритель присутствуют при том, что когда-то случилось в зафиксировано. Более или менее точно, правдиво, талантливо, гениально — как хотите, но — зафиксировано, то есть когда-то было. А сидя в театре, зритель как бы является свидетелем происходящего сейчас. Это великая штука — сейчас.

Вообще, у меня к театру поменялось отношение.

Опять же, будучи учеником Михаила Ильича Ромма, искреннейшего ниспровергателя театра, я был тоже заражен этими мыслями. И, в общем, поджидал минуту, когда театр скончается вовсе, — засмеялся Шукшин, — а он не кончается, а, напротив, набирает силу. Он вышагнул вперед, кстати говоря. Наш театр сейчас активнее и интереснее нашего кинематографа — вот это я совершенно отчетливо понял. Не знаю, почему так.

Мне казалось, что театр — менее гибкое, более громоздкое, чем кино, какое то неповоротливое искусство, а оно, оказалось, вышагнуло вперед и уже копается в вопросах, которые кинематограф пока еще не одолел.

Когда я уезжал в командировку, один из отделов редакции просил меня передать Шукшину просьбу принять корреспондента «ЛГ» для беседы. Однако в начале года в одной из журнальных статей Шукшина упрекнули в том, что он дает много интервью. Упрек Шукшин переживал болезненно. Он был во многом максималистом, остался им и здесь: решил вообще не давать интервью «для печати».

— Не могу. Поймите, не могу. Я выступлю — опять напишут...

Я продолжал настаивать, говоря, что такой упрек можно бросить посредственности, а не ему; что таково не только мое мнение, но и коллективное мнение редакции. Он жадно слушал, беспрерывно курил, прикуривая одну сигарету от другой; глаза его лихорадочно блестели. В сентябре я смог напомнить уже не об устном, а о «печатном» мнении редакции, опубликовавшей статью о нем Алексея Каплера, и слову сказать, чрезвычайно понравившуюся Шукшину. («Ит ты, — восхищенно говорил он мне о Каплере, — даже слово вспомнил — «профурсетка», — а я и забыл о нем; и отнес его к явлению... Передай ему спасибо. Обязательно. Не забудешь?») Забегая вперед, скажу, что в сентябре он все-таки обещал принять корреспондента «ЛГ», отнеся беседу на ноябрь — декабрь. А еще раньше дал согласие на диалог с литературоведом В. Бурсовым (диалог — все-таки не интервью). Но прежде от такого разговора отказывался наотрез. Он говорил:

— Я прошел через жизнь, в общем, трудную, и произносить мне это противно, потому что всем нелегко приходится.

В институт я пришел ведь глубоко сельским человеком, далеким от искусства. Мне казалось, всем это было видно. Я слишком поздно пришел в институт — в 25 лет, — и начитанность моя была относительная, и знания мои были относительные. Мне было трудно учиться. Чрезвычайно. Знаний я набирался отрывисто и както с пропусками. Кроме того, я должен был узнавать то, что знают все и что я пропустил в жизни. И вот до поры до времени я стал таить, что ли, набранную силу. И, как ни странно, каким-то искривленным и неожиданным образом я подогревал в людях уверенность, что — правильно, это вы должны заниматься искусством, а не я. Но я знал, вперед знал, что подкараулю в жизни момент, когда... ну, окажусь более состоятельным, а они со своими бесконечными заявлениями об искусстве окажутся несостоятельными. Все время я хоронил в себе от посторонних глаз неизвестного человека, какого-то тайного бойца, нерасшифрованного.

Теперь мне не хочется становиться в позицию и положение другого человека — я уж свыкся с этой манерой жить и работать. Мне не хочется делать никаких авансов, никаких заявлений. Ничего страшного, если промолчу лишний раз. Оттого, что не скажу чего-то такого о себе, ничего не случится. — я-то буду знать про это. И я хочу сказать, что мне сейчас трудно менять образ своих действий после того, как я так вот уже прожил изрядное количество лет, прошел институт, прошел первую пору отвоевывания себе права работать в искусстве — это тоже было. И свыкся с таким образом жизни. Представьте себе, такая глупая, в общем, штука, но все кажется, что должны мне отказывать в этом деле — в праве на искусство. Но говорить...

— Может, наша сотрудница все же позвонит осенью?

— Ее и меня поставите в неловкое положение: нужно будет отказываться. Живой человек она, для нее это работа, ее дело, наконец. А чего же в ее деле отказывать ей?.. Не могу я, не могу. Не готов я к этому, не готов. Ну, по всем статьям не готов... Это ведь все сведется опять к тому — как мы пишем, как мы работаем. Ужасно отвратительная рубрика, просто сил нет. Ну, какие вопросы хотят задать?

— Скажем, Шукшин-читатель...

— Ну и что? Господи, боже мой! Как я читаю... Да кому это интересно-то? Господи! Я вам серьезно говорю: это все ересь. Кто делает, так пусть он делает. Без меня. Пусть это делают как-то помимо. Шут с ними. Я только говорю, что я это не уважаю, а чего ж я полезу в дело, которое я заведомо не уважаю? Ну, не уважаю я такие заявления.

«Записная книжка писателя»... Да ты писатель ли?! А уже — «записная книжка писателя»! Вот ведь что губит-то! Ты еще не состоялся как писатель, а уж у тебя записная книжка! Ит ты, какие поползновения в профессию, а еще профессией не овладел! Вот это злит... Много злит...

Слишком я уважаю эту профессию, слишком она для меня святая, чтобы еще говорить, как я встаю рано утром, как сажусь. Да ты результат дай сначала...

— Но результат-то у вас есть...

— Ну, какой результат! За 15 лет работы несколько книжечек куцых, по 8—9 листов — это не работа профессионала-писателя. 15 лет — это почти вся жизнь писательская. Надо только вдуматься в это! Я серьезно говорю, что мало сделано, слишком мало!

— А фильмы?

— Фильмы... — вздохнул он.

Шукшин не раз говорил, что из картин, сделанных им, ему более или менее нравятся две последние работы: «Печки-лавочки» и «Калина красная». Когда я спросил его мнение о фильме «Живет такой парень», то услышал презрительный ответ: «Вольно благополучный...»

Он и сейчас у меня перед глазами. Поздний вечер, уже вместе с Георгием Бурковым выпито бессчетное количество стаканов крепчайшего растворимого кофе уже все разошлись по каютам, а Шукшин — в шлепанцах, в рубахе, выдернутой из линялых джинсов, — все стоит у борта теплохода, все курит и курит. И думает, думает, глядя на ночной чернильный берег...

Вернувшись из командировки, я все вспоминал Шукшина и никак не мог понять, на кого он похож. Кого-то отлично знакомого он напоминал феноменально, только двойника я все никак не мог сыскать ни на московских улицах, ни в городских квартирах. Казалось, здесь он — вот-вот выскочит из-за угла или вынырнет из автобуса... А потом, в подмосковном лесу, я набрел на древесный корень, вывернутый на стриженый ежик осенней травы, — и сразу вспомнил Шукшина: вот уж кто вырос на земле, кто всю жизнь был с ней связан, на ком следы «земли» остались до конца...

Кто бы знал, как я казню себя сейчас за то, что не записывал каждое его слово, что не истратил весь запас фотопленки на него одного! Я много записывал и много снимал, и все равно — горестно мало. Но кто мог подумать — Василий Шукшин едва отпраздновал 45-летие...

Не надо родиться пророком, чтобы предсказать: слава его будет расти. «Большое видится на расстоянии», — как однажды написал поэт...

Григорий ЦИТРИНЯК,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Несколько страничек из бесед с В. Шукшиным вошло в репортаж о съемках, который публикуется в одном из ближайших номеров журнала «Искусство кино».

В. Шукшин, С. Бондарчук и Л. Федосеева на съемках фильма «Они сражались за Родину»
Фото Г. ЦИТРИНЯКА

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Я. В. АПУШКИНУ — 75 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по драматургии театра, кино и телевидения направили Якову Владимировичу Апушкину приветствие:

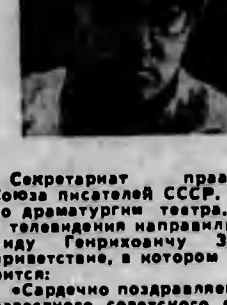
«Сердечно поздравляем Вас, известного мастера одноактной драматургии, с днем семидесятипятилетия.

На протяжении многих лет Ваши пьесы были в репертуаре многочисленных народных театров и самодеятельных коллективов. Ваши статьи, театроведческие работы, многоактные пьесы отличаются глубоким проникновением в существо предмета, знанием жизни, правдивостью.

В день юбилея желаем Вам, дорогой Яков Владимирович, здоровья, счастья, новых творческих успехов в Вашей многогранной творческой деятельности».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

Л. Г. ЗОРИНУ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по драматургии театра, кино и телевидения направили Леониду Генриховичу Зорину приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного советского драматурга, с пятидесятилетием со дня рождения.

Начав свой путь в литературе как поэт и переводчик, Вы затем прочно связали свое имя с драматургией. Многие Ваши пьесы получили широкое признание зрителей. Вами был создан целый ряд одноактных пьес, которые также с большим успехом шли на сценах различных театров страны.

Посвящая свои произведения современной жизни, Вы уделяете главное внимание раскрытию внутреннего мира советского человека, правдиво отображая его духовное богатство и глубину чувств. Много сил Вы отдали переводам пьес драматургов из братских республик, сделав их творчество достоянием многомиллионного читателя, зрителя.

Вы активно работаете в Совете по драматургии Союза писателей СССР, в бюро творческого объединения драматургов Московской писательской организации, с молодыми литераторами.

В день юбилея желаем Вам крепкого здоровья, новых творческих успехов».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

В 1957 году мы с Юлией Константиновной Борисовой репетировали спектакль «Варшавская мелодия». Рубен Николаевич Симонов, который ставил, как оказалось, свой последний спектакль, работал над ним с таким упоением, с такой счастливой радостью, что я и сейчас вижу его сияющие глаза.

Да! Когда начинаешь репетировать пьесы Леонида Зорина (а мне пришлось играть в трех его пьесах), испытываешь и удовольствие, и актерский покой.

Странно? Нет. Ты знаешь, что этот «корабль» продуман до мельчайших подробностей, сделан точно, все части подогнаны разумно и целесообразно. И ты спокойно и твердо убежден, что он под тобой не обвалится, что в пути ты не будешь удивляться нелогичности частей и абсурдности конструкций, как это часто встречается в других пьесах.

Говорят, что драматургия — самый сложный вид литературы. Так вот, я знаю Леонида Зорина как самого верного служителя этой капризной дамы — драматургии, верного и одного из самых талантливых. Как он плетет диалог и лепит характеры, как строит конфликт и пропитывает пьесу глубокими и неожиданными мыслями и чувствами, да, чувствами, ибо пьесы Зорина всегда эмоциональны.

Вспомните «Друзья и годы», «Палубу», «Варшавскую мелодию», «Транзит», «Декабристов» — в его пьесах нет лишних, ненужных, случайных и ничего не выражающих слов.

Леонид Зорин — один из немногих драматургов, которые неохотно идут на просьбы актеров, привычных переписывать пьесы, и это происходит не от дурного характера автора, а от глубокой продуманности, точного знания темы, смысла пьесы, который ему важен и нужен. Главная черта в драматургии Л. Зорина — сердечность и глубинность. Он пишет сердцем, будь это драма или сатирическая комедия, сердцем, которое радуется, ликует, болит.

В пятьдесят лет, завоевав любовь театров и зрителей, Л. Зорин полон планов. Вот и сейчас я прочел его новую пьесу «Самозванка», которая, на мой взгляд, являет собой новую страницу в его творчестве.

Пятьдесят лет — возраст зрелости, и актеры верят, что еще во многих и многих зоринских пьесах, всегда глубоких, написанных мастерской рукой, они будут играть.

Михаил УЛЬЯНОВ,
народный артист СССР, лауреат Ленинской премии

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

РЕПОРТАЖ «ЛГ»

ЗОЛОТОЙ ЮБИЛЕЙ МОНГОЛИИ

Ноябрь принес первые морозы, и ослепительный солнечный свет. Небо, иссиня-голубое, бережно охватило линию горизонта, чуть припорошенную снегом монгольскую землю. Еще немного, меньше двух недель, и сюда придет день, который увенчает годы самоотверженного труда, творческого горения, беззаветной преданности общему делу, — день 50-летия III съезда МНРП и полувекового юбилея провозглашения МНР. Для участия в торжествах, посвященных этим знаменательным датам, в Улан-Батор прибудет партийно-правительственная делегация Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

«Наши успехи — это прежде всего плоды дружбы с советским народом», — говорят монголы.

1974 год стал годом всенародного социалистического соревнования в честь юбилейных дат. План первых девяти месяцев успешно выполнен. И самое главное, о чем с гордостью говорят все, — каждый четвертый здесь учится. Все выше становится духовный уровень людей. Литература и искусство стали неотъемлемой частью жизни древнего монгольского народа.

Исполняющий обязанности министра культуры МНР С. Луасанжандан любезно согласился ответить на вопросы корреспондента «ЛГ».

— Как вы оцениваете путь, пройденный монгольской культурой за 50 лет?

— Современная монгольская литература и искусство рождались в огне народной революции. И ее бойцы были основателями нашей новой культуры. Среди них: Д. Нацагдорж — секретарь Военного Совета революционной армии, С. Буянэмэх — с 1920 года редактор газеты «Монголын үнэн» и председатель ЦК ревсомола, Ц. Дамдинсурэн работал председателем монгольского профсоюза. Темой их творчества были борьба за свободу человека, за национальное и социальное возрождение страны, новая, революционная действительность и новый человек.

Революционные писатели, композиторы и художники силами и средствами искусства просвещали народ и вдохновляли его на строительство новой жизни и сами активно участвовали в борьбе за революционное социалистическое преобразование страны.

Сейчас в нашей стране литература и искусство стали неотъемлемой частью интеллектуальной и эмоциональной жизни людей, поэтому роль художника возросла, как никогда. Наш современник с большим интересом читает романы Б. Ринчена, Ч. Лодойдамбы и Л. Тудэва, ставшие художественной летописью революции, эпос и лирику современной жизни Д. Сэнгээ, Ч. Чимида, Ц. Гайтава, Б. Явуухулана, Д. Пурэвдоржа, новеллы С. Эрдэнэ, повести С. Удвал, смотрят драмы Д. Намдага, Ч. Ойдова, Л. Вангана.

Искусство исполнителей, певцов, музыкантов и артистов театра, кино и цирка доставляет трудовому человеку истинную радость и эстетическое наслаждение. Работы наших кинематографистов обогащают духовный мир, придают новые силы.

Конечно, говоря о наших творческих работниках, мне хочется особенно отметить роль их учителей — советских мастеров. Они не только воспитывали наши творческие кадры, но многие из них сами непосредственно участвовали в развитии нашей социалистической литературы и искусства. Их ум, талант, многолетний труд, большое сердце, добрые напутствия служили и служат вечным источником, из которого наши художники черпают неиссякаемую силу.

— Какова роль писателей, художников, композиторов вашей страны в строительстве социалистического общества?

— В условиях развитого социалистического общества и современного научно-технического прогресса неуклонно меняются облик нашей страны и жизнь монгольского народа. МНРП призывает наших художников глубже проникать в общественную жизнь, своевременно отражать в своих произведениях то новое, что составляет дух времени, характер эпохи и перспективы развития.

Современность с ее динамикой, героями и конфликтами преобладает в репертуаре кино и театров. Она выражается в острой проблематике нашего времени, ее нравственно-философском осмыслении, новых художественных поисках. Проблемы взаимосвязи общества к личности, природы и человека, времени и народа ставятся и разрешаются не в обобщенно-абстрактном плане, а находят конкретно-историческое выражение в свете перспектив дальнейшего развития. Творческой удачей отмечены фильмы ряда режиссеров, где наш современник показан в гуще жизни и в созидательном труде. Приятно отметить, что произведения для детей занимают достойное место в кино и театре. Сейчас ожидается еще одна премьера — это пьеса Ч. Чимида «Совершенно секретно». Автор рассказывает о герое — неизвестном солдате, работавшем в глубоком тылу врага. Состоялись премьеры спектаклей, опер и балетов на темы: героической борьбы народа за социальное и национальное освобождение.

В этом году на афишах монгольских театров и концертных залов можно увидеть названия классических творений мирового и советского искусства. Каждая постановка классических произведений — событие в культурной жизни, большой творческий праздник.

А. НИКОЛАЕВСКАЯ,
спец. корр. «Литературной газеты»

УЛАН БАТОР. (По телефону)

КИТАЙ СЕГОДНЯ

ПОЙ И НИ О ЧЕМ НЕ ДУМАЙ

В настоящее время в Китае в рамках «критики Линь Бяо и Конфуция» развернулась еще одна кампания — борьба за внедрение в массы «новых явлений», рожденных, как утверждает официальная пропаганда, в ходе «культурной революции» в сфере надстройки и, в частности, в сфере искусства.

В число этих «новых явлений» включаются в первую очередь пресловутые «образцовые спектакли». Они преподносятся не только как «победа линии Мао» в области культуры, но и как «духовное богатство», которое якобы дает китайскому народу ответы на все волнующие его вопросы.

Летом этого года китайская печать широко отмечала десятилетний юбилей появления «образцовых спектаклей». Десять лет навязывается массам «новое» маоистское искусство. Именно навязывается, ибо оно отвергается народом, чего не могла скрыть даже юбилейная статья по этому поводу в журнале «Хунци», назвавшая минувший период «десятью годами борьбы». Пекинская пропаганда пытается воспитывать массы на «положительных примерах» с мест, где «новые явления» распространяются «наиболее успешно».

В середине октября газеты «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» на первых полосах поместили очерк о популяризации пресловутых «образцовых опер» в деревне Сяоцзинчжуан, что под Тяньцзинем. Мы постараемся изложить его содержание, сохранив почти полностью стиль и манеру написания китайского оригинала.

В очерке говорится, что для «избавления от феодальной, капиталистической и ревизионистской культуры» в этой деревне вот уже три года развертывается движение за изучение арий из «революционных» опер. Сейчас большинство жителей деревни умеют петь арии из «образцовых пьес», даже семидесятилетние и восьмидесятилетние старики и детишки 6—7 лет. Арии поют по дороге на работу и с работы, в поле, на ферме, в саду и всюду, где только можно. После ужина крестьяне, которые выходят посидеть на завалинке, распевают арию за арией, и получается импровизированный концерт.

Хотя культурный уровень жителей еще низок и иероглифов они знают немного, крестьяне, говорится далее в очерке, стараются преодолевать трудности, слушают оперы по радио, заучивают их фраза за фразой. Старики, у которых память ослабла и которые не могут запомнить сразу целое предложение, учат арии иероглиф за иероглифом, слово за словом.

В деревне очень любят «образцовые пьесы». Однажды во время просмотра фильма (а все фильмы в Китае — это не что иное, как экранизированные «образцовые спектакли») пошел дождь, но крестьяне и один голос потребовали продолжать фильм и досмотрели его до конца. Теперь, когда показывают эти фильмы, все семьи в полном составе отправляются их смотреть, и в доме не остается никого. Далее рассказывается об одном крестьянине 72-х лет, который раньше был большим молчуном. А сейчас он, осознав, что пение арий играет большую роль в укреплении «диктатуры пролетариата», не только сам поет в полный голос, но и организовал нескольких стариков на распространение арий из «образцовых пьес».

В этой деревне, сообщается в очерке, все понимают, что ни в коем случае нельзя позволить плохим буржуазным и феодальным произведениям опять завоевать сцену. Ведь раньше здесь из-за того, что ставились старые, не «образцовые» пьесы, некоторые крестьяне не участвовали активно в коллективном труде, а девушки, даже участницы художественной самодеятельности, отправлялись искать женихов. Для того чтобы преодолеть подобное положение, была развернута «широкая революционная критика», в ходе которой все поняли, что капитализм еще может быть реставрирован, если забыть о важной роли искусства, и в частности «образцовых спектаклей». Те, кто до «культурной революции» ставил «плохие и вредные» пьесы о барышнях, барчуках и генералах, растлевавшие народ, ныне осуждают их. Теперь-то крестьяне хорошо понимают, что эти пьесы «подрывают в их деревне базу социализма, и не допускают мысли о том, что можно смотреть подобные вещи». Более того, когда у кого-нибудь возникают «вопросы в мышлении», ему, вместо того чтобы долго объяснять, просто исполняют соответствующую арию, и это помогает человеку глубже осознать свои ошибки. Особой популярностью пользуется ария «В руке у меня драгоценная книжка» из оперы «Песнь о Лунцзяне»*.

В очерке говорится далее, что новый партком боролся за идейные позиции в самодеятельности, использовал роту народного ополчения в качестве костяка, в плановом порядке руководил работой по распространению «образцовых пьес». В заключение подчеркивается, что хотя хорошие пьесы в деревне получили большое распространение, на этом работа еще не закончилась, еще остается многое сделать.

Невольно возникает вопрос: куда уж дальше? И стар, и млад разучивают арии «по иероглифам» и поют утром, днем, перед сном, перед работой и во время нее. Остается только видеть «образцовые сны», дабы не возникали «вопросы в мышлении» и не стала возможной «реставрация капитализма».

Но, оказывается, можно и дальше идти по тому же пути. Взять хотя бы детскую песню.

Как сообщалось, например, недавно, «в ходе движения критики Линь Бяо и Конфуция партячейка начальной школы «Шэнли» поселка Баоцин провинции Хэйлунцзян мобилизует преподавателей и учащихся на развертывание кампании по разучиванию и исполнению революционных (читай: маоистских) детских песен. Каждое полугодие в школе устраиваются концерты, на которых исполняются революционные детские песни. Больше того, учащиеся с помощью песен критикуют контрреволюционную ревизионистскую линию Линь Бяо и учение Конфуция — Мэн-цзы.

Члены партячейки школы считают, что детские песни являются оружием в классовой борьбе. Распространение и написание революционных песен, отражающих жизнерадостность детей, являются одной из удачных форм критики Линь Бяо и Конфуция. Поэтому партячейка решила взять на себя руководство этой работой. Руководящие члены партячейки, а также ответственные лица молодежной организации и организации хунсюбинов стали показывать пример в написании и исполнении революционных детских песен, проводить общие собрания-концерты учащихся школы, на которых звучали революционные детские песни. Благодаря этому критика Линь Бяо и Конфуция в школе стала проводиться активнее».

Таким образом, и оперные арии, и детские песни подключены сегодня пекинскими лидерами к кампании идеологической обработки широких масс в Китае. Однако сам факт признания острой борьбы в области искусства говорит о невозможности заменить маоистскими эрзацами богатое культурное наследие китайского народа.

И все же в Китае помнят другие песни, другие произведения, уходящие корнями в славное революционное прошлое китайского народа, его богатую музыкальную культуру. Их распространение, в отличие от «образцовых спектаклей», обходится без особых планов маоистских парткомов, и любовь к ним не надо подкреплять ротами ополченцев. В сегодняшнем Китае эти песни называют «ядовитыми травами», «вредными», «черными». Это их призывают всячески искоренять и заменять маоистской музыкой. Но пока что из пения поневоле ничего не получается.

Г. БАРКОВ

* Имеется в виду цитатник Мао. — Ред.

СЕМЬ ДНЕЙ В НОЯБРЕ...

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Раймон ГЮЙО: ЗАЛОГ МИРНОЙ ЖИЗНИ

В Москве находилась делегация Французского клуба за европейскую безопасность и сотрудничество. Корреспондент «ЛГ» встретился с членом делегации, французским сенатором, членом ЦК ФКП Раймоном Гюйо. Вот что он сказал:

Главная задача народов Европы сегодня — сохранить и упрочить мир на нашем континенте. Именно эту цель преследует Французский клуб ее европейскую безопасность и сотрудничество. Политический спектр клуба чрезвычайно широк: в его рядах представлены и коммунисты, и клерикалы, и члены голлистской партии, верные заветам генерала де Голля и продолжающие выступать за национальную независимость и суверенитет Франции. Когда одного депутата парламента, представителя голлистской партии, спросили: «Что объединяет вас, людей столь разных политических убеждений во Французском клубе за европейскую безопасность и сотрудничество?» — он ответил: «Во время войны мы, участники движения Сопротивления, сражались бок о бок с коммунистами за освобождение Франции, а теперь мы вместе боремся за мир, за национальную независимость. Мы хотим, чтобы так было и впредь».

Мы твердо убеждены, что предстоящая встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Президентом Французской республики Жискар д'Эстеном будет способствовать — и такова воля всего нашего народа — дальнейшему укреплению франко-советских отношений, развитию сотрудничества между нашими странами во всех сферах: политической, научной, технической и культурной. В сфере политической эта встреча безусловно призвана оказать позитивное влияние на ход Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

В этом году мы отметили 50-летие установления дипломатических отношений между Францией и молодой Советской республикой. Прошедшие пятьдесят лет доказали, что о независимости, национальном достоинстве и величии Франции может идти речь лишь в том случае, если наши страны идут рука об руку по пути мира и сотрудничества.

Укрепление дружбы между Францией и Советским Союзом — надежный залог мирной жизни наших народов.

САЙГОН. Схватка полиции с южновьетнамской молодежью, вышедшей на улицы с требованием отставки президента Тхиеу.
Фото из газеты «Паэзе сера» (ИТАЛИЯ)

СООБЩАЕМ ПОДРОБНОСТИ

ОДИН ОТВЕТ НА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ВОПРОСОВ

Исход «промежуточных» выборов в США уже известен. Все произошло именно так, как и предполагалось, начиная от рекордного абсентеизма (в выборах приняло участие менее 40 процентов избирателей) и кончая ощутимыми потерями республиканцев (демократы получили дополнительные места и в сенате, и в палате представителей, и в губернаторских офисах). Однако большинство комментаторов все-таки не решается писать о «победе демократической партии» и резонно отмечает, что те 60 процентов избирателей, которые не пришли к избирательным урнам, продемонстрировали свое разочарование обеими буржуазными партиями, а очень многие из тех американцев, которые отдали свои голоса демократам, сделали это для того, чтобы выразить свое недовольство внутренней политикой нынешнего республиканского правительства.

Не случайно, видимо, газета «Нью-Йорк таймс» поделила избирателей не на республиканцев и демократов, а на... либералов и консерваторов. Накануне выборов газета опубликовала данные опроса общественного мнения, проведенного институтом Гэллапа среди 1501 американца в 350 районах страны, которым был предложен следующий вопрос: «Предположим, что в день выборов 5 ноября вы сможете голосовать не только за кандидатов, но и по ключевым проблемам. Скажите, как вы будете голосовать по каждому из 14 предложений».

Пять вопросов из четырнадцати в той или иной степени касались обостряющихся в США экономических неурядиц, и в своих ответах на них американцы продемонстрировали заметное единодушие. 66 процентов опрошенных считают необходимым не сокращать, а, напротив, увеличивать федеральные правительственные ассигнования в первую очередь на здравоохранение, просвещение, социальное обеспечение и жилищное строительство. Опять-таки большинство американцев (56 процентов) высказалось в той же связи за сокращение непомерно раздутых военных расходов США, которые в нынешнем году превысили 80 миллиардов долларов. 62 процента американцев считают, что правительству следует всерьез заняться контролем над ценами и заработной платой, обуздать инфляцию в стране. И, наконец, 54 процента опрошенных высказались против намерения правительства ввести 5-процентную «налоговую надбавку», которая, по существу, не скажется на гигантских прибылях крупнейших монополий, но нанесет удар по бюджету «среднего американца».

Одна из «ключевых проблем» — положение национальных меньшинств в Соединенных Штатах. Решить ее можно отнюдь не с помощью «автобусных перевозок» школьников «в интересах совместного обучения белых и цветных». Против этих перевозок высказались 68 процентов участников опроса, чье мнение, надо полагать, сформировалось не без влияния общественности, выступающей за коренное улучшение условий в школах, расположенных в гетто и районах бедноты.

74 процента американцев высказались за немедленное запрещение марихуаны, 71 процент — за обязательную регистрацию огнестрельного оружия, 72 процента — за ограничение расходов кандидатов на избирательную кампанию, 63 процента — за нормализацию отношений с социалистической Кубой. Эти цифры, пожалуй, не требуют комментариев.

Для полноты картины к итогам опроса Гэллапа можно было бы прибавить и серьезную тревогу миллионов американцев по поводу безработицы, которая уже охватывает 6 процентов трудоспособного населения США, и известное «уотергейтское дело», в результате которого президент Р. Никсон был вынужден уйти в отставку, и разгул преступности...

Как бы там ни было, в ходе выборов американские избиратели дали вполне определенный суммарный ответ на все четырнадцать вопросов, равно как и откликнулись на другие «ключевые проблемы», стоящие в центре политической жизни США.

А. ШАТОРИН

МНЕНИЕ ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

КОЕ-ЧТО ОБ «ОСОБЫХ ОТНОШЕНИЯХ»

Тут уже не только сетование по поводу «плачевного состояния британской экономики», но и совершенно определенные обвинения. Все дело, оказывается, в лейбористах. Фромм хотел бы видеть у власти тори, хотя ни для кого не секрет, что консервативная партия лишь усугубила за годы пребывания у власти экономические трудности Англии и оставила стране тяжкое наследство.

И, наконец, Г. Хоуэй в «Нью-Йорк таймс» считает, что Гарольд Вильсон «ходит по канату»...

Кто же стоит за этой явно инспирированной кампанией по отношению к Англии, с которой, как принято говорить в Вашингтоне, США связывают «особые отношения»?

Экономический кризис действительно стал реальной угрозой, но не для одной лишь Англии, а для всего западного мира. Инфляция, рост цен, увеличение числа безработных, дефицит платежного баланса — общая беда всех основных капиталистических государств в наши дни. Однако, говоря об Англии в этой связи, заокеанские журналисты выполняют определенный социальный заказ, полученный от крупных монополий США.

Американские промышленники и банкиры, естественно, не одобряют программы национализации ряда ведущих отраслей британской промышленности; они против сокращения Англией расходов на военные нужды. И хотя эта программа лейбористов пока еще не вышла за рамки обычных предвыборных обещаний, за океаном уже бьют тревогу.

Любые, пусть самые робкие шаги, направленные к некоторому ограничению всевластия монополий, в какой бы стране это ни происходило, встречаются в штыки теми, кто стоит за спиной Олсопа, Фромма и других. И чтобы помешать подобным сдвигам, запугивают «красной опасностью», предвещают крах, катастрофы, чуть ли не «конец света».

И дело только в этом, а отнюдь не в «заботах» о судьбах Англии.

А. ВЕЛЬСКАЯ

Корреспондентка английской газеты «Гардиан» Халла Пик пишет из Вашингтона, что «ученые мужи от политики» в США предсказывают Англии «неминуемый крах» в ближайшие месяцы. По их словам, «британская демократия под угрозой» и «судный день недалек».

Уточним, кто эти «ученые мужи», как их иронически называет Х. Пик, и чьи интересы они представляют. Прежде всего — известный своими реакционными взглядами журналист Джозаф Олсоп. Он провел две недели на Британских островах и утверждает на страницах «Уолл-стрит джорнэл», что унес с собой ощущение, будто находился на борту «Титаника»*, где «на палубе идет веселье, а впереди маячит айсберг». Олсоп не скупится на самые мрачные прогнозы: если даже Англии «удастся остаться на плаву», то ее ждет не просто экономический кризис, а скорее всего полное «банкротство». А это опасно для Запада, предостерегает он, ибо «английская болезнь заразна».

Олсопу вторит Джозеф Фромм из «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».

* «Титаник» — пассажирский лайнер, погибший при столкновении с айсбергом в 1912 году.

С тоской заглядывает Михель в свой опустевший кошелек, тщетно надеясь обнаружить в нем хотя бы еще несколько марок. Неуклонный рост цен в стране приводит ко все большему снижению жизненного уровня населения Западной Германии...

Рисунок из журнала «Цайт-магацин» (ФРГ)

ХА-ХА!

АЙ ДА СИНЬХУА!

И вновь приходится писать о хоккее. Не потому, что числим себя его специалистами, а для того только, чтобы не выглядеть отсталыми людьми.

В прошлой заметке на хоккейную тему, которая называлась «Ковбои у микрофона», мы позволили себе предположить, что прошедшие встречи канадских профессионалов со сборной командой СССР будут серьезно проанализированы знатоками этой популярной игры.

Первой высказалось радио Канады, сочтя, что во всех неудачах виноваты судьи и неважные бытовые условия, созданные в Москве женам заокеанских хоккеистов. Его, радио, еще можно было понять — свои ведь проиграли.

Но вот и агентство Синьхуа решило внести свой вклад в разбор проходивших матчей, в основном, правда, московских. И сделало это со свойственной ему глубиной и знанием дела. Миллионы любителей хоккея узнали наконец секрет победы русских. Предвзятость советских рефери имела, конечно, место: это они, цитируем Синьхуа, «закрывали глаза на отвратительное поведение советских игроков, которые руками били канадских». И как же не прав был канадский сенатор Джон Годфри, который во всеуслышание заявил на заседании сената, что игрока «Кленовых листьев» Рика Лея следовало бы отослать домой после его неспровоцированного нападения на одну из «звезд» русской команды (имелся в виду Валерий Харламов. — М. М.).

Но не это главное. Китайский «хоккейный» обозреватель обнаружил тайное оружие чемпионов мира. Вот как оно выглядит в его описании: «Дело в том, что после первого тура в Москве канадцы проводили собрание членов команды в одной из комнат гостиницы «Россия», чтобы обсудить тактику и слабости своих противников и разработать план следующей встречи. Но, выйдя на поле, они заметили, что советские игроки неожиданно изменили свою тактику в матче. Позднее было обнаружено, что советские люди установили подслушивающие устройства в шкафах в комнатах канадских игроков...»

Ай да Синьхуа! — восклицнул бы Николай Озеров.

«Хоккейные клюшки и подслушивающие устройства — вот каковы «секреты» победы советской команды», — так заканчивает свой комментарий Синьхуа. И оставляет, уверены, у читателей один недоуменный вопрос: неужели простых хоккейных клюшки? Позволим себе дополнить проницательного китайского знатока. Клюшки тоже были снабжены секретным устройством. По сигналу советских болельщиков «шайбу-шайбу», тренер Б. Кулагин включал вмонтированные в клюшки специальные магниты, притягивавшие к себе черный круглый диск, и отпускал шайбу только в чужих воротах.

Вот что хотелось бы скромно добавить к сенсациям агентства Синьхуа, вовсе не претендуя на его лавры.

М. МАКСИМОВ

2. СЛАГАЕМЫЕ УРОЖАЯ

Илья ФОНЯКОВ

ПСКОВЩИНА: РАЗДУМЬЯ ПИСАТЕЛЯ О СТАНОВЛЕНИИ АГРАРНО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ (Письмо второе из Нечерноземья*)

ГЛУБИНКА

«Порядок слагаемых» — метафора как-то самопроизвольно возникла еще во время работы над предыдущим очерком. «От перемены порядка слагаемых сумма не меняется» — это из области элементарной арифметики. Но простой закон оказывается зачастую неприменимым к сложным экономическим и социальным явлениям. Тут как раз многое зависит от того, какое из необходимых слагаемых успеха поставить первым, какое — вслед за ним.

Жизнь постоянно возвращала к этой мысли во время поездки по градам и весям Псковской области, по ее районам: Псковскому, Пушкино-Горскому, Печорскому, Гдовскому.

Земля везде удивительна, везде прекрасна. И все же нельзя не воскликнуть еще раз, хотя бы мысленно, поднявшись на стену древнего Изборска, на полпути из Пскова в Печоры: «Удивительна и прекрасна земля псковская!». Мягко всхолмленные желто-зеленые дали. Пашни, где уже высеяны озимые, здесь и впрямь не черны, а светло-коричневы, даже красноваты чуть-чуть: Нечерноземье! И коричневы лужи после недавнего (будь он неладен об эту пору!) дождика. И коричнева уже подсохшая грязь на колесах вездесущего «газика». И на колесе крестьянской телеги, которую здесь встретишь куда чаще, чем где-нибудь в Сибири.

Белеет звонница на холме. У нее трогательно неправильные очертания, будто она, как и церковка рядом, не сложена из кирпича, а вылеплена из глины детской рукой и бережно поставлена на зеленую траву. А совсем близко — Труворово городище, где, по преданию, княжил легендарный брат Рюрика. Правда, новейшие исследователи склоняются к тому, что ни Трувора, ни третьего брата — Синеуса на самом деле не было,— просто в свое время была неверно прочитана летописная строка. И все равно: нельзя здесь не «оступиться» в прошлое, словно в археологический раскоп. Идешь деревней—и видишь сарай, амбары, хлева, сложенные из такого же известнякового плитняка, из которого строены стены Псковского кремля, и даже свод над входом сооружен по той же извечной, из поколения в поколение передаваемой технологии. Связь времен!

Я помню Псков и Псковщину начала пятидесятых годов и даже не сравниваю нынешнее с тогдашним: естественно, что почти четверть века мирной созидательной жизни были благотворны и благодатны для края. Радуют новенькие белые крыши когда-то бедствовавшей деревни Бугрово на пути из Пушкинских Гор в Михайловское, ладные домики сел и деревень Островского района. С удовольствием занощу в блокнот деталь, сообщенную секретарем Гдовского райкома КПСС А. Г. Шаховским: в одном из хозяйств района создано общество автолюбителей — столько стало владельцев личных автомашин!

Правда, мы тут же констатировали, что автолюбители хлебнут, пожалуй, немало горя на гдовских дорогах, если вздумают совершать поездки в районную «глубинку». Бездорожье — одна из главных бед псковской земли, особенно в этом ее углу. Другая беда — крайняя изрезанность, раздробленность сельскохозяйственных угодий, «мелкоконтурность», как говорят землеустроители. В области около миллиона гектаров пашни, а средний (не минимальный, а средний) размер поля на Псковщине — два гектара. Современной технике негде развернуться, работает она вполсилы. В значительной мере это — все еще эхо войны: за время войны и послевоенных трудностей, когда не до всего доходили руки, одичали, заросли кустарником и мелколесьем многие поля, которые старожилы помнят культурными и плодородными. Кстати, о плодородии: пусть ни у кого определение «нечерноземная» (зона, область) не ассоциируется с понятием «второсортная». Здешняя земля, если к ней приложены заботливые руки, способна щедро отдарить человека: есть хозяйства, получающие по тридцать и более центнеров озимой ржи с гектара, урожай картофеля в звене Героя Социалистического Труда Ивана Угаркина составил в прошлом году 344 центнера с гектара, и это тоже, как говорится, не предел.

Но заботливых человеческих рук зачастую и не хватает псковской земле. По крайней мере при нынешнем уровне организации и технической оснащенности сельскохозяйственного производства. Демографический баланс уже многие годы складывается явно не в пользу псковской деревни: молодежь уходит не только в промышленные центры, ближние и дальние, но и в соседнюю Ленинградскую область.

Вроде бы знакомая проблема. Чуть ли не общее место. Но, как и всякое общее место, оно нуждается в существенном уточнении. Сегодня районных и хозяйственных руководителей волнуют не столько чисто количественные показатели, сколько качественные. Людей в деревне совсем не так уж мало, процент сельского населения в той же самой Псковской области все еще достаточно высок по сравнению с многими развитыми и успешно питающими себя странами. Беда в том, что уходят — не всегда, но очень часто — лучшие силы. Лучшие выпускники школ. Самые способные. Самые инициативные. Те, кто жаждет сколько-нибудь ярко проявить себя в жизни.

Выход один: преобразование сельского хозяйства на промышленной основе. Это понимают сегодня все, и недаром слово «комплекс» (молочный, свиноводческий, откормочный) стало сегодня одним из самых «ходовых».

— Наш район — действительно трудный, — говорил мне в Гдове секретарь райкома партии А. Г. Шаховский. — Проблем много. На комплексы возлагаем большие надежды. Комплексы — это повышенная концентрация производства, значит, более высокий уровень механизации, производительности труда. Это создание культурных пастбищ. Это, наконец, возможность создания лучших условий жизни в укрупненных поселках. Мы ездили в Белоруссию, смотрели, как действуют животноводческие комплексы там. Понравилось!

ЧТО ТАКОЕ КОМПЛЕКС?

Попросту говоря — очень крупная, высокомеханизированная ферма с набором необходимых угодий и вспомогательных сооружений.

Не вдаваясь в технологические детали, отметим прежде всего, что комплекс — штука дорогостоящая. Стоимость одного места для коровы в молочном комплексе, как сообщили мне псковские проектировщики, составляет 2400—2500 рублей. Это по проекту. На практике при сооружении сравнительно небольшого комплекса на Георгиевской ферме совхоза «Ушаки» Ленинградской области получилось что-то около трех с половиной тысяч рублей. Это сравнимо, если не ошибаюсь, со стоимостью двухкомнатной квартиры в жилищном кооперативе.

А в «нормальном» молочном комплексе — от восьмисот до тысячи двухсот голов.

В одной только Псковской области намечено в перспективе возвести порядка девяноста различных комплексов.

Вот и оцените меру государственной щедрости.

А заодно — и меру озабоченности всех, кто думает о том, чтобы эти огромные средства сработали должным образом, чтобы не вылетела значительная часть их дымом в трубу, чтобы оправдались большие ожидания.

С Григорием Ивановичем Гецентовым, директором совхоза «Победа», неподалеку от областного центра, мне рекомендовали познакомиться в обкоме партии:

— Интересный человек, опытный, мыслящий руководитель...

Что верно, то верно: опытный. Впервые возглавил хозяйство — стал председателем небольшого, по нынешним понятиям, колхоза тут же, на Псковщине, — еще в тридцатые годы, семнадцатилетним комсомольцем. Много повидал на веку, в том числе и всяческих новшеств; и таких, что прочно вошли в жизнь, и таких, которые и сейчас поминают недобрым словом, и таких, что вовсе забыты:

— Помните, к примеру, такую штуку — грязевой сев? Не помните, не читали? А я помню. Шли женщины по колено в весенней грязи и разбрасывали в эту грязь семена. Лен, в частности, так сеяли. Иногда что-то даже вырастало. Если лето выдавалось сухое...

Только что мы ездили по полям, осматривали участки, на которых ведутся мелиоративные работы. Пищала рация в директорском «газике», врывались голоса управляющих и бригадиров, хриплые, озабоченные. Григорий Иванович с ходу «подключался», отдавал короткие распоряжения и вновь возвращался к нашей беседе:

— В сельском хозяйстве не может быть панацей. Слов нет, мелиорация для нас — большое дело. Но ведь и с другой стороны посмотреть надо: чрезмерно увлекаться мелиорацией, возлагать все надежды на нее тоже было бы ошибкой. Надо сперва спросить себя: а все ли мы берем с тех земель, что имеем? Поймите меня правильно: государством отпущены большие средства, есть опасение, что кое у кого это породит иждивенческие настроения...

Нынешнее хозяйство Григория Ивановича и не сравнить, конечно, с тем маломощным колхозом, с которого он начинал когда-то. На многие километры вдоль обрывистого берега Великой протянулись совхозные угодья, сенокосы дальних бригад выходят аж к самому Псковскому озеру. Двадцать семь населенных пунктов, в числе их — практически единственный пока в области многоэтажный поселок из домов городского типа. Вдоль стены директорского кабинета — банки овощных консервов, продукция собственного консервного цеха. «Победа» — шестикратный участник Всесоюзной выставки...

И вот именно этот совхоз, его директор, много лет известный как сторонник всего передового и прогрессивного, отказывается от строительства в совхозе молочного комплекса.

Отказывается!

Отказывается в то самое время, когда многие его соседи не только согласились, но и возлагают на «комплексы» великие надежды. Почему? Потому, быть может, что «Победе» и так хорошо живется, а от добра добра, как известно, не ищут? Нет, не тот человек он, Григорий Иванович Гецентов...

Он не спешит пока посвящать меня в свои мотивы. Коли уж зашел такой разговор,— как обойти другие проблемы, волнующие сегодня директора, и не его одного, конечно? Ведь все эти проблемы связаны между собой! К примеру, те же запасные части...

Ох уж эти запасные части к тракторам и автомобилям! Будь в этом смысле все благополучно, он, Григорий Иванович, мог бы, пожалуй, обойтись в своем совхозе вдвое меньшим количеством машин! Помимо сугубо материального ущерба, существует здесь и трудно учитываемый ущерб моральный. Зрелище простаивающих, полуразобранных машин становится привычным сельскому жителю чуть ли не с колыбели. И не с пример трудней становится при этом воспитывать у подростка уважение к технике, к человеческому труду, в ней воплощенному!

Я слушал директора совхоза и вспоминал многократные беседы с директором Института экономики и организации промышленного производства в новосибирском Академгородке, членом - корреспондентом Академии наук СССР А. Г. Аганбегяном. Одна из идей, которую ученый особенно настойчиво пропагандировал в последнее время, с особенной последовательностью «внедрял» в сознание журналистов и литераторов, — планирование по конечному продукту.

Многие наши беды проистекают как раз от того, что мы не всегда умеем верно определить: что является в каждом конкретном случае конечным продуктом? Выпускаются у нас, к примеру, автобусы. Что является конечной целью этого производства? Как можно больше автобусов! Отнюдь нет. Конечный показатель — количество перевезенных пассажиров, отсутствие «хвостов» на остановках, опозданий на работу из-за транспортных неурядиц. Но мы еще зачастую по-прежнему исходим из того, что конечным продуктом, целью и венцом всех усилий являются автобус как таковой, количество машин как таковое. И в результате во многих городах простаивает до половины автобусного парка...

Да простится мне, если этот условный пример несколько упрощает и огрубляет достаточно сложную проблему. Тут не детали важны, а суть. А суть эта сейчас многим ясна и многими усвоена. И многих волнует. В том числе и в связи с Нечерноземьем, с его дальнейшими судьбами. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР говорится об огромном количестве тракторов и комбайнов, автомашин, выделяемых для колхозов и совхозов нечерноземной зоны. Нет никаких сомнений, что это будет выполнено. Но по-хозяйски думающих людей волнует и другое: как эти машины будут работать, какая часть их рабочего потенциала будет реализована?

Они прекрасно осведомлены, что, к примеру, комбайн «СК-4» стоит значительно дороже, чем электробритва «Харьков». И не может не беспокоить их то обстоятельство, что в условиях нечерноземного Северо-Запада с его специфическим климатом и рельефом, с мелкими «контурами» и длинносоломистыми хлебами эти могучие степные корабли дают производительность в несколько раз меньшую, чем на кубанских или сибирских массивах. А ведь разрабатывался когда-то, еще в предвоенные годы, проект специального «северного» комбайна.

Ивана Александровича Иванова, кандидата сельскохозяйственных наук, главного агронома совхоза «Гдовский», в ту пору и на свете не было, он родился в 1941 году. Но разыскал в литературе упоминание о проводившихся разработках, познакомился, сколько возможно, с ними и теперь спрашивает: может быть, мы все-таки увидим «северный» комбайн на полях — не в ближайшей пятилетке, так хотя бы в следующей? Думать-то уже сейчас надо!

С ПЕРВОГО ДНЯ

Не об одних машинах можно вести речь в этом плане. Возьмем минеральные удобрения — необходимое условие интенсификации полеводства. В планах преображения Нечерноземья им отводится важная роль. Еще не началась новая пятилетка, а псковичи уже ощутили: удобрений стало поступать значительно больше. Это отмечают и директор Гецентов, и агроном Иванов, и секретарь райкома Шаховский. Честь и хвала оперативности работников промышленности! Но беспокойные люди и тут оказываются чем-то недовольны. В каком виде поступают удобрения? Навалом, россыпью, в несмешанном виде. Называя вещи своими именами, можно сказать, что это — варварство, каменный век.

И снова тот же вывод: пусть будет, может быть, чуть меньше количественно этих драгоценных удобрений, но пусть они поступают в мешках и пакетах, в готовых смесях! Григорий Иванович Гецентов мечтает о том, чтобы можно было, как лекарство в аптеке, заказать на заводе необходимую смесь по рецепту, составленному совхозным агрономом. А что, разве это невозможно?

Тенденция времени — перенесение в заводской цех многих операций из тех, которые традиционно осуществлялись в «полевых» условиях. Стали привычными домостроительные комбинаты. Мировыми экспортерами продуктов сельского хозяйства все чаще выступают не отсталые аграрные страны, а как раз державы экономически развитые, с мощным промышленным потенциалом. Урожай начинается в цехе!

И вот теперь — о комплексах.

— Точно, отказались мы, — говорит Г. И. Гецентов. — Подумали — и отказались. Причин несколько. Первое: под комплекс нужно землю готовить не год и не два. (Агроном И. А. Иванов: «Лет десять, не меньше. Пять — если при очень больших вложениях. А у нас в районе ряд комплексов планируется на 1977, 1978, даже на 1975 годы».) Поставить комплекс недолго при нынешней технике, особенно когда государство расщедрилось. А потом что? Восемьсот коров держать — не пустяк, нужна кормопроизводящая база. А на «готовых», пахотных землях комплексы не будешь ставить.

Второе: дороги нужны — продукцию вывозить. А они, получалось, куда-то на вторую очередь отодвинуты.

Третье: жилье. Как ни считай, сто двадцать — сто тридцать человек на комплексе должны работать. И жить тут же, поблизости. И жилье должно строиться параллельно с комплексом. А нам предложили проект без жилья.

Несомненно, потом все это появилось бы: жизнь заставила бы построить и дороги, и жилье, и земли достаточно подготовить. Но сколько до того времени мы хватили бы неприятностей, потерпели убытков! Ведь, кстати, и амортизационные отчисления с нас шли бы начиная со времени акта приемки готового комплекса.

Смотрю я на соседей наших, которые сразу «схватились» за комплекс, согласились на первый же им предложенный вариант, — и думаю: не наплакались бы потом. Не везде, конечно: все-где комплексы привязаны очень удачно. Но в целом — поостерегся бы я спешить. Ничего не скажешь, комплекс — вещь нужная. Но ведь и дорогая! Ставить его — так уж с таким расчетом, чтобы сразу, с первого дня получать полную отдачу. Кстати, себе мы комплекс в конце концов запроектировали, только не животноводческий — овощеводческий: в наших пригородных условиях он скорее всего оправдает себя...

Прав ли Григорий Иванович?

Во всяком случае, его аргументы звучат убедительно. Тем более что не от него одного доводилось подобное слышать. Огромное дело задумано и осуществляется. Как важно не испортить его спешкой, желанием поскорее отрапортовать броской цифрой, попытками строить здание, начиная с крыши! Как важно не перепутать пресловутый «порядок слагаемых»!

А такая опасность, кажется, существует. Вспоминаю беседу в Псковском филиале института «Севзапгипросельхозстрой», который уже в этом году выдал проектную документацию на три комплекса по восемьсот коров каждый, а в будущем году должен спроектировать еще девять.

Руководитель этого учреждения Александр Федорович Салкин показал мне любопытный документ — расписание поездок ответственной комиссии для выбора площадок под будущие комплексы. Расписание — предельно жесткое: на каждую «точку» — день, в каждой «точке» — по одному разу.

— Что мы можем сделать за один такой выезд? — посетовал проектировщик — Разве что оценить площадку визуально, с чисто строительной точки зрения. На более глубокий анализ времени не хватает...

***

Краткая, почти стенографически дословная запись в блокноте:

— Вот ведь как у нас, в сельском хозяйстве: все в один узел завязано — и полеводство, и животноводство, и дороги, и жилье. И надо точно знать, за который конец потянуть, чтобы развязать этот узел. А схватишься не за тот — только туже затянешь...

Много было еще таких разговоров в поездке. И при всей озабоченности собеседников, при всей серьезности затрагиваемых проблем осталось впечатление светлое и отрадное. Думают люди о судьбе родной земли, думают зрело и глубоко. В этом — еще одна из примет времени, переживаемого сейчас Нечерноземьем.

ТАДЖИКИСТАН. Осень в горах

Фото В. ЯКОБСОНА

* Первое письмо см. «ЛГ», № 45.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

РЕКОРД НАОБОРОТ, ИЛИ «КОГДА ЖЕ ТРЕСТ «СТРОИТЕЛЬ» НАЧНЕТ СТРОИТЬ?»

Не так давно в одной из газет нам встретилась заметка под названием «Пол-этажа за смену». В ней рассказывалось о конкурсе строителей, победителям которого были вручены алые ленты чемпионов, а стали ими лучшие каменщики Главмосстроя, которые за одну смену на пол-этажа подняли здание 9-этажного жилого дома в Оружейном переулке. О таких замечательных результатах всегда приятно услышать, это значит, что люди по-настоящему болеют за дело, постоянно помнят о тех, кто с нетерпением ждет, когда распахнутся двери новых подъездов и наступит желанный праздник новоселий. И не наша вина, что на этот раз радостное сообщение поневоле напомнило о другом доме — тоже 9-этажном, тоже жилом, но во всем прочем, увы, ни в чем не схожем с домом-счастливцем.

Мы подумали: если бы пришлось определять победителя в искусстве затянуть, «замаринковать» строительство, то пальма первенства, по всей видимости, досталась бы в Главмосстрое тресту «Строитель».

Впрочем, внесем ясность и, используя опыт работы этого треста, тоже не торопясь, расскажем все по порядку.

В марте 1973 года Литфонд СССР заключил с трестом «Строитель» генеральный договор на сооружение 9-этажного жилого корпуса в Астраханском переулке и 14-этажного — в Безбожном переулке. Один из них — по договору — должен быть готов в ноябре нынешнего года, другой — в марте будущего. И вот первый срок наступил. Каков же результат?

Почти год понадобился строителям, чтобы не места будущих домов снести несколько ветхих строений и переложить действующие подземные коммуникации. Потом столь же неспешно отрывался котлован, забивались сваи под фундамент. При этом руководители треста неизменно обещали выполнить установленный план, а не самом деле неукоснительно его проваливали. Так, за девять месяцев нынешнего года они выполнили работ всего на 70 тысяч рублей. Если учесть, что сметная стоимость всего здания составляет полтора миллиона рублей, не трудно высчитать: сохраняя избранный темп, строители порадуют новоселов никак не раньше, чем в 1985 году!

Может быть, судьба дома складывается как-то особенно неудачно? Вмешались роковые обстоятельства, задержали строителей неперекор их добрым намерениям? Ничего подобного в истории обретающей бородой стройки мы не находим. Напротив. В трудную минуту строителя не раз получали необходимую помощь и поддержку, на откликались на это весьма своеобразно. Однажды, например, «для развертывания фронта работ» понадобилось закрыть движение в Астраханском переулке. И управление ГАИ выполнило просьбу. В ответ строители и правда «развернулись» — развернулись и ушли с объекта. Известно, что на строительных площадках порой с нетерпением ждут кранов. Здесь же кран появился еще в марте; ровно полгода (!) простоял он в ожидании людей и был переброшен на другую стройку... как раз тогда, когда в Астраханском переулке наконец появились рабочие. Право, если бы мы не наблюдали всего этого сами, то подумали бы, что стояла нелепые «производственные ситуации» могут родиться лишь в фантазии, оторванной от реальной действительности.

Писательская общественность не раз уже обращалась к строителям с просьбой разобраться, навести в деле порядок. Мы еще раз просим Главмосстрой воздействовать на трест «Строитель» и его начальника тов. В. П. Петрова.

Если же и этот призыв окажется бесплодным — что тогда? Тогда мы вносим конструктивное предложение: следующий конкурс — соревнование не лучшего каменщика — провести на стройке в Астраханском переулке.

Аллан КЕШОКОВ,
Сергей САРТАКОВ,
Виктор ПОЛТОРАЦКИЙ

К сведению читателей «ЛГ»

В редакцию поступили письма от наших читателей из Белоруссии, Азербайджана, Новосибирска, Челябинска и Тульской области с жалобами на то, что им было отказано в подписке на «Литературную газету» под тем предлогом, будто подписка на нее лимитирована. Еще раз разъясняем, что подписка на «ЛГ» не лимитирована и должна БЕЗ ВСЯКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ и дополнительных «нагрузок» приниматься всеми общественными распространителями печати и отделениями связи. Просим наших читателей о каждом случае отказа в подписке на «Литературную газету» сообщать в редакцию.

Редакция «Литературной газеты»

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Анна РОДИОНОВА

«ЗОЛУШКА» НА ПАРОХОДЕ

СИРОТЫ ПРИ ЖИВЫХ РОДИТЕЛЯХ... ОНИ НУЖДАЮТСЯ В ПОВЫШЕННОМ ВНИМАНИИ, ОСОБОЙ ЗАБОТЕ.

Было еще далеко до конца учебного года, но интернат грезил о пароходе. Каждую весну всех рабат сажали на заранее зафрахтованный пароход, и он плыл по каналу, потом — по Волге, далеко-далеко... А в этом году прогулку решили совместить с юбилеем интерната, и ходили слухи: всем выдадут новые куртки и каждому — подарок. Старшая пионервожатая планировала концерт, и каждый класс обязан был откликнуться своей самодеятельностью. В 5-м «Б» решили ставить «Золушку». Классная руководительница, сохраняющая веру во всепобеждающую силу педагогического энтузиазма, пожертвовала пол-урока русского, чтобы сагитировать ребят.

— Вы представляете, — говорила она с пафосом, — где-нибудь на лужайке мы растянем занавес. Все будут сидеть на пеньках. Директор выдаст шары и серпантин. А еще всюду разбросаем программки и там напишем, что посторонним вход воспрещен — тогда знаете, как кинутся...

Девочки на «Золушку» подались. Бал, превращения, наряды пленили воображение. Мальчишек расшевелить было труднее.

— Ну хорошо, — сказала учительница, пожертвовав еще пол-урока литературы, — если в нашем классе нет ни принца, ни короля, придется взять из 5-го «А».

Мальчишки завопили.

— Интересно, — сказала учительница, — сами играть не хотите, из 5-го «А» брать не дает...

Мальчишки молчали.

— Принцу мы сделаем красную мантию и джинсы с сердечками на коленках, а королю — прекрасную корону из серебра.

Мальчишки выжидали.

— Принц у нас на балу ест мороженое и угощает короля.

Мальчишки уточнили:

— Настоящее или деревянное?

В разговоры о парохода вплелась тема «Золушки».

— А где будем переодеваться: на пароходе?

— А нас пустят на пароход с этим... реквизитом?

Учительница, ее зовут Людмила Валентиновна — в обиходе Лвалентинна, — притащила из дома все, что только можно: все свои летние платья, более или менее годные для костюмов, все украшения, какие-то лоскуты, папиросную бумагу, из которой хорошо делать оборочки, и хозяйственную фольгу, без которой нельзя сделать корону.

Кажется, все, как в любой школе: девочки активны, мальчики пассивны, девочки старательней, мальчишки интереснее. Но это не обычная школа, это интернат, точнее, как я видела на бланках в кабинете директора, — «школа-интернат для детей-сирот». А еще точнее — для детей-сирот при живых родителях, по тем или иным причинам лишенных родительских прав.

Я ходила по интернату, я толкалась с ними в коридорах, пила в столовой бледноватый компот и смотрела в их лица... Слово «сироты» с ними как-то не вязалось. И не потому, что они уж больно хорошо были одеты или прекрасно воспитаны. Но не сироты, не сироты! Во всем их поведении, в манере говорить, двигаться, орать что-то важное друг другу, независимо обращаться с учителями и «всякими там» на редакций не было ничего приютского, вызывающего жалость и слезу трогательного умиления. Дети как дети, не пасынки. «Я такой, как все, и не нужно надо мной рыдать. Хочу — выучу урок, хочу — не выучу, и, знаете ли, за блага не куплен, я их потом отработаю, можете не волноваться, у меня есть голова на плечах, и она варит». Не сироты, нет, не сироты. Принцы и принцессы. Гордые, уязвимые, колючие, замкнутые.

— Все это так, — говорит мне Людмила Валентиновна, когда я делюсь с ней своим первым впечатлением, — но вот, вы понимаете, сиротство сиротству рознь. Бывает сиротство-гордость, сиротство-горе и сиротство-позор. Родители погибли в войну, в блокаду, при пожаре, спасая хлеб, борясь со стихией, — дети гордятся ими... Или умерли... просто среди самой обычной, мирной, налаженной жизни неожиданно умирает папа от инфаркта, мама — от рака. Горе. Но есть сиротство, как я сказала, позор... позор на для этих детей, они не виноваты... просто они сами воспринимают это как позор. Где-то есть отец и где-то есть мать, они живы, есть тысячи причин, почему они отказались от своего ребенка... Но вы представляете, какая же это все-таки невыносимая для совсем еще маленького человека душевная травма? Всех сирот надо одевать, кормить, ласкать, короче — заменять им родителей, как это только возможно. Но этих особенно. Вы представляете, как их надо кормить, как заботиться, как ничем не уязвить, не задеть, не обидеть...

Это мнение учительницы. А чтобы самой узнать все поближе, невыносимо, просто невозможно ходить с блокнотом по этажам и пытаться этаким классическим журналистским способом понять их жизнь за отведенный мне редакцией месяц, с перерывами на собственных порядком заброшенных детей. Поэтому сначала пришлось писать не о них, а для них...

«Золушка», мы будем ставить «Золушку»! Ведь сказка о Золушке значила для этих ребят неизмеримо больше, чем в любой другой школе для любых других учеников. Я воспользовалась своим драматургическим опытом и обратилась к классическому сюжету. Бессмертный сюжет выдержал и сто пятьдесят первую обработку, и вольность текста, и юмор со скидкой на местный колорит, и импровизации на репетициях.

Итак, идут репетиции «Золушки». Текст заостряется на ходу.

ФЕЯ (Алла изображает, согласно «сверхзадаче», всем известную Марианну Ивановну, кастеляншу, от настроения которой очень многое зависит в их жизни):

— Смотри, носи аккуратно, следующие тебе по арматурке положены только через год. (Дарит Золушке туфельки — кеды с огромными бантами из бумаги.)

МАЧЕХА (Марина копирует какую-то вредную воспитательницу):

— ...Только прежде убери в классах, вымой лестницу, приберись в бытовке, разберись в игровой комнате, вычисти раздевалку, да не забудь покормить морскую свинку... потом можешь пойти в парк, постоять под королевскими окнами.

КОРОЛЬ (Витя — но это, конечно же, директор, человек в интернате очень уважаемый):

— Кончен бал, погасли свечи... дорожку все ж таки надо убрать, выпросил в соседнем королевстве (свертывает дорожку). Позвольте, позвольте. (Принцу). На ключ, отнеси в бытовку, а то кто его знает, чем это все кончится...

Долго не было принца. Притом, что все они принцы. Все. Только обладатель истинно королевской крови может с таким достоинством беречь свою независимость, с таким упорством не поддаваться на студенческий задор и чудовищную энергию Лвалентинны.

...Сегодня по столовой дежурит 5-й «Б». Девочки убирают со столов, метут пол, мальчишки, лениво облокотившись о подоконник, наблюдают. Лвалентинна со страшной скоростью — за ней в интернате никто не успевает — летает по столовой, распоряжаясь, регулируя, отбрыкиваясь от многочисленных «Лвалентинна! Лвалентинна!» и одновременно воспитывая тех, кто подвернулся под руку:

— Андрюша, где ты пропадал? Тебя вчера не было на самоподготовке.

— Это мое дело. (Принц!)

— Я понимаю, что это твое дело, но ведь ты знаешь, у нас есть правило — надо ставить в известность директора...

(— Лвалентинна, дайте ключ от раздевалки!)

—...директора или меня, если что-то очень срочное...

(— Лвалентинна, дайте ключ от бытовки, у нас веник кончился.)

—...предупреди, мол, ушел, буду тогда-то...

Последними обедают дежурные. Людмила Валентиновна устало ковыряет котлету.

— Понимаете, — говорит она мне, — у нас все заперто, все на ключах, буквально все, ходишь, как Ванька-ключник, и звенишь связкой. Мелочь, а нервы изматывает.

— Лвалентинна, там Маракуев какого-то малыша ударил.

— Нет, вы скажите, откуда это берется? Пока маленькие, сами страдают от старших, а вырастают — и вот, пожалуйста...

— Лвалентинна, я поеду.

— Куда, Витя?

— Надо. (Принц!)

— Хорошо, только вернись к ужину.

— Дайте двадцать копеек в долг.

Учительница вытряхивает кошелек.

— Лвалентинна, и мне дайте в долг. Двадцать копеек. Я с Наташкой пойду погуляю.

Рядом малюсенькая первоклашка прижимает к животу куклу.

— Сестра, — говорит Людмила Валентиновна, — похожи, да? У нас тут целыми кланами — братья, сестры. Обидно — разделены: этажами, спальнями, классами...

— Лвалентинна, давайте репетировать у нас в спальне, а то у мальчишек даже занавесок нет.

— Вы знаете, — говорит мне учительница, пока мы идем в девчоночью спальню, — я все время думаю, что делать.. Вот посмотрите: разве в еде или в одежде проблема?.. Приличная же одежда, и еда как еда... Да нет, что я говорю, — перебивает она сама себя, — какая приличная одежда! Они же ее беречь не умеют, на другой день приличное платье узнать нельзя. А потом, конечно, в театр идти отказываются: не в чем, не хотят выглядеть интернатскими, хуже всех одетыми.

— Но не только еда, одежда... — мучается проклятыми вопросами Лвалентинна, — не только... Вот один умный человек сказал: «У них нет периметра безопасности». Мне это понравилось, это верно. Им в жизни не повезло, не сложилась у них жизнь, как у всех. Значит, надо делать все возможное и невозможное, чтоб эта обида на жизнь хоть чуть-чуть забылась — совсем-то ее не забудешь. Но хоть чем-то компенсировать отсутствие дома, мамы, уюта... Как это сделать?

— Лвалентинна, у меня стержень не пишет.

— Лвалентинна, у меня кто-то пальто взял. Можно вашу куртку, погулять?

— Лвалентинна, а мне на юбку марли не хватило.

— Лвалентинна, а крахмалить где? Негде!

— А вот вы дели Орлову ситец на мантию, а он его выбросил.

— Иду, иду, — спешит учительница...

Мелькали дни: забитые делами будни и ненавистные пустые воскресенья. Ребята устали — на репетициях часто забывали, куда идти и что говорить. Учительница тоже устала, не высыпалась и стала совсем прозрачной.

Наконец последняя, генеральная. Даже мальчишки взволнованы. В бытовке — навалом реквизит: чайник, дорожка, мороженое, леденцы, волшебная палочка фен... По интернату ходят слухи про нашу удивительную «Золушку». Даже старшеклассники заинтересованы. Завтра, завтра, завтра...

Мы с Людмилой Валентиновной идем к троллейбусу. Принцессы из спальни машут нам. Принцы гоняют в футбол. Вдруг у всех оказалось по велосипеду — директор выдал. Восторг, визг. А завтра, завтра, завтра...

— Понимаете, им надоело быть потребителями, — как всегда неожиданно говорит учительница, — а создавать что-то сами они пока не умеют, не готовы к этому... Вот даже спектакль наш еле ползет, трудно их расшевелить. И ведь мы с вами получаем больше удовольствия, чем они, в этом есть какая-то ошибка, так не должно быть. Значит, они и есть потребители, а не производители... Иногда мне кажется: достаточно переделать, например, наш 5-й «Б». И дальше все пойдет. Но как это сделать? Вот была идея объединить группы по принципу семьи, разные возрасты... Хотя, честно говоря, я это плохо представляю... Вообще, группы нужно поменьше, да и всю программу пересмотреть: то, что приемлемо для обычной школы, иногда просто смертельно для интерната.

Утром лил дождь. Так беспросветно, так уныло. Ребята в новых куртках шли по скользким ступенькам Речного вокзала, в порядке вызова стихии не закрывая головы. Шлепали кедами принцы. Принцессы теребили учительницу:

— Как же мы теперь, Лвалентинна?

— А как переодеваться, Лвалентинна?

На пароходе вышли на верхнюю палубу. Серый берег уплывал куда-то в серой сырости. Быстро промокли, спустились вниз. Девчонки прижались к учительнице, стучат зубами.

Доплываем до бухты Радости и, как острят ребята, не испытывая ни малейшей радости, сразу поворачиваем назад. И тут нашу неуемную Лвалентинну осеняет.

— «Золушку» надо показывать здесь, на пароходе! Ну и что, что холодно? А как же на войне? под пулями? в болотах?

Полчаса уговоров (мальчишки забастовали), мытарств с реквизитом по шатким палубам и скользким лестницам. И вот выбрали самую большую каюту...

И... спектакль, по сути, не состоялся.

Когда зрители расселись в тесной каюте и ребята в костюмах вышли на импровизированную сцену с первыми репликами, оказалось, что в шуме машинного отделения ничего не слышно. Пароход мчался на всех парах, и остановиться ради такой ерунды, как наша «Золушка», он, конечно же, не мог. Стучали машины, на сцену то и дело выбегали посторонние, не занятые в спектакле личности и с коротким криком «уй, дурак» скрывались обратно. От скопления народа в мокрой одежде в каюте стало вроде как в бане. Принц, отговорив положенный текст, повернулся ко мне: «Что, уже Москва?» Я протерла окно и сквозь пелену дождя увидела знакомую башню Речного вокзала. Машины сбавили обороты и стихли. Отчетливо прозвучали слова: «Приехали, только не все сразу». Зрители бросились из каюты...

Мы выходили последними. Жеша-Лесничий философски сказал:

— Отчего это — интересно репетировать, готовиться, ждать чего-то, а что потом — уже неинтересно?

— Правильно,— хватило у Лвалентинны сил на воспитательный момент,— процесс часто важнее результата...

«Ну, зачем,— думала я,— зачем, почему? Ведь они же заслужили! И праздник, и солнце, и аплодисменты... Другие дети, ладно, перетерпят, мол, к примеру, не помрут от трех дождливых дней или если в театр не сходят... А для этих... для них все должно быть самое лучшее, даже погода... Все у них должно быть самое-самое лучшее. Если спектакль подготовили — так, чтобы все хлопали и кричали «молодцы», если в театр пошли — пусть одеты будут лучше всех, и места самые прекрасные, и бутерброд в антракте — с черной икрой, а уж сама постановка—не какой-нибудь дошкольный сироп, а что-то настоящее».

Я уже не составляю условие задачи, я ищу решение... В чем же оно, решение проблемы? Вряд ли оно однозначно. При воспитании любого ребенка не обойтись без науки: воспитывая, мы обращаемся к помощи педагогов, психологов, социологов. Научный подход к этим детям особенно необходим. Пусть над их судьбой задумаются психологи — кстати, на психологическом факультете МГУ нет ни одного студента, кто занимался бы проблемой «сирот при живых родителях». Но есть такие, кто хотел бы. Пусть в интернат придут врачи, социологи... Ей, учительнице, нужна помощь. Помощь ученых, архитекторов... Может быть, эксперимент.

Нужна поддержка и наших творческих союзов. В этих ребятах надо всеми силами развивать их художественные способности: многие неплохо рисуют, поют, танцуют, хорошо пишут сочинения, кто-то даже снимался в кино. Но творчество им нужно прежде всего, чтобы они могли излиться, исповедаться, выразиться — тогда обида их станет в какой-то степени объектом сторонним. То есть, если учить их рисованию — то не просто так, а способу самовыражения, если учить петь — то не ради хорошего музыкального слуха, если заниматься литературой — не только ради широкого кругозора. И тогда к ним придет чувство полноценности, может быть, более высшего порядка, чем то, которое дано нормальным домашним детям...

Вопросов, которые надо решить, много. И еда, и одежда, и хорошо бы ставки для воспитателей повыше, и группы поменьше — все, все это важно.

Многое делается. В техническом оснащении интернатов, организации быта, в обеспечении их опытными педагогическими кадрами. Во многих интернатах (всего в стране их 2230) развито трудовое воспитание, вводится углубленное изучение предметов, ребятам дается спортивная подготовка. Увеличивается число школ-интернатов санаторного типа (сейчас таких интернатов 191). Это значит — улучшенное питание, внимательное медицинское наблюдение. В интернатах работает большая армия педагогов — 50 тысяч учителей и 30 тысяч воспитателей (они занимаются только воспитательной работой). В большинстве своем это люди самоотверженные, отдающие ребятам много сил, много заботы, с большим педагогическим опытом (32 тысячи преподавателей имеют свыше десяти лет педагогического стажа). Государство обеспечивает быт и учебу ребят: содержание в интернате каждого ребенка стоит в 10 раз больше, чем та сумма, которую платят родители.

Но нужно еще внимание общественности, усиленное внимание общественности, пристальное внимание общественности!

— Вот о чем я мечтаю, — говорит Людмила Валентиновна. — Видели наше здание: три корпуса соединены коридорами. И все три одинаковые. Будь моя воля, я школьный корпус сделала бы деловым, может, даже казенным, ничего страшного! Корпус с разными подсобными помещениями — веселым, сказочным, с витыми лестницами, разной величины комнатами. А спальный... У вас нет знакомого архитектора? Идемте, я вам все покажу... Вот смотрите... У нас ведь как: один этаж — девочки, другой — мальчики, между ними — какой-нибудь дежурный цербер. А я сделала бы систему квартир... Я прямо вижу... дверь, обитая кожей, и табличка, такая домашняя, с фамилиями ребят, и ящик на двери, зачем ящик — не знаю, но так и вижу — с ящиком. В каждой квартире один класс — здесь, смотрите, комната воспитателя, это спальни девочек, это мальчишек, гостиная с телевизором... Большая квартира, своя, это квартира 5-го «Б», а кто хочет войти, пусть в звонок звонит. И каждому ключи.

— Опять ключи?

— Да! И что?.. Это совсем другие ключи, это ключи от твоего дома, ключи доверия — тебе доверена твоя квартира... И пусть будет телевизор, полки с книгами, торшер... И, наконец, душ. В каждой квартире свой душ — неужели это такая невыполнимая мечта? Помните, я говорила о «периметре безопасности»? Это ведь не только безопасность от хулиганов, это... как бы сказать... Это, наверное, область психологии, но заниматься с этими ребятами, не зная психологии, нельзя, это точно. Вы не знаете хорошего психолога? Мне столько нужно обсудить...

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ДЕТЯМ — ВТОРОЙ ВЫХОДНОЙ

Мы мало видимся с собственными детьми. Не хватает, вечно не хватает времени на их воспитание: родители на работе, дети в школе — остаются короткие встречи вечерами. Плюс воскресенье. Правда, уже давно мы работаем пять дней. Свободна и суббота. Казалось бы, у нас, родителей, прибавилось свободного времени, которое можно уделить воспитанию ребят.

У нас — да, но не у детей. Суббота у наших школьников — рабочий день. Уроки в школе, занятия дома, кружки, секции... Одного дня в неделю для серьезного общения с детьми, для их воспитания мало. **Наше предложение: ввести пятидневку и в школе.**

Понимаем, сделать это непросто. Будут трудности — и организационные, и связанные с напряженностью школьных программ. Но, может быть, тогда, вначале хотя бы, такой эксперимент: в первые пять дней идет изучение нового материала, проверка домашних заданий, частично — закрепление пройденного. Суббота же целиком отводится только для повторения пройденного, то есть, по сути, — это дополнительные занятия. Занятия лишь для тех, кто нечетко усвоил материал, кто по каким-то причинам не успевает.

Много говорится о перегруженности классов, о том, что 30—40 человек не могут одинаково хорошо разобраться в материале. А такая организация школьной недели позволила бы уделить внимание именно тем, кому это особенно необходимо: учеников ведь будет не 40, а значительно меньше. На дополнительные занятия в субботу приходят только те, кто отстает. Посещение для таких учеников (по указанию учителя) — обязательно.

Конечно, мы понимаем, что в семейном внимании, воспитании отстающие ученики нуждаются не меньше, чем успевающие, а может быть, и больше. Но ведь у них появится стимул — «заработать» лишний выходной. Кроме того, дополнительные занятия в субботу можно проводить для разных категорий ребят по одному двум предметам — не обязательно отсиживать всем шесть уроков.

Выигрыш же очевиден — два свободных дня для совместного отдыха родителей и детей, для того общения, которое так необходимо нам и еще больше — нашим детям.

Родители МИЛЬКОВЫ
гор. ПУЩИНО на Оке, Академгородок

НАУЧНЫЙ ВЕС ДИССЕРТАЦИИ

ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему совершенствованию аттестации научных и научно-педагогических кадров».

По просьбе редакции основные положения этого документа комментирует известный советский ученый-энергетик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, академик Н. ДОЛЛЕЖАЛЬ.

— Как вы знаете, «Литературная газета» в последние годы, и в особенности в этом году, много писала об аттестации научных работников, так что читатель довольно хорошо осведомлен о положении дел в этой области. Что вы можете сказать, Николай Антонович, о только что принятом постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР?

— Всем известно, какая роль отводится в наши дни науке. Достаточно вспомнить слова Л. И. Брежнева, произнесенные им на XXIV съезде КПСС: «Прогресс науки и техники — это главный рычаг создания материально-технической базы коммунизма».

Год от года растет в нашей стране число научных работников, обладающих ученой степенью и ученым званием. Это огромный научный потенциал. Положительную роль в его подготовке сыграли Высшая аттестационная комиссия, советы вузов и научно-исследовательских учреждений.

Вместе с тем приходится, к сожалению, признать, что не всегда степени и звания присваиваются по заслугам. Появилось немало диссертаций, лишенных какой бы то ни было научной и практической ценности. Одна из причин этого в том, что ряд советов оказался укомплектованным слабыми, недостаточно квалифицированными специалистами, специалистами не того профиля, по которому защищаются диссертации. В свою очередь ВАК по мере увеличения числа советов в известной мере утратила способность эффективно контролировать их деятельность, ориентировать на выполнение работ по новым, перспективным направлениям стремительно развивающихся науки и техники, вообще снизила свою требовательность. Надо ли говорить, что важны не диссертации сами по себе, важны не «остепененные» научные работники сами по себе. Нужны и важны как работы, представляющие реальный вклад в науку, приносящие реальную пользу практике, так и специалисты, на деле доказавшие свою высокую научную квалификацию.

На устранение названных недостатков и направлено принятое постановление.

— Хочется услышать ваше мнение о преобразовании Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР в Высшую аттестационную комиссию при Совете Министров СССР.

— Такая мера назрела. В тридцатые годы, когда была создана ВАК, ее принадлежность к «образовательному» ведомству была вполне оправданной: наука в то время концентрировалась главным образом в вузах. Однако сейчас положение иное: подавляющее большинство научных учреждений — невузовские. Вне вузовских стен развились, достигли гигантских масштабов такие недущие направления современной науки, как физика высоких энергий, космические исследования, исследования в области лазерной техники и многие другие. Наука превратилась в дело общегосударственное. Ясно, что и подготовкой кадров для нее должен заниматься не министерский, а межотраслевой, общегосударственный орган. Поэтому преобразование ВАК не просто формальная мера (как полагали некоторые, когда возможность такой меры обсуждалась в печати). Она означает увеличение веса и авторитета органа, ведущего аттестацию научных работников, значительное расширение его возможностей.

— Постановлением предусматривается создание специализированных советов, в состав которых должны войти наиболее авторитетные в данной области специалисты. Президиуму Высшей аттестационной комиссии поручено разработать порядок организации и размещения специализированных советов, пересмотреть состав действующих советов по присуждению ученых степеней и, где необходимо, укрепить их. Каких результатов ожидаете вы от этой меры?

— Именно на совете, в открытой дискуссии, всесторонне оценивается диссертация, принимается решение о присуждении соответствующей ученой степени. Но выполнить в полной мере свое назначение совет, разумеется, может лишь при условии, что он компетентен в данном вопросе. Иначе защита диссертации превращается в пустую формальность.

К сожалению, как уже говорилось, не всегда советы составляются из квалифицированных специалистов того профиля, к которому относятся рассматриваемые в совете диссертации. В печати уже приводились многочисленные примеры того, как степени кандидата и доктора юридических наук присваиваются экономистами и медиками, а степени по экономическим наукам — юристами и философами, как работы по физике элементарных частиц оцениваются специалистами в области физики твердого тела, и т. д.

Предусматриваемое постановлением создание специализированных советов, пересмотр состава ныне действующих, укрепление слабых советов, безусловно будут содействовать повышению качества диссертационных работ, содействовать тому, чтобы степени кандидатов и докторов наук присуждались лишь достойным. Возможно, общее число советов при этом несколько сократится, но, надо надеяться, функционировать они станут лучше.

— Большое внимание в постановлении уделяется планированию подготовки научных и научно-педагогических кадров. Высшая аттестационная комиссия должна осуществлять такое планирование совместно с Госпланом СССР, Госкомитетом по науке и технике, Академией наук СССР, Министерством высшего и среднего специального образования СССР. Каково, на ваш взгляд, значение такого планирования?

— В нашей стране, как известно, плановое хозяйство, причем планированием охватывается и научная деятельность. Тем более нельзя было мириться с таким положением, когда планирование подготовки научных кадров высшей квалификации не учитывало в должной мере потребностей страны. Не секрет, что иногда выбор темы для диссертации и даже области исследования определяется такими приходящими факторами, как мода, необходимость выполнения работы в строго ограниченный срок или попросту существование нетребовательного совета по присуждению ученых степеней. При этом реальные потребности развивающейся науки, народного хозяйства отодвигаются, понятно, на второй план. В одной области создается перепроизводство специалистов, в другой ощущается их нехватка.

Планирование подготовки научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации — мера необходимая, хотя вместе с тем и весьма деликатная, как всякое планирование в науке. Осуществляя его, нельзя исходить только из потребностей. Этого недостаточно. Намечая развитие тех или иных научных направлений (и соответственно предусматривая число специалистов, которые его осуществляли бы), необходимо также учитывать исторические традиции нашей науки, существование сильных научных школ в каких-то областях и отсутствие таких школ в других, «конъюнктуру», сложившуюся в данный момент в мировой науке (возможность прорыва на каком-то из участков научного фронта и т. д.), вообще имманентные законы научного развития. То обстоятельство, что в деле планирования подготовки научных кадров должна возрасти роль Академии наук СССР, служит, на мой взгляд, дополнительной гарантией того, что такое планирование будет осуществляться должным образом.

— Николай Антонович, в принятом постановлении говорится о необходимости установить незыблемое правило, чтобы к защите принимались только такие диссертационные работы, которые имеют научную и практическую ценность. Но ведь высокое качество работ требовалось и раньше...

— Я рассматриваю это не только как напоминание о том, какие требования должны предъявляться к диссертациям, но и как повышение этих требований. К сожалению, в потоке исследований, ведущихся в нашей стране, попадаются бесплодные островки, на которых невозможно вырастить никакого полезного урожая. Встречаются работы, которые выглядят «совсем, как наука», — в них есть порой и довольно сложный математический аппарат, и обстоятельный обзор литературы, и масса графиков чуть ли не на все случаи жизни. Все есть... кроме той «золотинки», ради которой только и стоило затевать годы. То ли сырье оказалось не рудой, а пустой породой, то ли сил и желания у исследователя не хватило...

При этом можно услышать такой разговор. «Да, диссертация, конечно, не ахти какая, пользы от нее немного, но соискатель — грамотный человек. Так что, пожалуй, можно дать ему степень». Такая «доброта» оборачивается злом для науки, для всего общества, в ней таятся ростки возможного обмана, злоупотреблений. Ведь нужна не только грамотность (даже если трактовать это слово очень широко), чтобы стать кандидатом и тем более доктором наук.

— В постановлении говорится о необходимости создания при защите диссертации обстановки плодотворной, творческой дискуссии, высокой требовательности, принципиальности и соблюдения научной этики. По-видимому, такая обстановка значительно уменьшит число тех «бесплодных островков» в науке, о которых вы упоминали?

— Это очень существенное положение. Как мы знаем, нередки случаи, когда защита диссертации проходит вяло, формально. Некоторые оправдывают такую ситуацию тем, что, мол, все заинтересованные и понимающие работу люди узнают ее слабости и достоинства задолго до защиты, которая потому и вырождается в ненужную формальность. На мой взгляд, этого не должно быть. Во-первых, на заключительной апробации работы всегда собирается более представительный состав специалистов, чем на любом предварительном обсуждении. Во-вторых, на защите часто присутствуют представители других научных школ, направлений. В такой обстановке может возникнуть плодотворная дискуссия, способствующая выяснению каких-то спорных вопросов, намечающая пути дальнейших исследований. Целью защиты диссертации должно быть не только присуждение степени, но в первую очередь всестороннее обсуждение крупного многолетнего исследования, лежащего в основе этой диссертации. Если о работе не ведется серьезного разговора — это неуважение к ней и лазейка для протаскивания слабых ученых.

В наше время, когда прогресс и благосостояние общества в значительной мере зависят от достижений научно-технической революции, в науку должны идти самые талантливые, самые трудолюбивые, самые честные. Это не значит, что люди таких качеств в меньшей степени нужны на других поприщах. Нет, они нужны всюду. Но в науке они нужны особенно, как нужны лучшие солдаты на самом опасном, тяжелом и решающем участке фронта. Звание советского ученого ко многому обязывает.

ЕСЛИ БЫ ДИРЕКТОРОМ БЫЛ Я...

РУБРИКА РАЗДВИГАЕТ ГРАНИЦЫ

Рубрика «Если бы директором был я...» заметно увеличила редакционную почту. Читатели активно поддержали ее; их не смутила редакционная оговорка о том, что под этой рубрикой публикуются письма, полные «соблазнительных и увлекательных идей, которые, однако, чуть-чуть опережают время, а иногда и возможности общества».

Уже опубликовано немало писем с предложениями, иногда спорными... Они будят творческую активность и убедительно подтверждают мысль о том особом значении, которое приобретает еще более широкое вовлечение трудящихся в активную управленческую деятельность, более полное использование в этом деле их опыта и знаний.

Охотно откликаясь на предложение читателей «расширить» рубрику, посвящаем ей сегодня целую страницу.

ВЫБЕРИ СОСЕДА!

«НЕТ ГОРОДА в мире, который бы больше отучал от людей и больше приучал бы к одиночеству, как Лондон», — это написал Герцен в середине прошлого века. Столетие спустя «монополию» Лондона стали оспаривать многие крупные зарубежные города. Исследования, посвященные жизни семей в таких городах, свидетельствуют о растущей изолированности людей, об их одиночестве. Вот несколько характерных ответов, полученных недавно английскими социологами: «Мы живем, как семидесятилетние старики, никогда никого не видим», «Мы чувствуем себя изолированно в этом районе», «Мой муж не любит выходить по вечерам, и мы всегда сидим дома...». Впрочем, некоторые западные отнюдь не жалуются, считая разобщенность, разреженность людей явлением неизбежным: дескать, такова городская жизнь...

Действительно, города неудержимо растут, растет интенсивность жизни, а также связанные с ней физические и психические перегрузки. И уменьшаются возможности для контактов. Но то, что буржуазный строй принимает как неизбежное, советский — считает явлением, с которым социалистическое государство может и должно бороться.

Явление это стало на повестку дня нашей жизни в последние десятилетия, как это ни странно. Благодаря энергичному решению жилищной проблемы. Раньше, когда большинство ютилось в коммунальных квартирах, заботы были совсем иные. А теперь, когда многие семьи поселились в отдельных квартирах, возможности для тесных контактов между людьми существенно ограничились. Из Черемушек, например, или из Ленина-Данного в центр надо добираться больше часа.

Для того чтобы в большом городе свершились дружеские контакты, надо либо переселяться поближе к друзьям, обменивая квартиры (что весьма сложно), либо начать новых друзей и завязывать контакты с соседями. Впрочем, есть и третий путь, не очень легкий, не совсем обычный, но реальный. Словом, очень подходящий для рубрики «Если бы директором был я...».

Раньше с соседством был связан ряд важных для человека социальных функций: взаимопомощь, социальный контроль, обмен информацией, воспитание детей и т. п. Сохранились ли эти функции сегодня? Если нет, то невольно возникает вопрос: тогда нужны ли нам соседи? Да и надо ли вообще с ними общаться?

Те, кто еще пока живет в неблагополучной коммунальной квартире, поспешит ответить: «Не желаю знать соседей — видеть и слышать их». Сколько трагикомических историй связано с такими коммунальными квартирами! Но речь сейчас не о соседях по уходящей в прошлое коммунальной квартире, а о тех, кто живет рядом в новых благоустроенных домах, в новых районах. В этих условиях возникают совсем другие проблемы соседства.

В ПРОШЛОМ ГОДУ мы провели исследование в одном из новых районов Юго-Запада Москвы. Изучался образ жизни семей, живущих в отдельных квартирах и состоящих только из супругов с детьми. В том числе — и контакты семей с родственниками, друзьями, соседями. Как выяснилось, одна из важнейших функций нашего советского соседства сохранилась и в больших городах. Это повседневная взаимопомощь.

В самом деле, если вам нужно обсудить волнующие проблемы, а друзей рядом нет, то в крайнем случае можно поговорить с ними по телефону. Не вот вы заболели, и купить лекарство или продукты некому. Или не на кого оставить маленького ребенка, чтобы сбегать в аптеку... Да мало ли случаев, когда нужна подобная «экономкутная» помощь! Кто может ее оказать, если друзья и родственники далеко, работают или заняты в этот момент делами? Соседи! Не не просто соседи, а те из них, с кем вас связывают дружеские отношения. За взаимопомощью и совместную общественную деятельность в своем микрорайоне высказалось три четверти процентов опрошенных. (Нашлись, правда, и категорические противники, но их немного — всего семь процентов.)

И действительно, как показало исследование, около пятидесяти процентов фактически не имеют никаких контактов с соседями, а некоторые даже не знакомы с ними...

Существуют разные уровни соседских отношений. Социологам удалось измерить их.

Берут взаймы деньги и предметы домашнего обихода у соседей на своем этаже 55,6 процента опрошенных, в своем подъезде — 33,4 процента. Подобные отношения редко перерастают в более близкие. Обычно при таких контактах почти никогда не беседуют о личных и производственных делах. Подобного типа соседские отношения в крупных городах пока преобладают.

При более высоком уровне соседских отношений люди обмениваются новостями, ходят друг к другу в гости. Это уже почти друзья. Как выяснилось, около 20 процентов опрошенных имеют друзей среди соседей.

Каждый день или через день с другом-соседом видятся 52,2 процента опрошенных, а с другом, с которым связывают, например, общие интересы, но живущим на значительном расстоянии, встречаются 28,1 процента. А в случае болезни помощь от друзей-соседей получают 40 процентов, от родственников же или коллег — только 22 процента.

Но для столь плодотворных дружеских отношений с соседями, помимо психологической настроенности и природной общительности, нужны все-таки и некоторые условия. Даже для того, чтобы оказывать друг другу мелкие услуги, люди должны быть как минимум знакомы. Но где, на какой почве возникнуть знакомству? В большом многоэтажном доме, как показывают исследования, возможностей для этого меньше, чем в маленьком поселке...

Возникновение соседских связей зависит даже от архитектуры — от того, как расположены квартиры. В многоэтажных домах, где нет замкнутых дворов, например, контакты с соседями возникают реже, чем в домах малоэтажных или имеющих дворы.

Чем более высок уровень общения, тем больше взыскательность при выборе из круга знакомых соседей. Выбирают тех, кто близок по интересам, потребностям, образу жизни. При хаотичном заселении новых районов такой выбор, естественно, затруднен. Более того, в самых серьезных жизненных ситуациях человек далеко не всегда обращается к тем, кто живет на одной лестничной площадке. Среди соседей, помогавших жителям во время болезни, 50 процентов были, как выяснилось, из других подъездов и лишь 36,5 процента оказались соседями по этажу. Если же говорить о помощи в воспитании детей, это различие также значительно: 41,7 процента и 27 процентов.

Что же способствует близким отношениям между соседями? Оказалось, что в основном дружат с теми, у кого дети — ровесники (85 процентов) и у кого такой же образовательный уровень (80 процентов). Оба эти условия активнее всего определяют сходство образа жизни. Меньше значит служебное положение. С соседями одинакового служебного положения дружат лишь 56 процентов опрошенных. Что касается профессиональной принадлежности, то она тоже имеет определенное, хотя и не решающее значение. Пожалуй, большую роль играет сходство моральных оценок и эстетических вкусов — одинаковый культурный уровень.

Так вот — и это самое главное, —может быть, есть смысл учитывать все это перед заселением нового микрорайона?

...Одно время некоторые архитекторы и градостроители Англии, планируя новые кварталы и города, стремились создать условия для общения жителей разных социальных групп. Считалось, что «микрорайоны смешанного состава будут способствовать сближению разных социальных групп, взаимному проникновению культур, выравниванию или лучше иметь рядом резные социальные группы?»: «Лучше жить со своими — буржуа слишком заносчивы», — отвечали рабочие. «Дети будут усваивать грубые привычки рабочих, а молодежь — вкусы буржуа, а нам это не по карману», — заявляли служащие...

Особенности человеческого взаимодействия в нашем обществе могут многое сказать в пользу социалистического образа жизни. Исследование подтвердило ту мысль, что культурный уровень, потребности и интересы советских людей далеко не всегда связаны с социально-классовой принадлежностью. Не социально-профессиональные особенности, а социальная ориентация людей определяет их способ жизни. Именно поэтому мы в состоянии создать такие условия, чтобы соседям можно было общаться на почве обоюдных интересов, увлечений, кооперативных форм организации воспитания детей, благоустройства быта и т. д. Для формирования такой общности интересов и благоприятного социального климата нужны различные клубы, любительские объединения по месту жительства, где люди смогут знакомиться, а в дальнейшем взаимодействовать и кооперироваться в разных сферах. Энтузиастов, готовых взяться за создание таких клубов и объединений и участвовать в них, как показал опрос, предостаточно: треть опрошенных!

Решению этой проблемы часто мешает недостаток необходимой материальной базы, и прежде всего помещений. Архитекторы уже разработали проекты жилых домов и микрорайонов с комплексным бытовым и культурным обслуживанием и рядом помещений специально для любительских занятий и других форм соседского общения. Подобный опытный микрорайон уже заложен в Чертанове.

ИТАК, необходимы условия, благоприятствующие общению. Но есть и другая сторона проблемы — искусственный подбор людей, которым предстоит быть соседями. Сейчас этого не делается. Пока соседей на всю жизнь или на годы сводит какой-нибудь переписчик, секретарь, инспектор, не видевший будущих новоселов, — господствует случай. Иногда он оказывается счастливым, иногда — нет. Тут имеет значение не один, а много разных факторов.

Ну, казалось бы, чем плох ведомственный дом, в который вселяются работники одного учреждения? Чем-то интимные отношения становятся помехой служебным, ссора жильцов разрастается в ссору сотрудников... Но в то же время соседство людей, имеющих мало общего и нередко раздражающих друг друга из-за отсутствия взаимопонимания, тоже плохо.

Что же хорошо? На этот вопрос должны ответить социологические исследования.

«Если бы директором была я», то очередникам до вселения в новый дом предложила бы специальную социологическую анкету и выяснила бы их интересы и потребности в сфере быта и досуга, предпочтительность соседства с людьми определенного возраста, семейного положения, круга интересов и т. п. А потом попросила бы своих коллег-социологов разработать систему оптимальных сочетаний различных типов семей — по их стилю жизни и потребностям. Узнала бы, кто хочет жить рядом с родственниками или друзьями.

Некоторые возможности, думается, уже есть у сегодняшних кооперативов. Почему, скажем, не поселить в один дом с подземными гаражами автолюбителей, отделив их от убежденных противников индивидуальных «Жигулей»? В другой дом — любителей музыки?

Сейчас разрабатываются долгосрочные планы социального развития городов и районов. Видимо, уже сегодня время подумать о создании благоприятного климата в новых домах и микрорайонах. Первоочередной задачей остается, конечно, строительство благоустроенного жилья. Но нельзя забывать и о потребностях людей общаться и о их желании иметь благожелательных, отзывчивых, интересных соседей. Недаром старинная восточная поговорка гласит: «Прежде, чем строить дом, выбери соседа».

Ирина РОДЗИНСКАЯ,
научный сотрудник Института социологических исследований АН СССР, кандидат исторических наук

ОТХОДЫ — В ДОХОДЫ!

Хорошо бы в каждом городском дворе вместо одного ящика для мусора установить еще по одному ящику:

— для металлолома,

— для битого стекла и

— для бумажной макулатуры.

Это было бы выгодно не только государству, но и каждому дворнику, так как стоимость сданной макулатуры, металлолома и стекла шла бы дополнительно к его зарплате.

Г. ВАЗЕКИН
УФА

ХОЗЯИНА — ТАКСОФОНУ?

Развешанные повсюду телефоны-автоматы часто выглядят сиротами. Они находятся на «чужой» территории, а хозяин их — телефонный узел — филиал.

Будь я председателем горсовета, обязал бы руководство учреждений и ЖЭКи, у зданий которых установлены телефоны-автоматы, нести ответственность за их нормальную работу. Вменить в обязанность дважды в сутки (утром и в конце рабочего дня) звонить в городское управление связи — сообщать о состоянии аппарата. Два звонка в сутки не обременят даже самое занятое учреждение, но зато значительно улучшат работу телефонов-автоматов.

По моим наблюдениям, в настоящее время три из пяти автоматов, как правило, не работают.

В. ВЛАДИМИРОВ
ДНЕПРОПЕТРОВСК

ЧЕТ—НЕЧЕТ

Будь директором я, то в часы пик на самых загруженных автобусных маршрутах, особенно между новыми районами и станциями метро, пустил бы «четные» и «нечетные» автобусы. Машины «четные» и «нечетные» останавливались бы только на соответствующих четных и нечетных остановках. Ввел бы и «нулевую» остановку — для всех машин. «Нулевые» расположил бы около станций метро, крупных предприятий, на пересечениях магистральных улиц, на площадях — словом, где пассажиров больше всего.

Такая система остановок, на мой взгляд, значительно сократит время посадки и, следовательно, при том же числе автобусов позволит перевезти больше пассажиров.

В. ГОРДАСНИКОВ,
кандидат геолого-минералогических наук
МОСКВА

ПРОХОДНОЙ БАЛЛ САНИТАРКИ

Я разрешила бы проблему дефицита кадров санитарок так:

Лиц, проработавших санитарками (санитарами) в больницах два года и зарекомендовавших себя там с лучшей стороны, принимала бы в медицинские вузы вне конкурса.

Таков новшество помогало бы молодым людям заранее понять, годятся ли они к работе на нелегком медицинском поприще.

P. S. И еще одно: не лучше ли изменить название «санитарка» на «помощницу медсестры»? Для девушек это важно!

М. МЛОДИК,
врач
ЛЕНИНГРАД

ПОСЛЕДНЯЯ ЭЛЕКТРИЧКА — КОРОТКАЯ?

Вы заметили: поздно вечером пригородные электропоезда идут совсем пустые?

А нельзя ли сделать так, чтобы в это время на линию выходили составы, скажем, из трех-четырех вагонов? Думаю, что это даст существенную экономию электроэнергии. И увеличится срок эксплуатации вагонов, которые гремят впустую. Вдобавок электрички станут тише.

В. ГОНИН
РАМЕНСКОЕ

ОЗВУЧЕНИЕ МОРЕЙ, ИЛИ В МИРЕ СМЕЛЫХ ГИПОТЕЗ

(ИМЕНИТЫЙ ПИСАТЕЛЬ ЗНАКОМИТСЯ С ПОЧТОЙ РУБРИКИ «ЕСЛИ БЫ ДИРЕКТОРОМ БЫЛ Я...»)

Не могу во всей полноте сформулировать охватившую меня радость, когда по телефону узнал, что редакция допустила меня к чтению некоторых писем, полученных рубрикой «Если бы директором был я...». Будто окунулся я в море газетовости...

Претендентка на роль директора Т. из города Т. (вы, конечно, догадываетесь, что здесь и дальше имя, отчество, фамилия, пол и место жительства изменены до неузнаваемости) пишет: «Если бы директором была я, то ввела бы налог на каждый квадратный сантиметр татуировки, которой любят себя украшать разные бабники. Хоть и хорошее предложение. Но не продумано до конца и во всех мыслимых деталях. Нельзя же обкладывать налогом татуировку «Не забуду мать родную» — ведут высокого морального уровня этого лозунга. А русалок, если они на спине, обкладывать или нет? Ведь на спине — это значит, что татуированный вставляет в прошлом свои религиозные и идеологические заблуждения. А его за это — налогом? А как поступать, если на груди (да и хотя бы на спине) вытатуированы цитаты любимого химкомбината? Обкладывать или сделать поблажку по производственным мотивам?

Женщины все больше удивляют по налогам. Еще один вариант налогообложения придумала директорша Р.: «Надо обложить налогом в размере 10 процентов зарплаты каждого мужчины, и через бухгалтерию распределять его среди женщин». Вот она, непродуманность, во всей ее неприглядной краге! Ведь если этот налог утвердят, то женщины ринутся на мужские работы — в сталевары, шахтеры, моряки. Представляете — одна женщина и десять моряков. При их зарплате 10 процентов с десятерых — это не его-го сколько! Как раз заработок моряка. А главное — все справедливо, ни-какого вымогательства. Расписался в ведомости — и иди в магазин удовлетворять свои продуктовые и культурно-бытовые надобности.

Директор В. из города В. заставил меня вспомнить годы юности, когда и я был не чужд идей и даже мыслей. Он пишет: «Если бы я был директором какого-либо приморского пансионата, то поместил бы в море скрытый источник музыки (технически это нетрудно). Представьте теперь себя отдыхающим в моем пансионате. Вы выходите ранним утром к берегу (шесть утра, ласковое солнце, ослепительное море...), и пляж вас встречает «Одой радости» или еще каким-либо музыкальным произведением. Насколько возрастет КПД отдыха в моем пансионате!»

Ишь ты, пострел какой, директор В.! Разом превзошел все недостатки, изредка еще встречающиеся в системе отдыха. И палаты на пятерых ему мипочем, и повышенный процент наполнителя (проще говоря — хлеба) в котлетах не в счет, и репертуар затейников полностью удовлетворяет культзапросы гражданина В. Пустяки все это. Вынь ему да положь озвученное море. И сразу будет окончательно решена проблема отдыхоустройства трудящихся.

Мужчины, те, правда, без налогов директорствуют. Но тоже идут по линии суровых мероприятий. Так, Н. из города Н. требует запретить чтение газет и книг в общественном транспорте и таким манером намеревается освободить дополнительную площадь для лиц, которые будто бы не умещаются в салонах автобусов и троллейбусов. По пути всемерного привлечения общественности и решению животрепещущих проблем далеко продвинулся вперед Ш. из города Ш. Он удумал прекратить производство квартирных электросчетчиков (какая виномния!), а сумму оплаты устанавливать на ежемесячных конференциях жителей каждого квартала. По части внедрения научных достижений всех перещеголял М. из города М. Он замыслил расположить по всей стране сильные электромагниты, которые направляли бы караваны птиц на зимовку не в Африку, а в наши среднеазиатские республики, где на этих птиц можно было бы охотиться (!) в любое время года.

Не за страх, а за совесть сочиняют некоторые граждане директора сери нетленные проекты. Один другого сезоннее! Бережно перелистываю эти драгоценные реликвии мятежного директорского духа, подспудно томившегося в благоустроенных квартирах крупнопанельных и крупноблочных домов до того славостного мига, когда «ЛГ» решилась открыть рубрику «Если бы директором был я...». И не могу отделаться от желания перефразировать известную поговорку (помните: «Для каждого сезона — свой Сазонов»?) и открыто сказать: не связывайтесь в конкуренцию со мною. Не родился еще Сазонов сезоннее Сазонова.

Евг. САЗОНОВ,
ер. и. о. директоравда

МИНИСТР ОТВЕЧАЕТ ЧИТАТЕЛЯМ

«СИЛЬНЕЕ «СУХОГО ЗАКОНА»

Многие читатели не подозревают, что их письма в «Литературную газету» опубликованы... Не в газете — в бюллетене, который редакция время от времени издает малым, совсем малым тиражом: экземпляров десять — пятнадцать. Эти бюллетени составлены из писем, полученных после опубликования иной-либо статьи, которая вызвала особую читательскую активность. Рассылается бюллетень министерствам, государственным комитетам, а также комитету народного контроля, ведомствам, для того чтобы они ознакомились с мнением наших читателей, высказали свои соображения об их предложениях и советах. Нередко статьи «ЛГ» и отклики на них, собранные в бюллетене, одновременно обсуждаются на заседаниях коллегий министерств.

Редакция издала и письма, которые вызвали статьи, опубликованные в № 28 «Литературной газеты» под общим заголовком «Сильнее «сухого закона» и посвященные проблемам усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом.

В письмах, в частности, содержались критические замечания о работе магазинов, предприятий общественного питания, сообщалось об отдельных нарушениях известных постановлении. Редакция направила бюллетень с откликами ряду министерств и ведомств, в том числе Министерству торговли СССР.

Сегодня мы публикуем ответ министра торговли СССР А. И. Струева.

МИНИСТЕРСТВО торговли СССР рассмотрело предложения читателей «Литературной газеты», полученные редакцией по материалам, опубликованным на полосе «Сильнее «сухого закона», и сообщает следующее.

Во исполнение известного постановления Совета Министров СССР об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом Минторгом СССР издан приказ, обязывающий торговые организации на местах навести должный порядок в торговле алкогольными напитками, утверждены новые правила продажи этих напитков. Местные Советы депутатов трудящихся совместно с торговыми организациями пересмотрели дислокацию, сократили количество предприятий торговли и общественного питания, осуществляющих продажу алкогольных напитков. Запрещена торговля ими в мелкорозничной торговой сети, столовых, буфетах и специализированных продовольственных магазинах.

Продажа водки и других алкогольных напитков крепостью 30 градусов и выше осуществляется повсеместно с 11 часов до 19 часов и только с письменного разрешения исполкомов местных Советов депутатов трудящихся. Введены также ограничения на продажу виноградных и плодово-ягодных вин.

В ряде республик, областей, городов местными советскими органами запрещена продажа крепких алкогольных напитков в воскресные и праздничные дни.

Одновременно осуществляются мероприятия по расширению сети предприятий торговли и общественного питания по продаже пива, кваса, соков и других безалкогольных напитков.

Как видно из поступивших в редакцию «Литературной газеты» писем, указанные мероприятие по упорядочению торговой сети и сокращению времени продажи алкогольных напитков поддерживаются населением.

Однако, несмотря на принимаемые меры, в ряде мест еще допускаются серьезные нарушение торговли алкогольными напитками. Министерство торговли СССР, министерства союзных республик и госторгинспекции систематически проводят проверки состояния торговли алкогольными напитками. По результатам проверок принимаются меры для устранения выявленных нарушений правил торговли алкогольными напитками; лица, допустившие нарушения этих правил, строго наказываются.

Авторы многих писем считают, что торговые работники заинтересованы в увеличении продажи спиртных напитков, так как за перевыполнение плана получают премии. Это не совсем правильно. В соответствии с действующими условиями оплаты труде при оценке выполнения плана товарооборота для премирования руководящих, инженерно-технических работников и других специалистов и служащих предприятий розничной торговли и общественного питания, от которых зависит объем реализации крепких алкогольных напитков, из плана товарооборота исключаются плановые суммы реализации водки, а из фактических данных о товарообороте — суммы выручки от ее продажи.

Что касается предложений читателей газеты о введении «сухого закона», ограничении реализации спиртных напитков, нормировании и распределении их, продаже по карточкам, повышении цен на водку и вина, то это не может решаться торговлей, требуются соответствующие законодательные акты. Как нам представляется, такие меры и не могут решить проблемы искоренения пьянства и алкоголизма. Могут лишь привести к спекуляции спиртными напитками, самогоноварению и другим нарушениям.

Поэтому наряду с усилением применения действующих ныне мер административного и общественного воздействия против пьянства и алкоголизма и улучшением культуры торговли спиртными напитками искоренение этого зла должно идти по линии максимального увеличение производства виноградных и плодово-ягодных столовых вин и привития населению вкусе к этим легким напиткам, а также расширения выпуске пива, соков и других безалкогольных напитков. К сожалению, пищевая промышленность еще недостаточно выпускает этих напитков, заявки торговли на выработку и поставку их для продажи из года в год принимаются далеко не в полных объемах, какие требует торговля.

В настоящее время, например, промышленность выпускает всего лишь 32 миллиона декалитров столовых вин, что составляет 8,3 процента я общем объеме производства виноградных и плодово-ягодных вин — при заявке Минторга СССР в 75—80 миллионов декалитров. В продаже практически отсутствуют полусладкие, полусухие столовые виноградные вина и сидр. Потребность в пиве, особенно в летний период, удовлетворяется примерно на 50—60 процентов.

А. СТРУЕВ,
министр торговли СССР

ДИКОСТЬ

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

Александр БОРИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

СОВЕРШЕНО ТЯГЧАЙШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ. КАЖДЫЙ ТАКОЙ СЛУЧАЙ, КАК БЫ РЕДОК И ИСКЛЮЧИТЕЛЕН ОН НИ БЫЛ, ТРЕБУЕТ ТЩАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ВСЕХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И НРАВСТВЕННЫХ МОТИВОВ. И ПИСАТЕЛЬ ВЫЕХАЛ В КОМАНДИРОВКУ...

КОГДА-ТО, до революции, город этот назывался Каинском. 4321 житель, пять кабаков, десять публичных домов. И библиотека — триста книг на сорок читателей.

Сегодня город Куйбышев Новосибирской области — крупный, быстро растущий промышленный центр. Население — сорок пять тысяч человек. Политехнический техникум, педагогическое и медицинское училища, одиннадцать клубов, Дворец культуры. Постоянно гастролируют театры из Москвы, Ленинграда, Новосибирска. Сибирский народный хор показал свою новую программу перед поездкой во Францию. Прошлым летом открылась первая городская выставка цветов. Георгины, астры, тюльпаны, редкие черные гладиолусы. Из сорока пяти тысяч жителей выставку посетили тридцать тысяч. В книге отзывов писали: «Не верится, что все это может вырасти в Сибири, там, где прежде росли одни ели с медведями между ними».

В городе 650 личных автомобилей, 5500 мотоциклов (мотоцикл — на каждые восемь душ населения, считая грудных младенцев).

16 ноября 1973 года здесь, в городе Куйбышеве, убили учительницу географии четвертой средней школы Надежду Ивановну Варлакову. В одиннадцатом часу вечера, в двух шагах от дома, выстрелом из обреза. Совершено было дикое, страшное, неожиданное преступление. И непонятное. Необъяснимое. Необъяснимость этого преступления потрясла жителей города не меньше, чем само случившееся.

ВАКОРИН И ДРУГИЕ

В этот день Варлакова задержалась на собрании. Муж пошел к школе ее встречать. Вместе они возвращались домой. У спуска к калитке он сказал: «Осторожно, Надя, здесь скользко. Я пройду первым». Стал спускаться. И тут кто-то отделился от забора и выстрелил Надежде Ивановне в затылок.

Муж закричал, бросился стучать к соседке, звонить в «Скорую помощь». Приехал врач. Но было уже поздно. Не приходя в сознание, Надежда Ивановна скончалась.

Утром о случившемся знал весь город.

А к вечеру того же дня мужа покойной, Василия Ивановича Вакорина, арестовали.

Это вызвало в городе не изумление — гнев. К прокурору явились возмущенные учителя четвертой школы, сослуживцы Надежды Ивановны. «Что вы делаете? Хватаете невиновного, чтобы настоящего убийцу не искать? Позор! Да если б вы знали, какая это была идеальная, примерная семья!» Явились сотрудники городского торга, где Вакорин работал мастером по строительству: «Человек в безумном горе, а вы его добиваете чудовищным подозрением. Стыдно!». Вся улица собралась коллективно писать в прокуратуру: «Немедленно отпустите Василия Ивановича на похороны его любимой жены».

По городу, правда, скоро прошел слух. Оказывается, у Вакорина была женщина, маляр Галина Далевич, работала у него в подчинении. Связь эта длилась уже несколько лет.

Многие слуху просто не поверили. Теперь, после всего случившегося, не то еще пойдут чесать языки. Другие допускали: ну хорошо, женщина. В жизни всякое бывает. Но что это объясняет? Если б Вакорин захотел расстаться с Надеждой Ивановной, развелся бы, и только. Убивать-то для этого зачем?

Зачем убивать?

ИЗ ПОКАЗАНИЙ Г. Г. МАТВЕЕВА, ПЛЕМЯННИКА В. И. ВАКОРИНА. В апреле 1973 года дядя Вася достал мне болотные сапоги. Я за ними приехал к нему на работу. Мы выпили, закусили. Дядя Вася стал жаловаться на свою жизнь с Надеждой Ивановной. Мол, ставит об этом в известность меня, первого из родственников. Я предложил: «Разведитесь». Он сказал, что развестись не может, надо от нее избавиться. Я спросил: «Как?» Он ответил: «Ножом или стрельнуть». И поинтересовался, не возьмусь ли я за это дело. Я отказался и посоветовал поговорить с моим приятелем Володькой Монастырских...

ИЗ ПОКАЗАНИЙ В. А. МОНАСТЫРСКИХ. Гена Матвеев сказал, что нас приглашает его дядя, Василий Иванович Вакорин. Мы приехали. В кабинете у Вакорина стояла водка, закуска. Мы выпили. Василий Иванович стал плакать и говорить, как плохо он живет со своей женой. Жену его я почти не знал. Видел, может быть, раз или два. Вакорин спросил, не совершу ли я ее убийство. Сказал, что это можно сделать просто: подкараулить или прямо на дому, выстрелить через окно. Он обещал заплатить, сколько я попрошу, а главное — купить мне мотоцикл... Так постепенно за выпивкой мы втроем и договорились об убийстве его жены. Уходя, я попросил у Вакорина десять рублей на водку. В магазине взял две бутылки, и в сквере за углом, мы с Матвеевым их распили...

ИЗ ПОКАЗАНИЙ В. И. ВАКОРИНА. Я уговорил Монастырских убить мою жену...

О Вакорине пойдет главный разговор. А кто эти двое?

Матвееву — тридцать два года. Штукатур Барабинской ГРЭС. Окончил восемь классов. В школьной характеристике записано: «Любимых предметов не имел». В производственной — сказано: «Особых замечаний по работе не было». Люди, близко его знавшие, отмечают: груб, угрюм, деспот. Отпетый пьяница.

Монастырских — тридцать четыре года. Окончил десять классов. Когда трезв — молчалив, вежлив, рассудителен и спокоен. Замкнут. Со вкусом одевается. Электрослесарь Барабинской ГРЭС. «Имеет способности к слесарному делу, внес три рационализаторских предложения» (из характеристики). В 1969 году продал мотоцикл — надо было покрыть недостачу, допущенную его женой, заведующей винным магазином «Ручеек». Продажу мотоцикла сильно переживал. В семье начались разлады, пьянки. В 1971 году был осужден на два года лишения свободы за злостное хулиганство в пьяном виде. По возвращении из заключения пьянки продолжались. По нескольку дней не приходил домой, ночевал у Матвеева. Общее собрание цеха вынесло решение: «Так как Монастырских заверил, что изменит свое поведение, ограничиться предупреждением».

...Нет, видно, не ошиблось следствие, арестовав Вакорина и его сообщников. Заступникам Вакорина прокрутили магнитофонную пленку с показаниями, заступники замолчали и развели руками.

Но мучительное недоумение не рассеивалось. Вопрос оставался: зачем? Зачем понадобилось Вакорину убивать жену? Может, с ума сошел?

ИЗ АКТА СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ. Сознание ясное. Бредовых идей не высказывает. Мышление логичное. Эмоционально-волевая сфера не изменена. Находясь в отделении, читает, играет в настольные игры. Ест и спит хорошо. Заметно беспокоится о собственной судьбе. Вменяем.

Вменяем. Предстояло, значит, искать другие причины.

Раз такое произошло, раз такое могло произойти, предстояло понять, почему произошло. Понять Вакорина.

Жуткая работа. Но неизбежная. Непонятые преступления чаще других таятся и повторяются.

ВАКОРИНУ — пятьдесят четыре года. Маленький, седой, очень подвижный. Часа спокойно не посидит. На языке без конца шутки, прибаутки, побасенки. Не разберешь, когда балагурит, когда говорит всерьез. С женщинами игривый и обходительный. Улыбнется, погладит ручку.

Злой? Злым его никто никогда не видел. Ни разу. За всю жизнь ни одного бранного слова. Пьяным тоже почти не встречали. Если в кои веки выпьет, весь скрючится, сожмется, идет ниже травы, тише воды.

О Вакорине все твердо знали: безвредный. Безобиднее, безвреднее человека в городе не было. Мухи не обидит.

Подчиненные не упомнят случая, чтобы Вакорин повысил голос. Только добром, только лаской, только по-хорошему. «Миша, Ваня, Гриша, ребяточки, сделайте». «На собраниях и совещаниях с критическими замечаниями не выступал, нарушителей дисциплины покрывал» (из производственной характеристики).

Мнения своего Вакорин никогда не высказывал. Ни при каких обстоятельствах.

Но был навязчивый. Это отмечает каждый, кто знал Вакорина. Навязчивый, приставучий. Все разузнает, все выспросит, влезет в душу.

Впрочем, чаще не с просьбой, а, наоборот, с предложением услуги. Ему прямо-таки не терпелось людям услужить, угодить. Угодливость была его первой чертой, на лице у него было написано: «Я угодливый».

Вакорин не окончил и восьми классов, ушел из седьмого. Работником считался неважным, малоквалифицированным. (Директор торга И. Г. Шахурин: «Я ему постоянно устраивал выволочки. За одно, за другое. Он буквально плакал у меня в кабинете»). Но, будучи безвредным и услужливым, должности Вакорин обычно занимал выигрышные, полезные. В горкомхозе нарезал участки для индивидуального строительства. Семь лет был прорабом горпищекомбината. В торге имел контакт с любым магазином города. Где нужен капитальный ремонт — он, Вакорин. Разбитое стекло вставить — тоже он, Вакорин.

После убийства Варлаковой у него на работе сделали обыск. В сейфе нашли разные суммы денег. Выяснилось — не его, проситилей. Тридцать рублей дала кассир с мебельной фабрики, просила достать ей гобеленовый коврик. Шестьдесят дал на сапоги человек, который шапки шьет. Семьдесят пять дала кладовщица Катя...

Правда, сегодня вспоминают: обещал Вакорин охотнее, чем делал. Мог тянуть месяцами.

Но это — кому как. К иным он просто набивался с одолжением. Следователь Альберт Александрович Сулейменов, которому достанется потом вести дело об убийстве Варлаковой, приехал в Куйбышев три года назад. Первое время не имел квартиры, жил в прокуратуре. Однажды вечером вышел взять топор у соседа, нарубить дров. У ворот стоит совершенно незнакомый человек. «Вы Альберт Александрович Сулейменов? Здравствуйте, я Вакорин из торга...» И тут же пригласил Сулейменова в ресторан. Тот удивился, отказался, естественно. Вакорин не обиделся. Сказал: «Вот мой телефон. Если чего понадобится достать...» И сам побежал к соседу, сам принес топор.

Уже тогда, три года назад, задумал Вакорин совершить преступление? Предполагал: а вдруг придется иметь дело с Сулейменовым?

Ничего подобного.

Просто Сулейменов был в его глазах видным, влиятельным человеком. Человеком с весом. Это заметьте: существенно.

После убийства Надежды Ивановны возникла версия: а не замешан ли Вакорин в каком-либо корыстном преступлении, в воровстве или во взяточничестве? Надежда Ивановна могла о том знать, и поэтому он ее убрал.

Все тщательнейшим образом изучили, проверили. Нет — ни воровства, ни взяток.

Вакорин любил, конечно, достаток, был хозяином, «жил с коньячком». Скопил на «Москвич» и на кирпичный гараж. (Составлял частные сметы на строительства, да и теща с тестем помогли: она вяжет оренбургские платки на продажу.) Но не каменные палаты и не тысячи на сберкнижке были для Вакорина самым главным в жизни.

Важней было **котироваться.** Иметь в городе знакомства, **связи.** Знать, что ты **вхож.** Что тебя все **знают.** (Прокурор Куйбышева Н. С. Михин: «Спросите в городе, как зовут прокурора — наверное, не скажут. А Василия Ивановича знали все, все до единого».)

Ради того, чтобы котироваться, говорят сегодня, Вакорин умел от быка достать молока. Пробивней его не было!

Но разве все эти сведения о Вакорине могли хоть на йоту помочь следствию понять его преступление?

С каждым днем вырисовались все более кошмарные, почти неправдоподобные подробности убийства. (О них речь впереди.) Но подробности эти никак не совпадали с тем человеческим типом, который предстал перед следствием. Никак не соответствовали ему.

Получалось, будто не с одним, а с двумя Вакоринами имело дело следствие. Один — мелкий, заурядный, скользкий, жалкий. Скорее безобидный. Совсем не страшный. Другой — очень страшный. Другой — без капли жалости и сострадания в сердце. Другой — дикий зверь. Убийца.

Как же первый Вакорин мог оказаться вторым Вакориным? Что понадобилось для этого? Какие силы заставили?

Но сперва о покойной Надежде Ивановне Варлаковой.

ЕЙ БЫЛО сорок четыре года. Хорошее лицо. Выразительные голубые глаза. Волосы до колен. Чуть-чуть сутулилась.

Что ее отличало прежде всего? Доверчивость. Откровенность. Охотно рассказывала о себе подругам. Людей тоже вызывала на откровенность. Была прямодушной, бесхитростной, со всеми одинаковой. Рангов для нее не существовало.

Крайне впечатлительная. Малейшие нелады в классе, неуспехи учеников принимала чересчур близко к сердцу. Иногда нервничала без особого повода. Могла вспылить. Но ученики ее любили. Была справедливой и прекрасно знала свой предмет. География преподавала уже двадцать два года. Первая среди учителей школы получила звание «Отличник народного просвещения».

(Секретарь горкома партии Н. К. Апарин: «Варланова — честный, исполнительный, добросовестный труженик. Жена Н. К. Апарина, Лидия Гавриловна, много лет проработавшая вместе с Варлаковой: «Надежда Ивановна — человек редкой доброты, исключительной порядочности. Вакорин, признаться, был мне несимпатичен. Раздражала его угодливость. Но она о мужа всегда прекрасно отзывалась. Только и слышали от нее: «Мой Вася, мой Вася, что бы я без него делала!»)

Это сегодня твердят все, все решительно. Растерянные, потрясенные случившимся, люди в один голос вспоминают: она ему пела дифирамбы. Не могла им нахвалиться. Живу, говорила, как за каменной стеной, никаких забот. Случись что с Васей, не представляю, как без него останусь.

Пела дифирамбы, потому что простодушная? А может, и вправду он был внимательным, заботливым, «каменной стеной»? Золотой человек для других тем паче был золотым человеком для своих, для родной семьи.

Вакорин и Надежда Ивановна поженились в 1949 году. Она тогда училась в Новосибирске, в педагогическом институте. Вакорин регулярно к ней приезжал, ходил по пятам, чуть ли не целовал ноги.

Подруга тех лет спросила недавно у Надежды Ивановны: «Все-таки как ты, Надя, пошла за него? Он такой неказистый, а ты умница, красавица и на десять лет моложе». Надежда Ивановна ответила: «Он меня завоевал добротой и вниманием. Может, пошла и не по горячей любви, а смотри, какую хорошую жизнь прожила».

ИЗ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЬНИЦЫ В. И. ДАК. Надежда Ивановна вернулась из отпуска и в магазине встретила знакомую. Та ей говорит: «У вашего мужа есть на работе женщина. Маляр». Надежда Ивановна не поверила: «Это неправда». А та: «Пойдите, проверьте». Мне Надя сама рассказала. Я говорю ей: «Действительно, пойди, проверь». Но она отказалась: «Нет, я унижаться не буду»...

ИЗ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЬНИЦЫ С. А. ОГОРОДНИКОВОЙ. Как-то понадобилась мне морилка, и я постучала к Вакориным в окно. Открыла Надя. Говорит: «Не хочу жить». Я спросила: «Муж плох, детей не таких вырастила?» С отсутствующим взглядом она мне ответила: «Я что-нибудь с собой сделаю...»

ИЗ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯ Ф. А. ВИДЯТИНА, ДИРЕКТОРА ШКОЛЫ. В последнее время Надежда Ивановна стала неузнаваемой. Однажды она сказала мне, что не хочет жить...

СТРАХ

Нет, двух Вакориных не было. Был один-единственный. Жену убил тот самый безобидный и нестрашный Вакорин, который до последнего часа бесконечно о ней заботился, ноги целовал.

Вот как это получилось.

Вакорин сошелся с Галиной Далевич в 1972 году. Встречались у него в кабинете утром, до работы, или в обеденный перерыв. Далевич спрашивала: «И долго еще так таиться будем?» (Люди говорят: «У Далевич железный характер. Ей бы дивизией командовать. И взгляд... Посмотрит — мороз по коже...») Вакорин отмалчивался, отшучивался. Однажды сказал: «Я разведусь с Надей». Далевич засмеялась: «А где будем жить?» Он не ответил. Понимал: дом, заботами его созданный, придется оставить жене и детям. Далевич тоже должна будет отдать квартиру мужу с сыном. (Матери своей Вакорин однажды признается: «От дома, думаешь, легко-то уйти? Наш дом — труды наши».)

Да и как это уйти? Куда уйти? Уйти и по-прежнему остаться здесь, в городе? Среди людей, с которыми прожил жизнь? Вакорин прекрасно понимал: они займут не его, а Надежды Ивановны сторону. Бывшие ее ученики — сегодня влиятельные люди. Нынешние ее сотрудницы — жены влиятельных людей. Его, Вакорина, взрослые сыновья... Никто ему не простит разрушения примерной, идеальной семьи. Все осудят. Отвернутся.

Другого бы это, наверное, не остановило. Если так сильна страсть. Вакорина останавливало. Он почувствовал, что людей, перед которыми всю жизнь заискивал, кому набивался с услугами, в чьих глазах утверждал себя единственно доступными ему средствами, для кого так старался быть хорошим, он боится. Боится учеников Нади. Боится ее сотрудников. Боится ее родственников. Сыновей своих боится.

Вакорин сказал Далевич: «Уедем с тобой в Новосибирск». Она спросила: «А дальше что?» «Пойду на строительство, дадут квартиру». — «Разбежались! И кем будешь в Новосибирске?»

Он знал: никем.

В пятьдесят три года, без образования, без настоящей квалификации, без налаженных связей и отношений он обязательно будет никем.

Здесь, в Куйбышеве, он известный человек, Василий Иванович Вакорин! А там кто? Новичок? Проситель? Лешка?

Он понял: репутацию, нажитое положение бросать ему не легче, чем нажитое имущество. Может, даже еще трудней.

Вот такая создалась для него критическая ситуация. Как ни подступись к ней, с какого бока ни начни решать — все равно себе в ущерб. Останешься с Далевич в Куйбышеве — в ущерб. Уедешь в Новосибирск — тоже в ущерб.

А терять Вакорин никогда не хотел. И не умел. Для того он и прожил свою жизнь безвредным золотым человеком, чтобы никогда, ни в чем не терять.

О встречах с Далевич узнала Надя. Вакорин ей клялся, божился, кричал: «Это ложь, ложь! Ты никому не верь». А сам холодел от мысли: что же теперь будет?

Нади он тоже боялся.

Днем, на работе, Далевич ему говорила: «Я ненавижу твою жену». Он страдал, плакал. И думал: «Вот если бы Нади не было. Просто бы ее не было. Все бы оставалось, как есть, а ее бы не было».

Это была для него единственная возможность благополучно разрешить создавшуюся ситуацию; все получить, ничего не теряя.

Я не знаю, что испытал Вакорин, когда впервые сказал себе: «Надю надо убить». Возможно, испугался, онемел от ужаса. Возможно, постарался забыть, никогда не вспоминать. Возможно, пожалел себя и, как обычно, заплакал.

Но постепенно он привык к мысли, что это есть **самый простой** выход из положения. **Самый удобный. Единственный без потерь.** Ничем не придется поступаться, расплачиваться. Все сохранится при нем. Дом, гараж, машина. Репутация тоже сохранится. Даже с сыновьями не надо будет расставаться. Достаточно убить Надю, чтобы ничего не менять и не ломать.

Убить другого, он понял, легче, чем ломать себя. Прежде Вакорин не знал этого.

Разумеется, он решил сделать дело «по-умному». Осторожно. Чужими руками. Считал: если все предусмотреть да предугадать, никогда не дознаются. Подумают на любого, на кого угодно, но не на него, не на Вакорина. Репутация золотого человека, которая всегда ему помогала жить, теперь поможет и выжить.

И тогда Вакорин достал своему племяннику Геннадию Матвееву болотные сапоги, а тот к нему привел Владимира Монастырских.

ПОДАРКИ К ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Убивал Вакорин так же, как и жил: без злости, без ненависти. Заботливо, обходительно убивал.

Сперва он рассчитывал все организовать по-тихому. В начале мая на реке Омь начался паводок. Варлакова с населением ночью дежурила на берегу. Монастырских сзади подойдет к ней, ударит чем-нибудь железным, труп сбросит в воду. Но по-тихому не получилось. Вакорин сам вышел на берег проверить, увидел много людей, милицию, с сожалением сказал Монастырских. «Так не забить козу».

Пришлось потратиться. За пятьдесят рублей Вакорин купил у Матвеева малокалиберную винтовку «тозовку».

10 мая (не ноября еще, только мая, до убийства остается полгода) Вакорин съездил в обеденный перерыв к Монастырских. Сговорились. После работы Вакорин его встретил у остановки автобуса, на «Москвиче» вывез за город, к деревне Помельцево. Здесь выпили, закусили. Вакорин был очень разговорчивым. Жаловался на жену, твердил о себе, обещал отблагодарить как следует. (Монастырских скажет потом: «Задабривал».)

Монастырских пристрелял по березам винтовку. Вакорин тоже выстрелил два раза. Может, из любопытства. А скорее, так, из вежливости.

В город вернулись засветло. Монастырских сошел у шестого квартала, Вакорин отправился домой.

Как условились, под досками возле гаража он положил винтовку и пол-литра перцовой. Без водки Монастырских стрелять категорически отказывался.

Часов до десяти Вакорин с Надеждой Ивановной и сыном Сергеем копали огород. Вакорин опять болтал без умолку. Рассказывал про огуречную рассаду, Сергея расспрашивал про техникум, Надежду Ивановну — про ее школьные дела. (И их задабривал.)

В одиннадцатом часу Сергей отправился к знакомой девушке. Надежда Ивановна пошла в кухню жарить котлеты.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ВАКОРИНА. Я спросил Надю: «Ты собачек кормила?» Она ответила, что кормила. Я сказал: «Пойду, проведаю кроликов».

ИЗ ПОКАЗАНИЙ МОНАСТЫРСКИХ. Я выпил водку и приготовился с винтовкой за грядой. Вижу, идет Вакорин. «Ты, — говорит, — здесь уже? Хорошо. Смотри не торопись, Володя, не промажь».

Монастырских выстрелил в кухонное окно и понял, что не убил Надежду Ивановну. Бросился бежать.

До четырех утра Вакорин просидел в больничном коридоре. Очень переживал. Его успокаивали: «Ничего страшного. Ранена в щеку и выбито семь зубов».

Назавтра, 17 мая, Вакорин съездил в милицию, заявил о случившемся. (По дороге, у площади, посадил в машину Галину Далевич, довез до работы. Пожаловался ей: «Не получилось с Надей».) В милиции его спросили, кого он подозревает. Вакорин объяснил: «Это школьники, ее ученики, сволочи. Она строгая, вот и метят».

18 мая с рыбалки вернулся Матвеев. Монастырских сообщил ему: «Позавчера стрелял в тетю Надю, сделал подранка». Весь вечер Монастырских помогал Матвееву пластовать рыбу. Заполдно к ним наведался Вакорин. Сказал: «Ну видишь? Все шито-крыто. На меня нет и не может быть никаких подозрений. А значит, и ты чист».

Люди, правда, заметили: после 16 мая Вакорин сильно изменился. Спал с лица, стал забывчивым, рассеянным. Его спрашивали, он говорил: «Так ведь какое переживание! Что эти бандиты-изверги с Надей сделали!»

У Надежды Ивановны тоже настойчиво допытывались: кто бы это мог быть? Кого она подозревает? Варлакова мучилась, думала, прикидывала так и этак, но растерянно отвечала: «Нет никого».

Она знала уже о существовании Галины Далевич, страдала: рушится семья, но, если бы кто-то тогда ей осмелился сказать: «Дело рук вашего мужа», — она бы возмутилась, с гневом отвергла: «Какая дикость!»

ПОСЛЕ неудачного покушения Вакорин своих планов не оставил.

Более того. Постепенно, со временем организация убийства стала для него занятием. Делом. Буднями. А к занятиям своих был Вакорин не ленив, себя не щадил и имел идеи.

После 16 мая Монастырских попытался было расстаться с Вакориным. Обходил его стороной. Но Вакорин сам не давал ему проходу. Звонил. Заезжал в обеденный перерыв. Вечерами караулил возле ГРЭС. Всякий раз с ним была водка. На целую бутылку не расчувствовался, чаще приносил опивки. Однако говорил: «Сделай мне дело, ни в чем не будешь нуждаться».

В начале июля Матвеев сказал Монастырских: «Дядя тебе предлагает деньги. Поехали». Вакорин ждал их за городом, у птицесовхоза. Отсчитал двести рублей пятерками, протянул, улыбаясь: «Это тебе плата за страх, Володечка». Пятьдесят рублей Монастырских тут же отдал Матвееву. На подвеску для мотоцикла.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ВАКОРИНА. На убийство своей жены я затратил двести рублей денег, еще пятьдесят — за винтовку и около десяти бутылок водки...

В августе Вакорин познакомил Монастырских с Галиной Далевич. Встретились опять в торге, у него в кабинете. Далевич больше молчала, а Вакорин плакал, гладил ей руку и повторял: «Галочка, у нас нет другого выхода». Он сказал Монастырских: пока не заделывается дело с женой, надо будет перейти на Галиного мужа. Слесаря из управления механизации. Убить его.

В этом как раз и состояла новая идея Вакорина.

На что он рассчитывал? Останутся одвоем с Галей сиротами, пострадавшими от рук бандитов? Люди их окружат сочувствием, сопереживанием? Он введет ее в свой дом, сыну выхлопочет новую квартиру?

Вакорин передал Монастырских длинный стальной нож с деревянной рукояткой и — от следов крови — спецодежду, халат маляра.

Чтобы Монастырских не обозлился, Вакорин показал ему портрет Далевича на доске «Лучшие люди города».

Галина обещала сигнализировать, куда вечером пойдет ее муж. Если она вывесит тряпку с правой стороны балкона, муж ушел в родственникам на улицу Краснальниковая. Если с левой — на Сарайную.

Монастырских ходил за Далевичем все лето. (Раза два его сопровождал сам Вакорин.) А осенью сказал: «Ничего не получается, Василий Иванович. Люди кругом, неподходящая обстановка».

И ТОГДА Вакорин занервничал.

Он стал подозревать Монастырских. Не может убить Галиного мужа или не хочет, подлец?

Галю Вакорин тоже стал подозревать. Вывешивает она свои тряпочки или притворяется, делает вид?

А может, они оба спелись, сюхались у него за спиной? Обманывают?

Теперь больше всех других Вакорин боялся Монастырских и Галину Далевич. Прямо-таки обмирал от страха. Тосковал. И знал одно: их надо **завязать.**

Жил Вакорин, как всегда, как обычно. Улыбался, суетился. Особенно перед женой. Его сослуживец Н. Е. Анисименко рассказывает: «В это время я захотел было пригласить Вакориных к нам в гости. Но увидав, как Василий Иванович лебезит перед Надеждой Ивановной, раздумал. Побоялся, жена моя скажет: «Вот как надо ухаживать за супругой».

Приближался день рождения Надежды Ивановны. Вакорин приготовил ей подарки: гобеленовый коврик, портфель, накидушки на кровать (нашли у него в кабинете). Если не убьет — подарит.

15 ноября родителей вызвал к междугородному телефону старший сын Владимир. Кончился срок его службы в армии, днями выезжает домой. Отец ответил ему странным голосом: «Счастливого пути». (Владимир объяснит потом: «Я заволновался, решил: у папы неприятности по службе».)

Возвращаясь с переговорной, Надежда Ивановна чуть не плясала от радости: любимый сын приезжает.

А Вакорин не мог унять дрожь. Сын не раз писал из армии: «Вернусь, можете не сомневаться, дознаюсь, кто стрелял в маму. Так не оставлю».

16 ноября в обеденный перерыв Вакорин приехал к Монастырских на работу. Сказал: «Сегодня же надо кончать дело. Немедленно. А то, смотри, как бы не раскаиваться тебе». Монастырских ответил, что сегодня ему некогда. Мастер переходит на другую работу, позвал весь коллектив в гости. «Ничего, — сказал Вакорин. — Сделаешь дело и успеешь погулять. А то, повторяю, цений на себя. Про должок свой забыл?»

Вечером они встретились у магазина. Вакорин принес водку и колбасу в бумаге. Все время тревожился: «Эх, не опоздать бы!» Отослал Монастырских караулить их с женой возле дома, сам пошел в школу. Техничка ему сказала: «Надежда Ивановна вас ждала. Недавно вышла». Он догнал ее на улице: «Что ж не дождалась?» Она ответила, что заглянула в магазин — купила Сереже конфет, «Ласточек». К дому они шли под руку. У калитки Вакорин предупредил: «Осторожно, Надя, здесь скользко. Я пройду первым». Стал спускаться. В эту минуту Монастырских отбежал от забора и выстрелил ей в затылок.

ИЗ ПРОТОКОЛА ОСМОТРА ДОМА ВАКОРИНЫХ. В кухне у рамовины найден обрывок газеты, почерком Вакорина написано: «Сережа, я пошел встречать маму».

ИТОГ

На следствии Вакорин сперва показал: «Стреляли двое неизвестных. С противоположной стороны улицы». Ему возразили: «Неправда. Выстрел был сделан в упор». Назавтра он заявил: «Стрелял я сам. Из ревности. Хотел попугать жену. Чистосердечное раскаянье мне ведь зачтется?» Его спросили: «А где оружие?» — «Выбросил». — «Куда?» Он не смог ответить. Два дня лепетал что-то невнятное, на третий заявил: «Стрелял Монастырских». — «Причина?» «Не знаю,— сказал Вакорин.— Наверное, он крутил с моей женой».

Допросили Монастырских. Тот рассказал все, как было.

На судебном процессе — он шел в клубе молкомбината, негде было яблоку упасть — Вакорин держался робко, жалко, говорил тихо, еле слышно, выглядел дурачок дурачком. «Мы переговорили с Монастырских об убийстве моей жены, но ему все некогда, некогда... Ну раз некогда, так и ладно. Мне-то что?.. Про убийство Галиного мужа Монастырских разговаривал с ней в моем присутствии. Но я не вмешивался, я работал...» Потом Вакорин [illegible] он в своем оправдании! Она виновата во всем случившемся! Она виновата в моей вине! Она меня заставила убить Женю! Она! Она! Он плакал и багровел от злости.

Далевич твердила одно: «На убийство мужа я согласилась против своей воли. Серьезно и убийству я никогда не относилась». Она сказала: «Вакорин был со мной очень ласковый, обходительный. Я согласилась с ним за его обходительность».

Матвеев тупо смотрел на судей, путался, запирался, повторял: «Я ничего не знаю, я ни при чем... Я хотел сразу же донести на Володьку, но пришел двоюродный брат, и мы уехали на охоту».

Монастырских признал свою вину полностью. Его спросили, что заставило его убить человека. Он ответил: «Водка».

Суд приговорил Вакорина и Монастырских к расстрелу. Галина Далевич и Матвеев осуждены на семь лет лишения свободы каждый.

НОЧЬЮ в гостинице, в машине по дороге в тюрьму я все думал о том, как увижусь с человеком, приговоренным к смертной казни, что спрошу у него и что скажу, и есть ли вообще у меня такое человеческое право — искать этой встречи.

Мне было уже все известно о Вакорине — его поступки, действия, мотивы... Следствие, судебный процесс велись тщательно и досконально. Но настолько безумными были эти поступки, настолько неправдоподобными мотивы, что я должен был сам убедиться, поверить, знать: больше не осталось ни одного не высказанного Вакориным слова, ни одного не услышанного его объяснения.

Без этого писать о Вакорине я не мог.

Его привели. Я назвался: корреспондент газеты, он волен разговаривать со мной или нет. Вакорин ответил: «Я скажу, скажу...»

И сейчас еще звучит у меня в ушах его **обиженный** голос. Нет, **обиженный** крик: «Я всю дорогу имел одни грамоты, одни благодарности. Ни единого прогула за всю жизнь. И сразу расстрел, да? Это справедливо? Должно же быть какое-то предупреждение!»

За убийство не поставили ему сперва на вид...

Ничего нового, чего бы я не знал из следствия и суда, от Вакорина я не услышал.

Я спросил его: «Вам жалко Надежду Ивановну?» Он заплакал: «Жалко... Старший сын приезжал. Володя. Говорит: «Папа, как же мы теперь будем жить, если тебя не помилуют, откажется исправлять наша Советская власть?»

Потом я узнал, какой был у него разговор с сыном. Вакорин сказал: «Подпиши, чтобы меня помиловали». Сын ответил: «Верни мать, подпишу». Они навсегда расстались. Вакорин потребовал перо, бумагу, написал: «Пока я жив, пусть сын не пользуется моим домом и моей машиной».

Посчитался с сыном.

Разговаривал я и с Монастырских. Он пожал плечами: «Пропил я свою жизнь, чего тут рассуждать».

Во время свидания Монастырских сказал жене и матери: «Привыкайте жить без меня. Забывайте меня».

О ПРОЦЕССЕ Вакорина разговоры в городе постепенно утихают.

Полно других дел, забот, планов. На заводе автозапчастей пущен новый цех-гигант. Проектируется лечебный городок на 240 коек, ассигновано три миллиона рублей. Скоро будет построен первый девятиэтажный дом для Куйбышева — целое событие. Летом откроется вторая выставка цветов, грандиознее прошлогодней.

И все-таки, когда нет-нет, да зайдет снова речь о Вакорине, кто-нибудь непременно пожмет плечами, скажет: «Как хотите, но что-то здесь не то... Ни тайн, ни загадок... Убил просто так? Без злобы? Просто оттого, что подлец?.. Сомнительно».

Людям к этому трудно привыкнуть. К тому, что насмерть убивает обыкновенная подлость. Таится, прячется, угодничает, а потом стреляет из-за угла.

У людей подобные истории вызывают брезгливость, отвращение. Тошно в них копаться, их анализировать. Пройдет время, и город Куйбышев навсегда забудет о деле Вакорина — диком, страшном, исключительном. Так надо ли столь пристально и подробно вчитываться в него? Надо. Необходимо просто. Увы, как бы ни хотелось — не получается: любоваться светлым проспектом, не замечая рядом темного закоулка. Тем паче закоулка человеческой души.

Некоторым кажется: Вакорин стал преступником неожиданно. Ничто, мол, в нем не предвещало этого. Неправда. Пока мещанству выгодно — оно лебезит, стелется. Когда выгоднее убить — берется за ружье. Воинствующее мещанство!

Чтобы вакориных остановить, обезвредить, их надо прежде всего разглядеть. Как следует разглядеть. И главное — вовремя разглядеть.

ОЛИМПИАДА-76

ЭСТАФЕТУ ПРИНИМАЕТ МОНРЕАЛЬ

Кажется, совсем недавно Мюнхен прощался с XX Олимпийскими играми, а спортивный мир уже готовится к Олимпиаде-76 в Монреале.

В поисках проектов для олимпийского комплекса канадские организаторы отправились по свету за новыми архитектурными идеями. Мэр Монреаля Жан Драпо обратил внимание на проект французского архитектора Роже Тайбера. Однако по законам провинции Квебек иностранец не может самостоятельно строить или предлагать строительство какого-либо сооружения. Поэтому было специально создано канадское бюро и выделен архитектор-координатор, которым поручили выполнить роль посредников и решать вопросы, связанные со специальными строительными нормами и правилами Квебека, а также с требованиями Подготовительного олимпийского комитета.

Что же собой представляет проект Тайбера?

Основной олимпийский комплекс Монреаля будет размещен на территории спортивного парка, занимающего площадь около 50 га и являющегося частью парка Мезоннее с находящимися здесь ботаническим садом и муниципальной площадной для гольфа. Рядом расположены две станции метро, выходящие к стадиону.

Основными сооружениями спортивного центра будут стадион, «мачта», бассейн и велодром. Кроме этих сооружений, предполагается построить многоярусные парконинги на 5000 автомобилей, связанные закрытыми переходами со стадионом и другими спортивными сооружениями. Предусмотрены и площадки для стоянок автобусов.

Олимпийский стадион рассчитан на 55000 человек. Однако на время игр предусмотрен монтаж дополнительных временных трибун. Так что общая вместимость его составит 70000 мест. 5000 из них будут находиться под постоянной крышей, но, кроме нее, над игровым полем в течение 20 минут может быть раскрыта и закрыта еще одна крыша в виде зонта площадью 20 000 квадратных метров. Еще 5000 мест стадиона будут перемещаться в соответствии с лучшим обзором, в зависимости от того или иного вида спорта. Трибуны оборудуются эскалаторами.

Вторым важным сооружением комплекса явится наклонная «мачта» высотой около 170 метров, представляющая собой многоцелевое спортивное сооружение. В ее 16 этажах разместятся залы для различных видов спорта: легкой атлетики, гимнастики, баскетбола, бокса и др. К «мачте» будет подвешена крыша стадиона.

Верхние этажи ее предназначены для ресторана, нижний — прикрывает плавательные бассейны.

Непосредственно к «мачте» примыкает велодром, а одна из опор кровли велотрека является в то же время и частью фундамента «мачты». Велодром задуман как спортзал многоцелевого назначения — после Олимпиады здесь предполагается устроить каток или площадки для танцев.

В настоящее время ведутся работы по подготовке территории для строительства стадиона и «мачты». Олимпиада-76 готовится и приему гостей.

М. ПОСОХИН

На снимке: макет олимпийского комплекса в Монреале

Детлеф-Дитхард ПРИС

НА ЧЕРНОМ РЫНКЕ ИНТЕЛЛЕКТА

Рисунок из журнала «Жен Африк»

В Висконсинском университете в Соединенных Штатах в 1970 году был достигнут сенсационный научный успех: искусственным путем удалось добыть ген — носитель наследственных признаков. Примечательным, однако, оказалось не только данное событие само по себе — всех поразило еще и другое: создателем этого американского чуда был индийский профессор по фамилии Кхорана. Это вновь привлекло внимание мировой общественности к тому факту, что значительная часть работающих в США ученых, врачей и инженеров являются выходцами из других стран.

Плановые закупки врачей

Цифры недвусмысленно свидетельствуют: по данным Американского медицинского общества, опубликованным в феврале 1973 года журналом «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», из 346 тысяч практикующих в США врачей 69 тысяч были выпускниками иностранных учебных заведений. Таким образом, уже каждый пятый доктор получил диплом врача не в США и не в Канаде. Во многих государственных лечебных учреждениях, особенно в клиниках для душевнобольных, число медиков, получивших образование за океаном, в восемь раз превышает число врачей, закончивших американские учебные заведения.

Если к тому же учесть, что в 1972 году, по данным, опубликованным недавно ООН, США приняли 7 тысяч иностранных докторов, а также что подготовка одного врача обходится Соединенным Штатам в 50 тысяч долларов, то получается, что Соединенные Штаты сэкономили таким образом фантастическую сумму — 350 миллионов долларов.

Прибыльный бизнес

Точно так же поступают с учеными и инженерами, с медицинскими сестрами и учителями. За период между 1949 и 1967 годом Соединенные Штаты путем переманивания иностранных специалистов сэкономили в общей сложности четыре миллиарда долларов. Явление, называемое «утечкой мозгов», уже давно переросло в прибыльный бизнес. Инженеров, ученых и администраторов покупают и продают, как каких-нибудь профессиональных футболистов.

Это, во-первых, дешевле, во-вторых, быстрее и, в-третьих, связано с меньшим риском, чем подготовка соответствующих кадров за собственный счет.

«Торговлю» интеллигенцией осуществляют специальные компании «по изучению кадров», энергично собирающие информацию о нужных специалистах. Они наводят справки даже о частной жизни, о слабых и сильных сторонах потенциального объекта торговли и в заключение с помощью утонченных психологических приемов и радужных посулов заманивают свою добычу в сеть для того, чтобы затем передать ее клиенту — в большинстве случаев крупным американским или международным компаниям. Разумеется, все это делается лишь за соответствующее вознаграждение, которое равняется приблизительно 25 процентам, удерживаемым из годового заработка завербованного специалиста.

Урон для стран-поставщиков

Компании «по изучению кадров» орудуют чуть ли не во всех странах Западной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Только совсем недавно парижский еженедельник «Нувель обсерватер» горестно сетовал: «Охотники за мозгами начали свои налеты на Францию в шестидесятые годы. Начиная с 1970 года масштабы их деятельности значительно расширились. Коммерсанты такого рода, вынырнувшие из джунглей американского бизнеса, ведут беспощадную борьбу в интересах крупных фирм и тратят тысячи долларов, стремясь заполучить в свои руки самых лучших специалистов. Две трети руководителей американских предприятий вербуются таким способом».

Как уже указывалось в упомянутом выше документе ООН, два года назад во Франции работали 2367 высококвалифицированных специалистов из развивающихся стран. В Великобритании еще в 1966 году трудились 4027 врачей — выходцев из «третьего мира». Разумеется, эти цифры бледнеют в сравнении с соответствующими американскими цифрами: только за один-единственный 1970 год Соединенные Штаты Америки переманили из стран Азии, Африки и Латинской Америки 11412 научных работников, врачей и инженеров.

Электростанция без персонала

Американское министерство здравоохранения, просвещения и социального обеспечения вынуждено было признать, что в одном только Нью-Йорке работает больше таиландских докторов медицины, чем по обслуживанию 28-миллионного народа там. Целые факультеты в Южной Корее и на Филиппинах заняты исключительно подготовкой кадров для Соединенных Штатов. От 20 до 30 процентов выпускников высших учебных заведений таких государств Центральной Америки, как Гватемала, Никарагуа и Сальвадор, отправляются не заработки в Соединенные Штаты.

В Марокко на протяжении ряда лет обучали инженеров и техников для работы на новой крупной электростанции. Но когда они должны были приступить к работе, оказалось, что современные «охотники за мозгами» уже сделали свое дело и переманили все кадры за границу.

Разумеется, специалисты, рассчитывающие, что выезд за рубеж обеспечит им более высокий заработок и лучшие условия труда, не гарантированы от того, что в один прекрасный день им придется разделить участь сотен тысяч безработных западного мира. Ведь в последние месяцы даже ученым и техническим специалистам, некогда получавшим высокие оклады, пришлось занять место в длинных очередях, выстраивающихся у входа в ведомство по обеспечению безработных.

Препятствие для развития

Иракская газета «Багдад обсарвер» писала недавно: «Проблема арабского мира, столкнувшегося с фактом утечки талантов, состоит в том, что переманивание специалистов ставит под вопрос всю его программу обучение кадров, научную политику и путь развития». Это высказывание в равной степени относится к молодым государствам Азии и Африки и к странам Латинской Америки. Империалистические державы во весь голос трубят о своей «бескорыстной» помощи и «великодушной поддержке, оказываемой развивающимся странам». И это при том, что под вывеской «свободного обмена людьми» сами они похищают у развивающихся стран их интеллигенцию и беззастенчиво на этом наживаются.

«Нойес Дойчланд»

НАПРАВЛЯЯСЬ в Бостон, я меньше всего рассчитывал лично встретиться с Робертом Уэлчем, главой крупнейшей ультраправой организации — «Общества Джона Бэрча». Престарелый «основатель общества», как его официально величают бэрчисты, избегает как американской прессы — она ему кажется «розовой», — так и ученых, «этих яйцеголовых либералов».

Программа моего пребывания в Бостоне была заполнена встречами в Гарвардском и Бостонском университетах, в Массачузетском технологическом институте, работой в книгохранилищах. Незадолго до своей гибели Мартин Лютер Кинг передал Бостонскому университету, который был его «альма матер», значительную часть личного архива: оригинал диссертации, письма, черновики и наброски речей. Здесь же хранится и несколько десятков тысяч газетных статей и заметок о нем самом. Среди документов оказался не упоминавшийся в биографии Кинга краткий план поездки в Советский Союз, которую ему так и не удалось осуществить.

ПОЧЕМУ НЕСПОКОЙНО В БОСТОНЕ

Ходить по тихим зеленым улочкам Бостона, по его паркам и площадям — все равно что листать страницы далекого прошлого Соединенных Штатов. В XVIII веке Бостон был центром движения против английских угнетателей.

Прошлое соседствует с днем сегодняшним. Старинные кирпичные домики прячутся в тени небоскребов, таких, как 250-метровый куб — штаб-квартира крупнейшей в США страховой компании «Пруденшл». Но дело не только в соседстве архитектурных эпох. Прошлое стало здесь предметом борьбы между теми, кто хотел бы отметить 200-летие американской революции пропагандистскими фейерверками, и теми, кто использует ее наследие для борьбы за социальный прогресс сегодня. На потемневшей бронзе памятников в честь борцов за независимость краской выведены совсем свежие лозунги: «Америка нуждается в новой революции!», «Помните, что случилось с королем Георгом III!», «Восстание против тирании — священное право американцев», «Устроим второе, третье и множество новых бостонских чаепитий»...

В Гарвардском университете я долго беседовал с известным социологом Даниэлом Беллом. Года четыре назад он опубликовал работу «Неустойчивая Америка» — о факторах, вызвавших социально-политическую неустойчивость в США в 60-е годы. Многие из них, по мнению Белла, продолжают действовать и сейчас, некоторые, например борьба черных американцев за гражданские права, уже будто бы не оказывают такого влияния на обстановку в стране, как раньше. А общий вывод: нет оснований считать, что страна вступила в полосу внутренней стабилизации.

События, которые разыгрались в Бостоне нынешней осенью, показали, что профессор Белл, пожалуй, недооценил значение расового вопроса как источника социальных столкновений в Америке. Бесчинства расистов в связи с интеграцией школ, решительные выступления негритянского населения — все это не было случайностью. В колыбели американской революции — Бостоне — дискриминация чернокожих граждан так же распространена, как и в любом другом городе на севере Соединенных Штатов.

В кабинете Глендоры Патман, председателя Комиссии по борьбе с расовой дискриминацией штата Массачусетс, висит несколько абстрактная картина, написанная ею самой. Переплетение черных и белых линий в центре полотна — это символ объединения двух рас. Фоном служит пылающее солнце с ярко-желтыми и огненно-красными лучами.

— Почему лучи разного цвета? — спросил я.

— Потому что есть две точки зрения на отношения между расами, — пояснила миссис Патман. — Для одних, в том числе для меня, единство черных и белых — это золотые лучи света и надежды, единственный путь Америки в лучшее будущее. Для других — это пламя, которое, по их мнению, все уничтожит.

Комиссия рассматривает ежегодно более тысячи жалоб на дискриминацию по цвету кожи — в сфере занятости, в общественных местах, в учебных заведениях и т. д. В приемной я видел нескольких негритянок — домовладельцы не сдают им квартиры в районах, где проживают только белые. Это делают те — «другие».

Кто они?

«ВРЕМЯ, НАЗАД!»

На окраине Бостона, в Белмонте, в просторном особняке расположена штаб-квартира организации, которую американский журнал «Прогрессив» охарактеризовал как «центр притяжения всех расистов и мракобесов». Она обосновалась здесь уже более 15 лет назад стараниями владельца кондитерской фабрики Роберта Уэлча, фанатика, тесно связанного с крупным бизнесом. Семь лет он был директором Национальной ассоциации промышленников, три года — ее региональным вице-президентом. Общество, которому Уэлч дал имя офицера разведки Джона Бэрча, стало любимым детищем самых реакционных элементов крупного капитала и военщины, всех, чье кредо: «Время, назад!»

В один из последних дней моего пребывания в Бостоне мы с хозяйкой домика, где я снимал комнату, — чтобы не навлекать на нее неприятности, назову ее условно миссис Изабел, — решили посетить книжный магазин, расположенный в штаб-квартире «Общества Джона Бэрча». Как научного работника, меня интересовала последние издания бэрчистов. Миссис Изабел принадлежит к числу тех людей, которые не попадают на страницы газет, не делают ничего сенсационного или героического, но именно американки и американцы такого склада и такого общественного темперамента составляют костяк самых различных демократических движений (молодежного, негритянского и т. д.). Ей за шестьдесят, но она собирает подписи под петициями, с утра до вечера кому-то звонит, куда-то спешит, что-то организует. Каждое утро за чашкой кофе миссис Изабел, уже успевшая просмотреть местные и нью-йоркские газеты, встречала меня тирадой: «Нет, вы только посмотрите, что они пишут?! За кого они нас принимают?!» Меня всегда удивляло, сколько здравого смысла было в ее суждениях, как чутко она чувствовала фальшь в риторике иных политических деятелей.

Едва переступив порог магазина, миссис Изабел с удивительной непринужденностью восклицает:

— Нет, вы скажите, почему я не была у вас раньше? Сколько раз проезжала мимо по дороге в супермаркет и ни разу сюда не заглянула. Здесь так мило и столько книг...

Дама, к которой обращается миссис Изабел, несколько смущена, она не может ответить на вопросы моей многословной спутницы, но выражает явную радость по поводу нашего прихода. После обмена любезностями начинаем знакомиться с литературой. На стеллажах — книги, брошюры, листовки, выпущенные обществом и другими правыми издательствами, кипы журнала «Американ опинион». На видном месте — пухлые тома сочинений покойного шефа ФБР Эдгара Гувера. Рядом — творение Уэлча «Политикан», принесшее автору скандальную известность еще в середине 50-х годов. Утверждение Уэлча, будто бы тогдашний президент Эйзенхауэр был «убежденным, сочувственным агентом коммунистического заговора», шокировало американскую общественность даже в пору маккартизма. Впрочем, это утверждение не было случайной оговоркой или пропагандистским приемом. Оно выражало суть политической философии Уэлча: поскольку американское правительство тех лет не предотвратило прогрессивных сдвигов на международной арене, оно само стало соучастником или пособником «мирового заговора».

Рядом с «Политиканом» — последнее сочинение Уэлча «Наше единственное оружие». Потрясая читателей «эрудицией», он утверждает, что генеалогия «всемирного красного заговора» восходит к тайной организации, созданной в конце XVIII века. Корни ее участников привели к Французской революции. Нити заговора тянутся из глубины веков до наших дней.

Продавщица ведет нас от полки к полке, поясняя тоном гида:

— Если хотите ознакомиться с историей нашей организации, обязательно купите книгу мистера Уэлча «Жизнь Джона Бэрча». Именем этого молодого баптистского миссионера и офицера американской разведки мистер Уэлч назвал наше общество. Если вы интересуетесь современной политикой, рекомендую книгу Раста «Тэдди без прикрас» — об Эдварде Кеннеди и книгу Аллена о Никсоне — «Человек под маской». А если интересуетесь историей, прочтите книгу барона Врангеля «Перед штормом». Ее автор был известным землевладельцем в докоммунистической России. Его книга — лучшее разоблачение политики большевиков, — любезно поясняет она и, горя желанием не оставить пробелов в нашем образовании, осведомляется: — Вы, конечно, знаете, кто такие большевики?

Миссис Изабел поспешно отходит в другой конец зала — при своем непосредственном характере она едва удерживается от смеха. Но на этом дело не кончается. Миссис Изабел садится за столик — магазин одновременно является читальней — и углубляется в чтение. Вскоре замечаю, как по ее губам скользит улыбка.

— Что вы нашли смешного? — спрашиваю вполголоса.

Она дает мне полистать два увесистых тома «Биографического словаря левых» Кэнона. В одном из них — статьи об «опасных радикалах», в числе которых оказались... сенаторы Хэмфри, Маски, Кеннеди. В другом — перечень «коммунистических» и других «левых» организаций, в том числе таких известных буржуазно-либеральных, как «Американцы — сторонники демократических действий». Союз защиты гражданских свобод, Комитет за разумную ядерную политику и другие.

Круг организаций и лиц, которых бэрчисты относят к левым, «прокоммунистам», расширяется с каждым годом. Сегодня, утверждает главарь бэрчистов, главными участниками «всемирного заговора» являются Н. Рокфеллер, Р. Никсон, Г. Киссинджер, Э. Кеннеди и другие деятели обеих буржуазных партий — они пытаются насадить в Америке «коллективизм» и «социализм».

— Я уже насчитала здесь 23 организации, в работе которых участвовала, — шепчет миссис Изабел; она решает непременно купить этот том: будет чем позабавить друзей.

На одном столике — пленка получасового фильма, направленного против закона, принятого по настоянию профсоюзов и устанавливающего определенные стандарты по технике безопасности. Уэлч не желает мириться с вынужденными уступками рабочему классу, на которые приходится идти буржуазному государству. В фильме закон клеймится как попытка «задушить свободное предпри-

ПОЛТОРА ЧАСА В «ОБЩЕСТВЕ ДЖОНА БЭРЧА»

И. ГЕЕВСКИЙ

Из штаб-квартиры в Белмонте пропагандистская «литература» бэрчистов рассылается в пятьдесят штатов

ты яв могут пожаловаться на нехватку средств. В отделе распространения — электронное оборудование, автоматически печатающее десятки тысяч адресов на конвертах и закладывающее в них корреспонденцию и литературу. В отделе по связи с членами общества, где хранятся картотеки, — десяток сотрудников, и все заняты перепиской с местными организациями. Билл Гридел подводит нас к большой карте США, на которой булавками с разноцветными головками обозначены местные ячейки общества, его районные координаторы, региональные центры. Особенно густая сеть ячеек в районе Лос-Анджелеса, Феникса, Сан-Диего, Детройта. Есть они и на Аляске, и на Гавайских островах.

— Сколько в обществе членов, платящих взносы, если не секрет?

— Нет, не секрет, — отвечает наш гид. — Примерно, 80—100 тысяч.

— Растет ли численность общества?

— За последние три года, к сожалению, лишь на несколько тысяч.

— Но в свое время общество планировало довести число своих членов до полумиллиона?

— Мистер Уэлч считает, что сейчас наша задача не в том, чтобы одержать решительную победу, а в том, чтобы сохранить организацию, не прекращать ни на день ее деятельности.

— И вам это удается?

— Нам кажется, да. Мы единственная антикоммунистическая организация, которая имеет во всех пятидесяти штатах не только местные группы, но и оплачиваемых сотрудников.

— А сколько сотрудников здесь, в Белмонте?

— 125 человек.

В НОРЕ УЭЛЧА

За полуоткрытой дверью в глубине огромного кабинета видна седая голова основателя общества, склонившегося над письменным столом. Справившись у босса, Гридел таинственным полушепотом сообщает, что мы можем встретиться с мистером Уэлчем на несколько минут. В полумраке едва различимы стеллажи с книгами и метровый глобус — дилетант и фальсификатор Уэлч хочет быть похожим на всеведущего мудреца и эрудита.

В жизни глава бэрчистов

В журнале «США — экономика, политика, идеология» № 12, 1974 и № 1, 1975 будет опубликована серия путевых очерков заведующего сектором Института США АН СССР И. Геевского, вернувшегося из научной командировки в Америку. Мы печатаем один из очерков, специально подготовленный автором по просьбе «Литературной газеты».

ПРАЗДНИКУ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ

АКТИВНО готовятся к празднованию 30-летия Победы над фашизмом издательства стран социалистического содружества.

О том, как встречает этот праздник берлинское издательство «Ферлаг дер национ», рассказывает главный редактор издательства Хартмут Менаод, недавно посетивший редакцию «ЛГ».

— В центре внимания нашего издательства — всестороннее освещение жизни братских стран. Литература моей родины недавно отметила свое первое двадцатипятилетие. Ее главный герой — человек сегодняшнего дня, его становление, участие в создании первого государства рабочих и крестьян на немецкой земле.

Большое влияние на наших читателей оказывает литература советского народа, принесшего нам освобождение. Поэтому естественно, что выпуск книг авторов из СССР занимает центральное место в работе нашего издательства.

Хартмут Менард привел конкретные примеры выходящих в ГДР произведений советских писателей в издательстве «Ферлаг дер национ». Здесь и книги, рассказывающие о строительстве социализма в первые годы Советской власти, — М. Шолохова, Ф. Гладкова, А. Малышкина, М. Шагинян и других, и книги писателей военного поколения — К. Симонова, Ю. Бондарева.

— Одним из интересных начинаний нашего издательства, на мой взгляд, является работа над созданием литературы, отражающей единство стран социалистического содружества, — продолжает далее Х. Менард. — Я хотел бы назвать книгу «Москва—Берлин», представляющую своего рода интересную, содержательную беседу поэтов и фотопублицистов. Ее авторы — С. Наровчатов, М. Трахман, П. Винц, А. Фишер. Она показывает, как в результате победы над фашизмом возникли основы нашей новой жизни— жизни социалистической страны. Книга будет существенным вкладом в укрепление творческого сотрудничества СССР и ГДР.

«Москва — Берлин» — это одна из книг серии «Сердцем друга», осуществляемой союзами писателей братских стран. В год 30-летия Победы в Чехословакии выйдет «Москва — Прага», в работе над которой принимали участие А. Сурков и В. Заезда. Габор Гараи в Будапеште готовит книгу «Москва—Будапешт». В ней также будут помещены произведения советских писателей, посвященные столице Венгрии.

Издание книг, подготавливаемых СП СССР и союзами писателей братских стран, — одно из тех начинаний, которые находят широкий отклик у читателя. Так, СП СССР и СП МНР выпустили сборники «Побратимы Халхин-Гола» и «Дружба», их авторы — советские и монгольские писатели. В Польше выйдет в свет «Книга друзей». Ее редакторы — польский поэт И. Сикирицкий и советский литературовед В. Борисов.

— К 30-летию Победы, — рассказывает далее Х. Менард, — мы выпускаем антологию военных рассказов, в которую включены произведения известных советских и немецких прозаиков. Среди

авторов — М. Шолохов, В. Богомолов, Ю. Бондарев, В. Быков, Э. Казакевич, Ю. Нагибин, К. Симонов, В. Бредель, Ф. Вольф, Ф. Фюман, Г. Иобст, Э. Лест, К. Мундшток, З. Пичман, Г. Хофе и др. Предисловие пишет Ю. Бондарев, послесловие — Г. Кремпман.

Два автора одной из книг, в основа которой события войны и сегодняшнего дня, — Даниил Гранин и Бруно Винцер. Его роман «Солдат трех армий» известен у нас в стране. В годы войны они сражались друг против друга, ныне, объединенные одной идеей, одним стремлением к миру, работают сообща над произведением, которое, несомненно, послужит еще одним свидетельством нашей дружбы.

«...Никакая буря не свалит дерево с крепкими корнями. Этим гордятся корни... На дереве, которое мы, корни, держали и удержали, вырастут, расцветут и созреют плоды поколения новых людей — социалистические поколения рабочих, поэтов, литературных критиков и историков, которые пусть позже, но лучше расскажут и о том, чего я рассказать уже не смогу», — писал в одном из последних писем Юлиус Фучик.

Рассказать нашей молодежи о героической борьбе за настоящее сегодня — долг писателей, основная задача работников творческого труда наших стран.

И. ГАВРИЛОВА

«МАССОВАЯ КУЛЬТУРА» — 74

ИДОЛЫ

Как шоу-бизнес фабрикует своих кумиров

«НИКОГДА, кажется, не существовало на земле народа, который называл бы себя идолопоклонником», — утверждал Вольтер в своем знаменитом «Философском словаре». Великий просветитель считал, что идолопоклонство оскорбляет человека.

«Каждый человек нуждается в идолах», — гласит первая фраза специального номера парижского журнала «Мируар де л'истуар» («Зеркало истории»), который озаглавлен «Звезды и «идолы». 1900—1974». Этот номер, где собран интереснейший материал по «массовой культуре», содержит немало примеров самого дикого идолопоклонства, процветающего на Западе в наш цивилизованный век.

Приведу один из них. Некий ловкач ухитрился приобрести кровать и сценический костюм французского эстрадного певца Джонни Холлидея. Вещи эти он разрезал на крохотные кусочки, каковые в качестве сувениров распродавались с аукциона. Оказывается, нашелся даже покупатель на пыль, выбитую из костюма Джонни.

Эта операция представляет собой случай патологического фанатизма, порождаемого «массовой культурой». И здесь вновь хочется вспомнить мудрого Вольтера. «Никогда не издавалось никакого эдикта, никакого закона, — писал он, — которые предписывали бы обожать идолов, служить им, словно богам, взирать на них, как на богов». Сегодня в буржуазном мире тоже не существует каких-либо законов, повелевающих поклоняться идолам, но идолопоклонство процветает, потому что оно является смыслом существования всей машины псевдокультуры.

Об идолофабрикантах и идолопоклонниках рассказывает номер журнала «Мируар де л'истуар». Раскроем его.

ГАСНУТ ЛИ «ЗВЕЗДЫ»!

Голливуд, февраль 1973 года. Студия «Парамаунт» празднует день рождения одного из своих основателей, продюсера Адольфа Цукора: этому бодрому старику исполнилось сто лет. На его глазах расцвела и закатилась слава Голливуда. В мемуарах, которым Цукор дал программное название «Публика никогда не ошибается», он писал: «Мы положили в основу американской кинопромышленности «star system» (систему звезд)».

Принцип «безошибочности публики» и «star system» — вот те два кита, на которых Голливуд построил здание своего могущества. Тщательно разработанную, доведенную до совершенства «систему звезд» (она, кстати, не была его изобретением) Голливуд неизменно пытался представить как выражение глубинных желаний и воли «никогда не ошибающейся публики». Хотя очевидно, что зрители голливудской продукции получают, за редчайшими исключениями, лишь то, что им предлагают идолофабриканты.

Специальный номер «Мируар де л'истуар», подробно повествуя об истории Голливуда и давая серию портретов его наиболее прославленных «звезд» — от Мэри Пикфорд, Дугласа Фербенкса, Рудольфо Валентино до Хэмфри Богарта, Мэрилин Монро, Элизабет Тэйлор, — содержит множество фактов, подтверждающих эту мысль. Авторы опубликованных в журнале статей, как правило, следуют известным схемам буржуазной социологии, которая рассматривает феномен «кинозвезд» как выражение «мифологии нашего времени». Однако приводимый ими материал часто опровергает их построения, ярко рисуя неприглядные методы нынешних Пигмалионов, серийно изготовляющих Галатей кино- и шоу-бизнеса.

Показательна в этом отношении статья Ива Сальга «Мэрилин Монро — воплощенный миф». М. М. именуется «архетипом кинозвезды», «богиней из богинь голливудского Олимпа», «олицетворением женственности и красоты».

Но буквально ни слова не говорится о творческой личности актрисы Мэрилин Монро. Ив Сальг в колоритных деталях живописует головокружительное восхождение М. М. на вершины славы: от бедной девушки, позирующей обнаженной за 50 долларов, до «царицы Голливуда». Однако ничего мифического в судьбе Мэрилин Монро на самом деле не обнаруживается. Просто Голливуд, как отмечает сам Ив Сальг, скроил из «сырого материала» сексуальный символ, «капитализированный объект», создал манекен, вынужденный играть одних и тех же насквозь фальшивых героинь. Не случайно автор приводит циничное высказывание одного из столпов Голливуда, режиссера Дэррила Занука: «Star system» прилагается исключительно к тем «звездам», которые не подвергают нас никакому риску, кроме риска успеха».

Образ «звезды», как правило, слагается из набора четко определенных неизменных жестов и поступков, по каковым ее и должна опознавать публика. А ее частная жизнь обязана представать, если воспользоваться метким выражением И. Сальга, «в лохмотьях легенды». Мэрилин Монро и в жизни, и в кино сопровождала легенда суперсексуальности, сделавшая ее воплощением «американской мечты» и «возлюбленной всей Америки». Актрисе никто не позволил бы изменить это жестко запрограммированное амплуа. Об этом точно говорит Оливия де Хэвиленд, чьи слова цитируются в статье: «Одной из основных причин падения «звезд» и их преждевременного заката является то смятение ума, которое вынуждает их смешивать безнаказанность с той тысячью беспечностей, какие доставляют им красота, талант, деньги, роскошь и свобода. Мэрилин Монро, без сомнения, больше всех других вкусила благ «star system», но и была ее самой незащищенной жертвой». Ее трагедия перед всем миром обнаружила сущность «star system», чей основной принцип сводится к стандартизации и дегуманизации творчества, кабальной зависимости художника от коммерческого успеха. Думается, у великого Чарли Чаплина были все основания назвать «систему звезд» «нравственным злоупотреблением».

Эту оценку подтверждают статьи критиков Чарлза Форда «Голливуд — золотая клетка» и Мишеля Мармэна «Фабрика звезд», где показаны механизмы действия «star system». Популярность «звезды» определялась двумя решающими факторами: финансовыми сборами и силой «обратной связи» со зрителями. Голливуд всегда тратил огромные средства на пропаганду «звезд» не только в прессе и рекламе, но и на, так сказать, «укоренение» их в среде идолопоклонников. Отсюда пошли специальные клубы «звезд», всевозможные ассоциации кинозрителей. Сверхзадача «звезды» неизменно сводилась к тому, чтобы ее облик и стереотип поведения как можно точнее соответствовали представлению рядового зрителя о красоте и счастье. Если «звезда» этого не умела добиться, ее безжалостно отбрасывали.

«Массовая культура» немыслима вне клише, стандарта, стереотипа. Особенно наглядно это демонстрирует опыт писателей, сотрудничающих с Голливудом. «Им было тяжко переносить атмосферу завода, столь мало благоприятную для подлинно интеллектуального творчества», — отмечает Чарлз Форд. Выдающийся американский прозаик Френсис Скотт Фицджералд, превосходно знавший голливудские нравы, в своем незавершенном романе «Последний магнат» хотел показать несовместимость эстетических канонов Голливуда и искусства, несущего людям правду о жизни и человеке. Работая сценаристом в Голливуде, он в 1930-х годах признавался в письме к дочери: «Так много книг в наши дни страдает и от отсутствия мировоззрения, и от полного отсутствия всякого материала, кроме описания чисто светской жизни. Мир, как правило, не живет на пляжах и в загородных клубах». Высказывание это не утратило актуальности и сегодня. Стремление изображать исполненную острейших социальных противоречий и трагических конфликтов буржуазную действительность как «мир осуществленной мечты» и гармонии, как царство «сладкой жизни» по-прежнему доминирует в «массовой культуре».

То, что французский журнал «Мируар де л'истуар» рассказал о Голливуде и разработанной там «star system», еще не стало историей. Западные критики и социологи, публицисты и историки кино много спорят о том, жива или мертва «система звезд». Но суть проблемы лежит в иной плоскости: принципы «системы звезд» по сей день остаются основой функционирования «массовой культуры», испытанным средством пропаганды западного образа жизни.

Злободневное подтверждение этого вывода дал совсем недавно парижский еженедельник «Пари-матч». 28 сентября под рубрикой «Национальное событие» в нем опубликована пространная статья Франсуа Кавильоли «40 лет Брижитт Бардо». С элегической грустью описывает Кавильоли одиночество Б. Б. Расцвет ее славы падает на 1950-е годы, когда «общество потребления» еще только делало свои первые шаги. Актриса Брижитт Бардо автора статьи мало волнует, он подходит к «социальному феномену Б. Б.» с чисто социологической точки зрения. Оказывается, Б. Б. воплощала всего-навсего «потребительский миф», была «аргументом продажи» той естественности и шарма, каковые привнесены ею в кинематограф. Но теперь, заключает автор, «ей нечего сказать и нечего показать тем, кто сомневается». Кавильоли совершенно идентичен в выводах с автором статьи «Б. Б. — прототип целого поколения» А. Соманом, опубликованной в журнале «Мируар де л'истуар»: Брижитт не соответствует моде, которая воцарилась с наступлением «сексуальной революции». «Миф Б. Б. больше никого не трогает. Идол развенчан».

Кто же, по мнению авторов специального номера «Мируар де л'истуар», пришел на смену кинозвездам? Последних сменило поколение «идолов» поп-музыки и кумиров шоу-бизнеса. С подобной схемой динамики послевоенной «массовой культуры» нельзя согласиться без оговорок. «Система звезд» в кино претерпела существенную эволюцию, но никоим образом не сдана в архив капитанами культурной индустрии.

ЭЛВИС ПРЕСЛИ, ДЖОННИ ХОЛЛИДЕЙ И ПРОЧИЕ

Если бы «массовая культура» обладала собственной музой, то, без всякого сомнения, ею стала бы статистика. Самая существенная функция произведений культурного ширпотреба — это финансовый успех. И поэтому почти все характеристики «идолов» шоу-бизнеса в журнале «Мируар де л'истуар» начинаются с колонок цифр. «Король рок-н-ролла» Элвис Пресли держит в этом списке абсолютное первенство: с 1954 года по сей день он сбыл около 340 миллионов пластинок и снял 33 фильма, «всегда прибыльных, несмотря на бедность сюжетов и посредственность игры». «Пресли, — восторженно восклицает Патриция Лешеврель, — зарабатывает в год в двадцать раз больше, чем президент США!» Французский певец Джонни Холлидей распродал более 30 миллионов пластинок. И т. д.

Однако статистика доходов сама по себе не объясняет переориентации «массовой культуры». Возникновение системы «идолов» имеет свою идеологическую подоплеку, о которой пишет в журнале Мишель Грей.

«Новая эра» в культурной индустрии, по его мнению, началась в 1960-х годах под знаком молодежи. Акулы шоу-бизнеса обратили пристальное внимание на настроения молодых, решив использовать этот гигантский неохваченный рынок. Они учли желание послевоенного поколения молодежи «жить современно» и предложили ему новые ритмы скорости и насилия. Умело спекулируя на «смутных стремлениях молодежи к свободе», они дали ей искусство дегенерологизированное и аполитичное. Авторы биографических портретов Элвиса Пресли и Джонни Холлидея настойчиво акцентируют отказ этих «идолов» от политики и содержательности искусства.

«Благодаря Джонни Холлидею молодежь осознала свою силу и, быть может, свой протест, — заявляет А. Соман в статье «Д. Х. Шумное зрелище». — В эпоху, когда большинство молодых отчаянно ищет идеала, Джонни остается примером». Попытка связать шоу-бизнес с идеями молодежного протеста настолько же несостоятельна, насколько и демагогична.

Лучшей иллюстрацией служит эволюция самого Холлидея. Жан-Филипп Сме (настоящее имя Холлидея) родился в 1943 году. Б шесть месяцев его бросили родители: позднее он был усыновлен родственниками — артистами мюзик-холла. Школы он не посещал и после безуспешного дебюта в 15 лет на сцене мюзик-холла становится, как пишет Соман, «асоциальным существом». Карьера Джонни стартовала трудно, критика долго не желала его признавать. «Этим подобранным на свалке ковбоем, — писал в 1961 году один французский критик в отчете о концерте Холлидея, — следует заняться психиатрическому институту». Однако свет не без добрых людей: на Холлидея обратили внимание крупные фирмы грампластинок, надеясь сделать из него европейского Пресли. И они добились своего. Джонни оказался на редкость способным учеником и очень предприимчивым дельцом. Он стал активно сниматься в кино, им занялся всемогущий импресарио Джонни Старк, который устроил своему тезке шумную рекламу в прессе, на радио и телевидении. Холлидей показал себя завзятым бизнесменом, став компаньоном фирмы Филипс, где он руководит отделом, названным «Тандей» (сокращение от конечных слогов слов Вартан, фамилия его жены, и Холлидей). Бывший «шалопай» вовремя понял, что настало время жить пристойно. Он купил роскошную квартиру в респектабельном квартале Парижа. Некогда о нем говорили, что он глуп, как пробка; сегодня бывший «бунтарь» любит демонстрировать интервьюерам стоящее на его полке собрание сочинений Марселя Пруста.

Таков этот «идол», которого «массовая культура» предлагает молодежи в качестве образца для подражания.

Материалы, посвященные журналом «Мируар де л'истуар» кумирам шоу-бизнеса, дают возможность заключить, что система идолов есть прямое продолжение «star system». «Идол» во многом напоминает исчезнувших ныне кинозвезд, — отмечает Мишель Грей. — Он должен смиряться со всеми рабскими сторонами своего положения, а таковых — немало». Самое существенное в карьере «идола» — это подчинение импресарио и обязанность во всем угождать вкусам своих фанатиков-поклонников. «Фабрикация «идола» обходится дорого», — пишет Мишель Грей. И если импресарио удается вывести его на орбиту успеха, то он не выпускает свое детище из рук до тех пор, пока оно не отработает всех расходов. Эксплуатация таланта в мире шоу-бизнеса беспощадна и предельно цинична.

Этот цинизм пронизывает также и деятельность бесчисленных клубов, которые объединяют идолопоклонников. Об этом рассказывает статья Жана-Луи Гитара «Фанатики и их клубы». «Фанатик покупает все пластинки «идола», — пишет он. — Читает все, что о нем пишут. В конце концов он отождествляется со «своим» артистом. Они носят одинаковую прическу, сходно одеваются, у них одни и те же взгляды». Однако эти клубы менее всего напоминают общества энтузиастов, искателей идеала. Они, по утверждению Ж.-Л. Гитара, представляют собой «источник сбыта пластинок». Он ссылается на безымянного дельца, который заявил, что «его коллеги пользуются наивностью молодых людей, заставляя их покупать все подряд».

Здесь рассмотрена лишь часть материалов из специального номера журнала «Мируар де л'истуар». В нем сказано и о подлинных художниках, которые в борьбе с засильем стандартов «массовой культуры» смогли создать настоящие ценности искусства. Но цель нашего обзора состояла в том, чтобы показать опасность того идолопоклонства, которое насаждают изготовители культурного ширпотреба.

«Массовая культура» постоянно прибегает к социальной мимикрии, слегка меняя отработанные формы, но неизменно сохраняя свою идеологическую суть. А последняя заключается в том, что «массовая культура» порождена духовным и моральным кризисом современной капиталистической цивилизации.

Л. ПАВЛОВ

ОЛИМПИАДА-76

ЭСТАФЕТУ ПРИНИМАЕТ

Детлеф-Дитхард ПРИС

Кажется, совсем недавно Мюнхен прощался с XX Олимпийскими играми, а спортивный мир уже готовится к Олимпиаде-76 в Монреале.

В поисках проектов для олимпийского комплекса канадские организаторы отправились по свету за новыми архитектурными идеями. Мэр Монреаля Жан Драпо обратил внимание на проект французского архитектора Роже Тайбера. Однако по законам провинции Квебек иностранец не может самостоятельно строить или предлагать строительство какого-либо сооружения. Поэтому было специально создано канадское бюро и выделен архитектор-координатор, которым поручили выполнять роль посредников и решать вопросы, связанные со специальными строительными нормами и правилами Квебека, а также с требованиями Подготовительного олимпийского комитета.

Что же собой представляет проект Тайбера?

Основной олимпийский комплекс Монреаля будет размещен на территории спортивного парка, занимающего площадь около 50 га и являющегося частью парка Мезонев с находящимися здесь ботаническим садом и муниципальной площадной для гольфа. Рядом расположены две станции метро, выходящие к стадиону.

Основными сооружениями спортивного центра будут стадион, «мачта», бассейн и велодром. Кроме этих сооружений, предполагается построить многоярусные паркинги на 5000 автомобилей, связанные закрытыми переходами со стадионом и другими спортивными сооружениями. Предусмотрены и площадки для стоянок автобусов.

Олимпийский стадион рассчитан на 55000 человек. Однако на время игр предусмотрен монтаж дополнительных временных трибун. Так что общая вместимость его составит 70000 мест. 5000 из них будут находиться под постоянной крышей, но, кроме нее, над игровым полем в течение 20 минут может быть раскрыта и закрыта еще одна крыша в виде зонта площадью 20 000 квадратных метров. Еще 5000 мест стадиона будут перемещаться в соответствии с лучшим обзором, в зависимости от того или иного вида спорта. Трибуны оборудуются эскалаторами.

Однако не думай, будто имею спокойную жизнь. У нас ведь так: где горит, туда и бежим.

Как-то загорелось. Васмих призывает меня:

— Выручай, Петрович. Стихия против нас, поставки опять сорвали. Никак не можем вал в этом квартале.

Тут мне и нашлось.

— Давайте, — говорю, — Огурцова разделим.

Васмих даже не сразу понял:

— Как так? Что?..

— А вал привлечем. Повторим его.

— Кого!

Нет, еще не понимает. Пришлось объяснять ему азы экономики. Рассказал для поучительности нашу железнодорожную историю с расчали, рвали и метали. Никогда не забуду 30.XII. 193... — год кончается, а нам еще 200 тракторов до плана. Вал горит синим пламенем! Где его взять? С какого потолка? Помнишь, сидим в твоем кабинете и затылки скребем? И придумали! Ты звоночек сделал, я — с ящиком портвейна на товарную станцию и везу расписку от начальника: мол, приняты 200 тракторов не платформы и отгружены потребителю. Вот это была реализация! Дали победный рапорт, портвейна и нам хватило. А на закуску наш любимый ситный хлеб с колбасой — отметили праздник.

Видишь, как расчувствовался, — это пены морские меня размягчили, глаз от них не могу оторвать.

Разложил свое собрание веером — и любуюсь. Сорок семь «Девятых валов»! Годы собирал! Решил: дойду до полтинника и справлю юбилей. Тебя приглашу.

Не скажи, что картинки одинаковые. А колер! А бумага! А переливы!

Да у самого Айвазовского этих «Девятых валов», говорят, шесть или восемь штук (он по заказам сам делал авторские копии). Потом другие принялись его размножать.

А к чему я все это? Ты и в письме спрашиваешь: зачем я именно «Девятый...» у тебя попросил? И почему я только его собираю? Или не ясно еще? Я же теперь есть Главный специалист — не по живописи, нет-нет, от этого уволь, с лакокрасочной отраслью давно распрощался. Я теперь Главный спец по валу — то-то! Мне девятый вал сам в руки просится!

Хоть не успел дипломов заработать — гнал вал, — мой багаж всегда при мне. Вас. Мих. — помнишь его? — держится за меня, ценит: он и придумал мне Главного в своем главке.

Анатолий ЗЛОБИН

(ИЗ ЦИКЛА «СОВРЕМЕННЫЕ СКАЗКИ»)

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

писной на 200 тракторов.

— Только нынче, — говорю, — такой грубый трюк не пройдет. Теперь нужне работе тонкая, современнее. Вот если мы завод Огурцова разделим на два самостоятельных — что будет? Заготовки от него пойдут на сборку, а сборка-то теперь выделена, сама по себе. Значит, всю стоимость заготовок, весь предыдущий огурцовский вал там сосчитают повторно: Огурцов считал, и тут посчитают, получится вроде вдвое сделано. Прибор тот же, технология не меняется — а показатели по всем статьям поднялись.

Наконец-то понял мой Васмих, загорелся, давай делить Огурцова...

Вот какое я открытие сделал. Оно, конечно, а бюро патентов не зарегистрировано, но положение я спас.

Тем временем дальше развивается. Опять Васмих вызывает:

— Кого теперь делить будем? Плетнева?

— Можно и Плетнева. А можно... Почему бы нам к смежникам за помощью не обратиться? Тут они запрос прислали для согласования. Хотят повысить цену на втулку с пятидесяти двух копеек до семидесяти трех. Дайте им «добро».

На этот раз он усек без пояснений.

— Ого! Получается, что мы на каждой нкой втулке (напишем себе уже не сопромата, а семь гривен. А этот втулок через наши руки сотни тысяч проходит. Большой ты спец, Петрович!

История закрутилась, доложу тебе, как в многосерийной ленте на голубом экране. Пошли мои дела гулять по свету. Повторение есть следующий закон современной технологии.

Отправляюсь как-то смежный глазок. Там уже на столе расставлены.

Смежный шеф

— Мы вас слушаем, Егор Петрович! Собрались исключительно в тесном кругу, можете предельно открыться...

Читаю в ответ вступительную лекцию по новейшей экономике.

— Раньше, — говорю, — как работали? Каждое предприятие все при себе имело, само себя обеспечивало, как при натуральном хозяйстве. Гнали вал на своем горбу. А нынче, — продолжаю, — все по-другому. Нынче у нас специализация, кооперация и прочие современные приобретения.

С другого конца стола слышится возглас:

— Это мы и без вас проходили. Зачем вы нам снова велосипед изобретаете?

Отвечаю вполне пристойно:

— Велосипед давно изобретен, это точно, и я его заново открывать не собираюсь. А вот современную экономику велосипеда помогу вам изобрести, с этой целью и прибыл. Вал-то, — говорю, — остался, а валы бывают разные. Есть первый вал, есть второй вал, а то и третий, и четвертый... Вы, например, пробовали своего Петрушина разделить, как мы Огурцова разделили?

Один, нестарный, аж с места вскочил:

— Постой-постой, это же гениально! Значит, разделить с правом?..

— Именно! С правом юридического лица, со своей конторой и печатью. Чтобы все, как у взрослых...

У присутствующих — большие глаза. А я воодушевился, творю:

— У вашего Петрушина на завода моторный цех, вот его и надо выделить с правом. Себестоимость двигателя — 450 рублей, а как моторный цех станет самостоятельным хозяйством, эти денежки и тот, и другой себе запишут. Сколько тут огребете?

Они карандашами заработали: заготовки-де пойдут от Петрушина к моторщикам, тем засчитают всю стоимость металла, добавят свою работу, готовый двигатель снова возвратится к Петрушину не сверстан...

Нестарный уже высчитал:

— Семьсот тридцать рублей. Это же цифра! Как это только у вас получается?

— Мастерок прошлого, — отвечаю, — надо изучать. От Адама Смита до Айвазовского. Вы все, наверное, шедевр Ивана Константиновича «Девятый вал» на раз видели? Так вот, к вашему сведению, пенного адмирала имел и государственную политику тоже понимал — разумеется, на уровне своей эпохи, с учетом частнособственнического капитала. Иван Константинович уже в те времена первым вышел на поток, произвел на свет, это точно, и я его заново открывать не собираюсь. А вот современную экономику велосипеда помогу вам изобрести, с этой целью и прибыл. Вал-то, — говорю, — остался, а валы бывают разные. Есть первый вал, есть второй вал, а то и третий, и четвертый... Вы, например, пробовали своего Петрушина разделить, как мы Огурцова разделили?

Один, нестарный, аж с места вскочил:

— Постой-постой, это же гениально! Значит, разделить с правом?..

— Именно! С правом юридического лица, со своей конторой и печатью. Чтобы все, как у взрослых...

У присутствующих — большие глаза. А я воодушевился, творю:

— У вашего Петрушина на завода моторный цех, вот его и надо выделить с правом. Себестоимость двигателя — 450 рублей, а как моторный цех станет самостоятельным хозяйством, эти денежки и тот, и другой себе запишут. Сколько тут огребете?

Они карандашами заработали: заготовки-де пойдут от Петрушина к моторщикам, тем засчитают всю стоимость металла, добавят свою работу, готовый двигатель снова возвратится к Петрушину не сверстан...

Нестарный уже высчитал:

— Семьсот тридцать рублей. Это же цифра! Как это только у вас получается?

— Мастерок прошлого, — отвечаю, — надо изучать. От Адама Смита до Айвазовского. Вы все, наверное, шедевр Ивана Константиновича «Девятый вал» на раз видели? Так вот, к вашему сведению, пенного адмирала имел и государственную политику тоже понимал — разумеется, на уровне своей эпохи, с учетом частнособственнического капитала. Иван Константинович уже в те времена первым вышел на поток, произвел на свет 6000 полотен, все музеи мира собой обеспечил...

Тут еще один голос раздался — будто я неуважительно о великом реалисте отзываюсь. Ну, я ответил на уровне:

— Мы тоже цвет и гемму понимаем, только вы подходите к художнику чисто живописно, а я — экономически.

Петрушина своего они, конечно, разделили, да еще и инструментальный цех на самостоятельный баланс перевели. Вроде бы ничего не меняется. Рабочие по-прежнему шагают через одну проходную, счетчик электроэнергии у обоих предприятий общий, один склад на двоих. А продукция — врозь. И каждому — свой вал.

Творим, творим.

Возвращаюсь домой с лаврами (читай: подарки и подношения), а дома беда. Пока я свои идеи размножал, нашему главку — бац! — в третьем квартале план навалили. Ну, знаешь, как это бывает: то ли плановики ошиблись, то ли прорыв где-то объявился, а план увеличили. Васмих за голову держится, мне тоже несладко.

— Может, Плетнева наконец разделим? — говорит Васмих. — Но хватит ли?

— С Плетневым не так просто. На него санкция министра потребуется.

— Что же делать?

— Ничего не попишешь, — отвечаю Васмиху. — Придется нам челнок запускать.

— Опять новинка? Что за челнок такой?

— Обыкновенный: туда — сюда, а ниточка за ним аса время тянется...

— Ну и?..

— От Огурцова куда?..

— От Огурцова к Плетневу...

— А дальше?.. Туда и?..

— Обратно! Плетнев — Огурцов, так!

— Куда же еще челноку деваться! Пускай и дальше ткут: Огурцов — Грушницкий — Огурцов. Потом третий цикл: Огурцов — Репин — Огурцов. А в запасе еще Косточкин и Самороденко! Каждый добавляет немного своего, а все остальное записывает со стороны — ниточке за челноком тянется и тянется. Вал-то накручивается. Если постараемся, дойдем до седьмого...

Васмих повеселел, глазом подмигивает:

— Я твое хобби, Петрович, знаю. Небось до девятого мечтаешь добраться?

— До девятого пока подождем. Надо что-то в резерве держать.

— А есть в голове еще резервы? Докладывай.

— Есть кое-что. Можно лакокрасочные выделить. Покрасят на три рубля, а в акт запишут триста: всю стоимость того, что покрасили. Мы, Василий Михайлович, должны больше красить, надо же заботиться о товарном виде изделий...

Словом, запустили мы челнок на полные обороты. К концу года имеем сто и две десятых. Совладели.

Только тут пошли новые разговоры и веянья. Прилетел к нам из центра науки молодой спец, званием кандидата уже обзавелся, аса на свой лад перестроить желает.

И на совещании у Васмиха подбрасывает бомбу:

— С привлеченным валом пора кончать. Он искажает картину, нарушает учет, не дает истинного соответствия... — и пошел, пошел.

Надо-де считать лишь собственный труд каждого предприятия.

«Ну, — думаю, — если его сейчас же не срезать, он тогда наш родной вал вообще упразднит».

Отвечаю ученому малому:

— Что вы придумали — собственный труд! У нас есть труд общественный, в собственного нет и быть не может. Собственный труд?! Ха-ха! Вы на этом собственном труде, вероятно, докторскую хотите защитить... А нам ваша докторская боком выйдет, все планы завалим...

Он еще пытался вякать, но его уже не слушали.

Только я вздохнул, только продолжили челночную деятельность — новый сюрприз. Велено в нашем главке приступить к организации производственных объединений — чуешь, чем пахнет? Я их делил, а теперь? И Огурцова, и Плетнева, и Грушницкого, и Репина с Косточкиным, который в резерве стоял, — всех в кучу, в одну фирму с общим валом. А меня — под корень?! Хорошо, хоть время дали — переход осуществить в течение двух лет. Полегчало немного. Два года — срок, а такого еще не было, чтобы мы с Васмихом ничего не придумали...

Так вот и шваркает нос, друг Иван, по жизненным стихиям, уже и завитушки над головой занеслись — уцелеем ли?.. Пиши мне.

РАЗДУМИНЫ

Евг. САЗОНОВ

О старом пиджаке

Забытый всеми и усталый,
Утратив прежний
блеск и пыл,
Висит в шкафу пиджак
мой старый,
Который раньше новым
был.

Да, он, конечно, неопрятен,
Помят, и все же
чем-то мил.
И даже пятен вид
приятен,
Как вспомню,
где их посадил.

Я в нем бывал
на именинах,
Гулял на дружеских пирах,
Сидел на заседаньях
чинных
И в ЦДЛ на вечерах.

Но моды старые проходят,
Все нынче выглядит не так.
Вот и на мне согласно моде
Другой красуется пиджак.

А тот, в шкафу, все эти
годы
Одной надеждой наделен,
Что старая вернется мода
И снова пригодится он.

Увы, напрасная надежда,
Хочу признаться, не тая:
Пиджак мой, никогда,
как прежде,
Тебя носить не буду я.

А ты, читатель,
друг сердечный,
Пойми: имел в виду поэт
В стихах о моде
быстротечной
Не только лишь пиджак,
конечно...
...Но также брюки
и жилет.

НА ЧЕРНОМ РЫНКЕ ИНТЕЛЛЕКТА

Рисунок

В Висконсинском университете в Соединенных Штатах в 1970 году был достигнут сенсационный научный успех: искусственным путем удалось добыть ген — носитель наследственных признаков. Примечательным, однако, оказалось не только данное событие само по себе — всех поразило еще и другое: создателем этого американского чуда был индийский профессор по фамилии Кхорана. Это вновь привлекло внимание мировой общественности к тому факту, что значительная часть работающих в США ученых, врачей и инженеров являются выходцами из других стран.

Плановые закупки врачей

Цифры недвусмысленно свидетельствуют: по данным Американского медицинского общества, опубликованным в феврале 1973 года журналом «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», из 346 тысяч практикующих в США врачей 69 тысяч были выпускниками иностранных учебных заведений. Таким образом, уже каждый пятый доктор получил диплом врача не в США и не в Канаде. Во многих государственных лечебных учреждениях, особенно в клиниках для душевнобольных, число медиков, получивших образование за океаном, в восемь раз превышает число врачей, закончивших американские учебные заведения.

Если к тому же учесть, что в 1972 году, по данным, опубликованным недавно ООН, США приняли 7 тысяч иностранных докторов, а также что подготовка одного врача обходится Соединенным Штатам в 50 тысяч долларов, то получается, что Соединенные Штаты сэкономили таким образом фантастическую сумму — 350 миллионов долларов.

Прибыльный бизнес

Точно так же поступают с учеными и инженерами, с медицинскими сестрами и учителями. За период между 1949 и 1967 годом Соединенные Штаты путем переманивания иностранных специалистов сэкономили в общей сложности четыре миллиарда долларов. Явление, называемое «утечкой мозгов», уже давно переросло в прибыльный бизнес. Инженеров, ученых и администраторов покупают и продают, как каких-нибудь профессиональных футболистов.

Это, во-первых, дешевле, во-вторых, быстрее и, в-третьих, связано с меньшим риском, чем подготовка соответствующих кадров за собственный счет.

«Торговлю» интеллигенцией осуществляют специальные компании «по изучению кадров», энергично собирающие информацию о нужных специалистах. Они наводят справки даже о частной жизни, о слабых и сильных сторонах потенциального объекта торговли и в заключение с помощью утонченных психологических приемов и радужных посулов заманивают свою добычу в сеть для того, чтобы затем передать ее клиенту — в большинстве случаев крупным американским или международным компаниям. Разумеется, все это делается лишь за соответствующее вознаграждение, которое равняется приблизительно 25 процентам, удерживаемым из годового заработка завербованного специалиста.

Урон для стран-поставщиков

Компании «по изучению кадров» орудуют чуть ли не во всех странах Западной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Только совсем недавно парижский еженедельник «Нувель обсерватер» горестно сетовал: «Охотники за мозгами начали свои налеты на Францию в шестидесятые годы. Начиная с 1970 года масштабы их деятельности значительно расширились. Коммерсанты такого рода вынырнувшие из джунглей американского бизнеса, ведут беспощадную борьбу в интересах крупных фирм и тратят тысячи долларов, стремясь заполучить в свои руки самых лучших специалистов. Две трети руководителей американских предприятий вербуются таким способом».

Как уже указывалось в упомянутом выше документе ООН, два года назад во Франции работали 2367 высококвалифицированных специалистов из развивающихся стран. В Великобритании еще в 1966 году трудились 4027 врачей — выходцев из «третьего мира». Разумеется, эти цифры бледнеют в сравнении с соответствующими американскими цифрами: только за один-единственный 1970 год Соединенные Штаты Америки переманили из стран Азии, Африки и Латинской Америки 11412 научных работников, врачей и инженеров.

НОТ и футбол

Анатолий ЭЙРАМДЖАН

СПОРТЗАЛ КЛУБА ДС

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ научной организации труда (НОТ), футбол — это целина! Да еще какая! Ведь что обычно творится на зеленых полях почти во всех лигах?! 22 игрока плюс трое судей находятся в поле, на них глазеют тысячи людей, не считая телезрителей, а толк какой?! Полезно заняты с мячом в лучшем случае человек пять-шесть, а остальные ходят себе по полю, трибуны разглядывают, телеоператорам и фотокорреспондентам позируют, даже семечки грызут — чего правду скрывать?! И коэффициент полезного действия у них сейчас, как у паровой машины Ползунова, и никаких 11-метровые, как мы убедились, не способны его поднять.

Повысить интерес к матчу, увеличить активность футболистов можно только с помощью НОТ.

Вот наши рекомендации:

1. Во время футбольного матча игрок, свободный от мяча, должен немедленно вступать в единоборство со свободным от мяча игроком команды противника в каком-нибудь другом виде спорта, например в борьбе — вольной, классической, дзю-до, самбо и т. д. В этом случае зрители будут иметь возможность болеть за игроков своей команды даже тогда, когда они не владеют мячом.

Игрок, по какой-либо причине не имеющий себе партнера, должен показывать зрителям комплекс упражнений художественной гимнастики или акробатики. Эти виды спорта всегда пользуются успехом у зрителей.

2. Вратари. Вот кто изнывает от безделья, вот на кого прямо-таки тошно смотреть! Стоит себе у ворот и, бывает, все 90 минут даже не шелохнется.

Вратарь должен уметь играть в шахматы, что позволит во время футбольного матча провести между вратарями соперничающих команд шахматную партию «вслепую», то есть без доски и фигур. Ходы вратарей будут передаваться через громкоговорители, и зрители, пришедшие на стадион с карманными шахматами, получат дополнительную возможность болеть за любимую команду. Цвет фигур предлагается разыгрывать одновременно с воротами.

3. О зрителях. Почему мы боимся вводить зрителя в игру? Почему, например, не доверить зрителям пробитие угловых? Пусть угловые удары подают сами болельщики, вернее, наиболее достойные из них, выдвигаемые своими предприятиями или организациями. Заслужить право на угловой удар будет стремиться каждый уважающий себя болельщик.

4. Теперь о судьях. Тот, что бегает по полю и свистит, — несчастный человек, и пользы от него мало. А ведь если посадить этого судью на машинку для стрижки газонов! Бензиновый моторчик сбережет ему здоровье, а за 90 минут игры он вам все поле подстрижет! Вот вам и НОТ — можете смело сокращать единицу садовника!

Боковые судьи, или судьи на линии, как их называют. Толку от них еще меньше, их зритель вообще не замечает (случай с Тофиком Бахрамовым на мировом чемпионате 1966 года — просто исключение). Судьи на линии должны иметь при себе вместо флажков гантели или двухпудовые гири и по свистку главного судьи начинать соревноваться друг с другом — кто сколько раз выжмет. За каждого судью может болеть соответствующая трибуна, хором считая его «выжимки».

Вот пока и все. Но ученый читатель может предложить еще что-нибудь. Наука должна наконец прийти на помощь нашему футболу.

«Клуба справедливость ответ»ба ДС» ряда лиц

Владлен БАХНОВ

— вес 0,087 т, очи страстные, драматург, прозаик, поэт, сценарист, лауреат. Одним словом, лицо без определенных занятий.

Аркадий АРКАНОВ

— давление 220 на 127, очи жгучие. Врач, шахматист I разряда, отец. Похож на Марчелло Мастроянни.

Андрей КУЧАЕВ

— печень пальпируется, глаза красивые. В литературных кругах известен под псевдонимом Михрютка (по имени постоянного героя его рассказов).

Александр ИВАНОВ

— длина 1999 мм, очи прекрасные. Поэт-пародист. Говорит «не своим голосом», как и называется одна из его книжек. Женат.

Чтобы читатели могли впредь знать в лицо, на кого жаловаться, ниже публикуются художественные портреты членов Худсовета с краткими биографическими данными, чтобы, грубо выражаясь, определить, «кто есть who, а who есть кто».

Узнав о своем назначении, члены Худсовета чрезвычайно обрадовались, о чем свидетельствуют выражения их лиц.

От себя лично администрация добавляет, что никто из членов Худсовета ранее к подобной ответственности не привлекался.

Администрация надеется получать от Художественного совета художественные советы и оставляет за ним право совещательного и решительного голоса.

именующих себя писателями-сатириками. Администрация устала получать бесконечные благодарности и решила будущими пожеланиями читателей впредь делиться со своими страстными друзьями.

Одним словом, для лучшей координации, взаимодействия, взаимовыручки и дальнейшего бесконечного улучшения качества произведений, публикуемых на 16-й полосе «ЛГ», администрация с позволения Евг. Сазонова создала при «Клубе ДС» Художественный совет со всеми вытекающими из него последствиями.

В состав Худсовета администрация добровольно ввела следующих лиц: Арк. Арканова, В. Бахнова, Гр. Горина, А. Иванова и А. Кучаева.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «КЛУБА ДС»

ВОПРОС

А МОЖЕТ, ЭТО МИРАЖ?

Дорогая администрация «Клуба ДС»! 24 октября с. г., выходя из шашлычной с моим другом, технологом по специальности, я внезапно увидел на крыше соседнего дома моего двугорбого верблюда, который облизывал антенну. Я от неожиданности удивился и показал верблюда моему другу, технологу по специальности. Он посмотрел на крышу и сказал, что это не верблюд, а совсем наоборот даже, мангуру, грызущий кость. Нас это очень взволновало и навело на две мысли: или это мираж, или если это не мираж, то почему мы с моим другом, таямологом по специальности, видели на одной и той же крыше двух разных животных?

В. МУРЗИН,
техник-смотритель

ОТ АДМИНИСТРАЦИИ

Вопрос, поднятый читателем нашей газеты, как говорится, давно назрел в воздухе. Действительно, иное-что аса-ние неблаговидные поступки и явления иногда пытается выдать за мираж. И наоборот, в силу врожденного простодушия мы иногда придаем существенное значение новичку, материализуем его, а это аса-навсего обыкновенный мираж. На поступивший в редакцию вопрос отвечает известный специалист-антистим Ник. Волдин.

ОТВЕТ СПЕЦИАЛИСТА

Явления «миража» известны науке еще с незапамятных времен. Они заключаются в особых свойствах световых лучей удивительным образом преломляться в различных по плотности слоях воздуха. Так, часто путники, желающий напиться, видит ясно перед собой озера или искусственный водоем, доверху наполненный водой. Так, иногда голодный человек видит ясно стол, уставленный стерлядью, поросенком под хреном, цыпленком-табака, лобио, баночной селедочкой, соленными помидорчиками... Так, порой больной вдруг ясно видит себя здоровым, женатый — разведенным, хотя на самом деле все эти явления находятся от нас за много-много миль. Известен случай, происшедший в середине пятидесятых годов с биологом Т. Хансеном. Он шел по Сахаре и вдруг на горизонте явственно увидел свою жену в обнимку с другим известным биологом А. Вертельсеном. Тогда Т. Хансен схватил фотоаппарат и сфотографировал это удивительное явление природы. Фотография эта, сыгравшая потом исключительную роль в браконаводном процессе четы Хансенов, хранится в краеведческом музее. Мне думается, нечто подобное произошло и с тов. В. Мурзиным и его другом, технологом по специальности. Видимо, подсознательно истосковавшись по верблюду и по мангуру, друзья вышли из шашлычной. А я это время где-то в Африке лучи света, отразившись от гулявшего верблюда, и где-то в Австралии — от завтракавшего кенгуру, многократно преломились в атмосфере и достигли крыши дома.

Да! Много еще тайн и загадок таит в себе природа, когда выходишь из шашлычной.

ГУРНАЯ ГАЗЕТА

а Ц. Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

ературной газеты: Москва К-51, Цветной бульвар, 30

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), Д. ХАКИМОВ.

Зак. 818

ИНДЕКС 50067